

Государственное образовательное
учреждение «Приднестровский
государственный университет
им. Т. Г. Шевченко»

Филологический факультет

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД: межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий

Материалы
Международной научно-практической конференции
кафедры теории и практики перевода
филологического факультета
28 марта 2025 года

Часть II

Тирасполь
*Издательство
Приднестровского
Университета*

2025

УДК [81'1:008:81'25]:061.3
ББК Ш100.63я431+Ш118я431+Ч104.5я431
Я41

Редакторы сборника:

М. В. Фокша, зам. декана по научной работе, и.о. зав кафедрой теории и практики перевода

Л. Л. Косташ, ст. преподаватель кафедры теории и практики перевода

Я41 **Язык. Культура. Перевод** : межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий : материалы Международной научно-практической конференции (28 марта 2025 г.) : в 2 ч. Ч. 2 [Электронный ресурс] / ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко ; Филологический факультет ; под ред. М. В. Фокши, Л. Л. Косташ. – Тирасполь : Изд-во Приднестр. ун-та, 2025. – 308 с.

Системные требования : CPU (Intel/AMD) 1,5 ГГц / ОЗУ 2 Гб / HDD 450 Мб / 1024*768 / Windows 7 и старше / Internet Explorer 11 / Adobe Acrobat Reader 6 и старше.

В настоящем сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий» (28 марта 2025 г.).

Актуальные вопросы современной лингвистики, филологии и методики преподавания языков и культур отражены в работах преподавателей филологического факультета, представителей учительской общности республики, исследователей из-за рубежа.

Содержание сборника будет полезно широкому кругу интересующихся вопросами традиционных и инновационных подходов к изучению и преподаванию филологии, лингвистики, журналистики, методики преподавания в вузе и школе.

УДК [81'1:008:81'25]:061.3

ББК Ш100.63я431+Ш118я431+Ч104.5я431

Рекомендовано Научно-координационным советом ПГУ им. Т. Г. Шевченко

© ГОУ «ПГУ им. Т. Г. Шевченко», 2025

Научное издание

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ПЕРЕВОД:

межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий

*Материалы Международной научно-практической конференции
(28 марта 2025 г.)*

Часть II

Издается в авторской редакции.

Компьютерная верстка *О. А. Штырова*.

ИЛ № 06150. Сер. АЮ от 21.02.2002.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 17,9. Заказ № 644.

Подписано в печать 21.10.2025 (в электронном варианте).

Изд-во Приднестр. ун-та. 3300, г. Тирасполь, ул. Мира, 18.

Опубликовано на Образовательном портале ПГУ им. Т. Г. Шевченко

<http://moodle@spsu.ru>

В. С. Маджар, Л. Л. Косташ

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРЫ

В данной работе исследуются особенности англоязычных терминов в сфере архитектуры, их структурные, семантические и функциональные характеристики. Автор подчёркивает, что термины, несмотря на их профессиональную точность, остаются динамичной лексикой, отражающей технологические и экологические изменения. Особое внимание уделено способам адаптации терминов к международным стандартам, что подчёркивает их значимость в глобальной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: архитектура, англоязычные термины, структурная классификация, лексико-семантическая классификация.

FEATURES OF ENGLISH TERMS IN THE SPHERE OF ARCHITECTURE

This study explores the characteristics of English-language architectural terms, focusing on their structural, semantic, and functional properties. The author emphasizes that, despite their professional precision, these terms remain dynamic vocabulary, reflecting technological and environmental advancements. Particular attention is given to the adaptation of these terms to international standards, highlighting their significance in global professional communication.

Keywords: architecture, English-language terms, structural classification, lexical-semantic classification.

Терминология подвержена изменениям под влиянием как внутренних языковых процессов, так и внешних факторов. Одним из ключевых свойств терминов является их международный характер, что особенно важно в науке, технике и профессиональных сферах.

Архитектурная терминология представляет собой обширную и динамичную систему, отражающую как технические инновации, так и эстетические и культурные тенденции разных эпох. В современном мире появляются новые термины, связанные с устойчивым строительством, цифровыми технологиями и урбанистикой. В то же время не-

которые устаревшие понятия, ранее широко использовавшиеся в профессиональной среде, постепенно выходят из употребления, уступая место новым концепциям и подходам в архитектуре.

«Термин – это лексическая единица определённого языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определённой специальной области знаний или деятельности» [Лейчик, 2007: 31–32].

В архитектурной сфере термины формируют сложную понятийную систему, отражающую специфику проектирования и строительства. Их структура и семантика подчиняются общим закономерностям терминологии, однако влияние науки, техники и международного взаимодействия приводит к динамическим изменениям. Исследования показывают, что терминология развивается как под воздействием внутренних языковых процессов, так и под влиянием внешних факторов, таких как заимствование и стандартизация. Это подтверждает необходимость комплексного изучения терминов с учётом их функционирования в профессиональной среде.

Некоторые исследователи рассматривают возможность систематизации терминов с учётом их структурных особенностей. В работе А. В. Суперанской, Н. В. Васильевой и Н. В. Подольской обосновано, что структура терминов, включая число их компонентов, отражает специфику профессиональных понятий и их эволюцию. Такой подход послужил основой для выделения категорий классификации англоязычных архитектурных терминов, позволяя учесть их разнообразие и сложность в профессиональной практике:

а) однокомпонентные: данная категория включает термины, состоящие из одного слова, которые, как правило, обозначают базовые элементы, материалы или процессы в архитектуре и строительстве;

б) двухкомпонентные: эта группа объединяет термины, состоящие из двух слов, которые обеспечивают большую точность и детализацию;

в) трёхкомпонентные: термины, состоящие из трёх слов, описывающие сложные конструкции или системы, часто с уточняющими характеристиками;

г) четырёхкомпонентные: термины, состоящие из четырёх слов, описывающие сложные элементы с подробным указанием их свойств;

д) пятикомпонентные: термины, состоящие из пяти слов, редкие и применяемые для особо сложных технических описаний;

е) шестикомпонентные: термины, состоящие из шести слов, представляющие максимально детализированные понятия в архитектурной практике [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012: 35].

Следующий подход к классификации терминов опирается на лексико-семантический принцип, раскрывающий их смысловую организацию. Кандидат педагогических наук О. П. Корниенко в своём исследовании «Терминологическая специфика английских текстов подъязыка архитектуры и строительства» показала, что термины этого подъязыка можно систематизировать по тематическим подсистемам, отражающим профессиональную специфику. Такой подход лёг в основу анализа англоязычных архитектурных терминов, позволяя выделить их семантические группы и особенности применения в практике:

- 1) типы зданий;
- 2) конструкции зданий;
- 3) структурные элементы здания;
- 4) части здания;
- 5) основные «строительные» понятия;
- 6) инженерное обеспечение зданий [Корниенко, 2008: 153].

Теперь разберём конкретные примеры и рассмотрим, как они были образованы. Рассмотрим термины, которые были классифицированы по компонентному составу на основе подхода А. В. Суперанской, Н. В. Васильевой и Н. В. Подольской.

Слово “*skyscrapers*” (небоскрёбы) обозначает высотные здания, отличающиеся значительной этажностью и сложной инженерной конструкцией. Этот термин, состоящий из одного слова, входит в категорию однокомпонентных единиц и используется для обозначения ключевых объектов современной архитектуры. Его применение в тексте показывает, как простые термины могут точно описывать сложные сооружения.

Термин “*first-floor framing*” (каркас первого этажа) обозначает конструкцию, составляющую каркас нижнего этажа здания, необходимую для обеспечения его устойчивости. Выделенная лексическая единица состоит из трёх слов и образует двухкомпонентный термин, в котором “*first-floor*” выступает единым атрибутивным элементом, описывающим существительное “*framing*”. Этот термин принадлежит к категории двухкомпонентных терминов и используется для обозначения значимых элементов архитектурного строительства. Применение

термина в тексте демонстрирует способность таких терминов точно отражать роль конструктивных частей в создании прочного здания.

Термин *“precast concrete frame systems”* (сборные железобетонные каркасные системы) характеризует конструктивные системы, выполненные из сборных железобетонных элементов, используемые для создания каркасов зданий. Термин состоит из четырёх слов и образует четырёхкомпонентную единицу, в которой прилагательное *“precast”* указывает на метод изготовления, существительное *“concrete”* – на материал, *“frame”* – на конструктивную роль, а *“systems”* – на совокупность элементов. Это обозначение принадлежит к категории четырёхкомпонентных терминов и применяется для описания специализированных решений в строительстве. Употребление данного термина в тексте демонстрирует, как подобные конструкции чётко отражают свойства систем, обеспечивающих прочность и функциональность архитектурных сооружений.

Рассмотрим терминологические единицы, классифицированные по лексико-семантическому признаку в соответствии с подходом О. П. Корниенко.

Термин *“curtain wall systems”* (системы вентилируемых фасадов) применяется к конструкциям зданий, формирующим их внешний облик, и подчёркивает их значение в современной архитектуре. Оно обозначает системы из лёгких панелей, монтируемых на каркас здания, как в высотных офисах или торговых центрах, выделяя их роль в создании привлекательного дизайна и защите внутренних помещений от внешних воздействий. Применение данного обозначения в тексте способствует чёткому выделению фасадных систем, акцентируя их вклад в эстетику и функциональность архитектурных проектов.

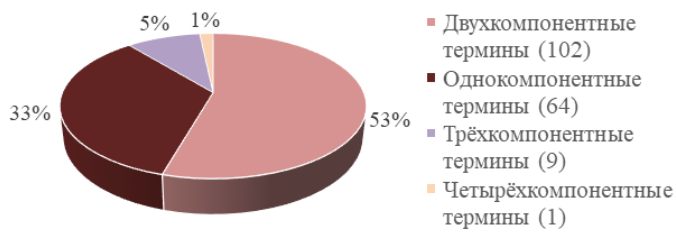
Термин *“space frame”* (пространственная рама) характеризует элементы конструкции зданий, применяемые для создания каркасов больших пролётов, и подчёркивает их значение в архитектурном проектировании. Оно обозначает трёхмерную решётчатую систему, состоящую из линейных элементов, образующих треугольные формы, как в крышах стадионов или выставочных павильонов, выделяя её способность выдерживать значительные расстояния и принимать разнообразные конфигурации. Употребление данного обозначения в тексте способствует чёткому определению этой конструктивной системы, акцентируя её роль в обеспечении прочности и гибкости крупных архитектурных объектов.

Термин “attics” (*чердаки*) характеризует части здания, расположенные под крышей, и подчёркивает их значение в архитектурной конструкции. Оно обозначает пространство между кровлей и верхним перекрытием, часто используемое для хранения или вентиляции, как в жилых домах или коттеджах, выделяя его роль в регулировании температуры и влажности здания. Использование этого обозначения в тексте показывает его практическое применение, подчёркивая роль частей здания в конструкции дома.

В ходе нашего исследования было собрано 120 примеров.

Структурная классификация по компонентному составу, основанная на подходе А. В. Суперанской, Н. В. Васильевой и Н. В. Подольской, позволила выявить разнообразие терминов, среди которых однокомпонентные составили 33 % (64 единицы), двухкомпонентные – 53 % (102 единицы), трёхкомпонентные – 5 % (9 единиц), четырёхкомпонентные – лишь 1 % (1 единица), тогда как пяти- и шестикомпонентные термины не были обнаружены.

*Архитектурные термины по компонентному составу
(по А. В. Суперанской, Н. В. Васильевой и Н. В. Подольской)*

Лексико-семантическая классификация, предложенная О. П. Корниенко позволила систематизировать термины по шести тематическим подсистемам, охватывающим 119 единиц: типы зданий – 6 % (7 единиц), конструкции зданий – 9 % (11 единиц), структурные элементы здания – 24 % (28 единиц), части здания – 18 % (22 единицы), основные «строительные» понятия – 7 % (8 единиц) и инженерное обеспечение зданий – 11 % (13 единиц). Эти подходы не только раскрывают структурное и смысловое разнообразие терминов, но и подчёркивают их международный характер, отражая связь с глобальными архитектурными тенденциями.

*Архитектурные термины по лексико-семантическому признаку
(по О. П. Корниенко)*

Проведённое исследование продемонстрировало, что англоязычные архитектурные термины, благодаря своей компактности и семантической точности, не только обеспечивают эффективную передачу профессиональных знаний, но и значительно облегчают процесс перевода, требуя при этом внимательного учёта контекста и специфики архитектурной практики. Их способность поддерживать межкультурное взаимодействие делает их незаменимым инструментом в глобальном архитектурном сообществе. Оценивая результаты, можно отметить, что работа успешно раскрывает особенности терминологической системы, а сочетание двух классификационных подходов придаёт анализу особую глубину и полноту. Достигнутые выводы создают прочную основу для дальнейшего изучения терминологии в более широком контексте архитектурной практики.

Перспективы исследований включают изучение переводческих стратегий в межкультурном контексте и анализ терминов в условиях цифровизации, что может повысить качество профессиональной коммуникации.

Литература

1. Корниенко О. П. Терминологическая специфика английских текстов подъязыка архитектуры и строительства. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2008. – 153 с.
2. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство. ЛКИ, 2007. – С. 31–32.

3. Суперанская А. В. и др. Общая терминология: вопросы теории / Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – С. 6–35.

4. Ching F. D. K. A Visual Dictionary of Architecture. 2nd ed. Hoboken. – 2011. – 259 p.

5. The American Institute of Architects (AIA) Architectural Graphic Standards, 11th Edition. – 2008. – 523 p.

УДК 378.096

И. О. Мамедова

(Азербайджанский государственный педагогический университет)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В РАМКАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МОДЕЛИ

Данная статья исследует азербайджанскую модель мультикультурализма. В статье раскрываются и анализируются основы успеха в межкультурной и кросс культурной коммуникации азербайджанского общества. Изучение родного и иностранного языка дает каждому новый взгляд на мир. Помимо приобретения знаний об общественно-политической, экономической, научной и культурной жизни различных народов и государств, учиться можно, знакомясь с опытом зарубежных стран в различных областях. Приобретение знаний, умений и навыков в области наук, изучение художественной и научной литературы развивает всесторонние качества ценного, целостного и цивилизованного человека. Образование является пространством установления межкультурного взаимодействия. Подчеркивается важность признания международных концепций, политик и характеристик других культур.

Ключевые слова: мультикультурализм, межкультурная и кросс культурная коммуникация, толерантность, гуманность, общество, государство.

MULTICULTURALISM WITHIN THE AZERBAIJANI MODEL

This article examines the Azerbaijani model of multiculturalism. The article reveals and analyse the foundations of success in intercultural and cross-cultural communication of the Azerbaijani society. Learning native and foreign languages gives everyone a new perspective on the world. In addition to acquiring knowledge about the socio-political, economic, scientific and cultural life of various

peoples and states, one can learn by getting acquainted with the experience of foreign countries in various fields. Acquiring knowledge, skills and abilities in the field of science, studying fiction and scientific literature develops comprehensive qualities of a valuable, holistic and civilized person. Education is a space for establishing intercultural interaction. The importance of recognizing international concepts, policies and characteristics of other cultures is emphasized.

Keywords: multiculturalism, intercultural and cross-cultural communication, tolerance, humanity, society, state.

MULTICULTURALISMUS IM RAHMEN DES ASERBAIDCHANISCHEN MODELLS

Dieser Artikel untersucht das aserbaidchanische Modell des Multikulturalismus. Der Artikel enthüllt und analysiert die Erfolgsgrundlagen der interkulturellen und interkulturellen Kommunikation in der aserbaidchanischen Gesellschaft. Das Erlernen der Mutter- und Fremdsprache eröffnet jedem eine neue Perspektive auf die Welt. Neben dem Erwerb von Kenntnissen über das gesellschaftspolitische, wirtschaftliche, wissenschaftliche und kulturelle Leben verschiedener Völker und Staaten kann man auch durch die Kenntnis der Erfahrungen fremder Länder auf verschiedenen Gebieten lernen. Der Erwerb von Kenntnissen, Fähigkeiten und Fertigkeiten im Bereich der Naturwissenschaften sowie das Studium der Belletristik und wissenschaftlichen Literatur entwickeln die umfassenden Qualitäten eines wertvollen, ganzheitlichen und zivilisierten Menschen. Bildung ist ein Raum zur Schaffung interkultureller Interaktion. Es wird betont, wie wichtig es ist, internationale Konzepte, Richtlinien und Besonderheiten anderer Kulturen anzuerkennen.

Schlüsselwörter: Multikulturalismus, interkulturelle und interkulturelle Kommunikation, Toleranz, Menschlichkeit, Gesellschaft, Staat.

Multikulturalismus ist einer der Aspekte der Toleranz, die in der Forderung nach einer parallelen Existenz der Kulturen zum Zweck ihrer gegenseitigen Durchdringung, Bereicherung und Entwicklung im allgemeinen Mainstream der Massenkultur besteht. Der Begriff „Kultur“ hat in verschiedenen Bereichen menschlichen Handelns eine Vielzahl von Bedeutungen. Der Begriff „Kultur“ bezeichnet menschliches Handeln in seinen vielfältigsten Erscheinungsformen, einschließlich aller Formen und Methoden der menschlichen Selbstdarstellung und Selbsterkenntnis, der Ansammlung von Fähigkeiten und Fertigkeiten des Menschen und der

Gesellschaft als Ganzes. Kultur ist eine Reihe stabiler Formen menschlicher Aktivität, ohne die sie sich nicht reproduzieren und daher nicht existieren kann. Kultur ist ein Regelwerk, das einem Menschen mit seinen innewohnenden Erfahrungen und Gedanken ein bestimmtes Verhalten vorschreibt und dadurch einen steuernden Einfluss auf ihn ausübt. Als Quelle der Kultur wird menschliche Aktivität, Wissen und Kreativität angesehen [Bielefeldt, 2007: 5–8].

Unter interkultureller Kommunikation verstehen wir Kommunikation und Interaktion zwischen Menschen aus unterschiedlichen Kulturen. Der Begriff „Cross-Culture“ ist eine direkte Übersetzung des englischen Wortes Cross Culture, das sich mit „Schnittpunkt der Kulturen“ übersetzen lässt. Interkulturelle Kommunikation ist der Prozess der Schaffung gemeinsamer Werte und der Bildung eines einzigen soziokulturellen Raums, in dem eine vollwertige Kommunikation und Interaktion zwischen Menschen unterschiedlicher Kulturen möglich ist. In Aserbaidschan hat es seit jeher einen interkulturellen Dialog gegeben. Wir wissen, dass der Einfluss des interkulturellen Dialogs auf den Multikulturalismus in Aserbaidschan unersetzlich ist. Kultur ist die erfolgreichste Sprache. In dieser Sprache verstehen sich die Menschen [Səlahəddin, 2002: 89–93]. Es ist festzustellen, dass die Verschmelzung der Kulturen sehr fruchtbar ist. Völker werden Freunde, Kulturen verleugnen sich nicht. Wir leben in einer Zeit des Dialogs zwischen den Kulturen und Religionen. Daraus resultiert der Wunsch nach Toleranz gegenüber kulturellen und religiösen Unterschieden und ein maximales Bemühen um ein friedliches Zusammenleben. Wir Menschen sind von Natur aus dazu geschaffen, mit anderen Menschen zu kommunizieren und sie zu verstehen. In diesem Sinne können wir die Weltgeschichte als die Geschichte menschlicher Dialoge und Beziehungen bewerten, einschließlich der Religionen und Kulturen.

Um erfolgreich zu sein, ist es wichtig, internationale Konzepte, Richtlinien und Besonderheiten anderer Kulturen zu erkennen. Interessanterweise beruht die Grundlage für den Erfolg interkultureller Kommunikation in erster Linie auf der Sensibilität der Menschen für ihre eigene Kultur. Verschiedene Studien haben gezeigt, dass Länder, die sich der kulturellen Unterschiede bewusst sind, diese respektieren und in der Lage sind, durch gegenseitiges Verständnis kulturelle Vielfalt in einen Vorteil umzuwandeln. Multikulturelle Gesellschaften entwickeln sich reibungslos und die Sicherheit des Staates auf der internationalen Bühne kann auf hohem Niveau gewährleistet werden [Jürgen, 2007: 65–80]. Die Entwicklung

zu einem multikulturellen Zentrum führt zur Integration der Kulturen und ihrer Transformation durch jede Kultur. Bei der Vermischung von Kulturen können sich die Mitglieder einer Nation häufig von ihren eigenen kulturellen Stereotypen befreien und anpassen und akzeptieren positive Werte und Vorteile. Hier können Menschen unterschiedlicher Religionen eine gemeinsame Basis im Konzept des Pluralismus in ihrem gemeinsamen sozialen Umfeld finden oder sich gemeinsam mit anderen ernsthaften gesellschaftlichen Problemen wie Gerechtigkeit, Frieden und Menschenrechten auseinandersetzen. Durch solche Begegnungen treten die „menschlichen“ Aspekte des Lebens zum Vorschein, indem sich gegenseitige Dienste zwischen den Kulturen verbreiten und der Austausch positiver Absichten und Aufrichtigkeit zunimmt.

Die Prozesse in der modernen Welt werfen vor allem eine Frage auf: Wie können wir in Frieden und Harmonie zusammenleben und dabei die Bedeutung der interkulturellen und interkulturellen Kommunikation berücksichtigen? Heutzutage erfordern humanitäre Fragen im Zusammenhang mit der Interaktion zwischen Kulturen, Zivilisationen und Religionen einen sensiblen Ansatz. Die Kommunikation zwischen den Kulturen ist sehr wichtig, um die Stabilität in der Welt aufrechtzuerhalten und Problemen vorzubeugen bzw. sie zu lösen: „In jüngster Zeit haben sich auf der Welt Brennpunkte der Intoleranz gebildet. Es gibt Kriege und Konflikte, es kommt zu nationalen und religiösen Konflikten und aus religiösen Gründen wird Bruderblut vergossen.“ Die Wurzel dieser Probleme liegt in der Unfähigkeit zum Dialog, mit anderen Worten in der „Abwesenheit eines Dialogs“. Die Globalisierung beschleunigt die Integration der Nationen in das Weltsystem, fördert die Entwicklung moderner Verkehrs- und Wirtschaftsverbindungen und erhöht den Einfluss der Massenmedien auf die Menschen, was durch diesen Prozess die Expansion und Migration von Menschen ermöglicht. Die Bewahrung der Existenz unterschiedlicher Kulturen, das Verständnis für den Reichtum kultureller Vielfalt und der Respekt für kulturelle Zusammenarbeit in einer Atmosphäre gegenseitigen Vertrauens und Verständnisses bilden die Grundlage für eine fortdauernde interkulturelle, interkulturelle und interreligiöse Kommunikation im Zeitalter der Globalisierung.

Die Republik Aserbaidschan ist dem UN-Übereinkommen zur Anerkennung kultureller Vielfalt beigetreten, erkennt die Notwendigkeit des interkulturellen Dialogs an und fördert den Ausbau der kulturellen Zusammenarbeit zwischen den Ländern des Ostens und des Westens. Auf

diesem kurzen, aber erfolgreichen Weg, der mit unserer Unabhängigkeit begann, wurde der Multikulturalismus zum politischen Kurs des aserbaidzschischen Staates, basierend auf national-moralischen und universalen Werten [Səlahəddin, 2002: 94–98]. Die Politik des Multikulturalismus gilt als integraler Bestandteil der demokratischen Entwicklung des Landes, des Schutzes der Menschenrechte und Freiheiten, der Politik zum Schutz und zur Entwicklung ethnischer und kultureller Werte im Land, der multikulturellen Sicherheit – ein wichtiger Bestandteil der nationalen Sicherheit. Der Multikulturalismus schafft auch starke, scheinbar sichere Grenzen um die Staaten herum. Die Vermischung der Völker führt zu Kompromissen zwischen den Staaten und führt zu gegenseitigen Zugeständnissen. Obwohl der Begriff heute neu ist, hat Multikulturalismus in Aserbaidschan im Laufe der Geschichte immer existiert. Über Jahrhunderte hinweg behandelte er andere Völker mit Respekt für ihre nationale Identität und Werte.“ In der Republik Aserbaidschan leben Vertreter verschiedener ethnischer Gruppen eng zusammen und jede von ihnen ist Träger einzigartiger Merkmale, die ihre materielle und geistige Kultur, Sprache, ihr historisches Gedächtnis, ihre Mentalität, ihr ethnisches Selbstbewusstsein und ihre Ethnopsychologie bewahren. Vertreter verschiedener Nationen, die erfolgreich in die nationale Kultur Aserbaidschans integriert sind, entwickeln sich harmonisch. Aserbaidschan kann hinsichtlich des Zustands der interkulturellen und interreligiösen Beziehungen sowie des harmonischen Zusammenlebens auf ethnischer, nationaler und menschlicher Ebene ein weltweites Vorbild sein.

Heute ist der Aserbaidschanismus eine jahrhundertealte Tradition des nationalen Lebens, der Harmonie der Religionen, der Brüderlichkeit aller im Land lebenden Nationen und ethnischen Gruppen, der Geschichte der Interaktion und des Einflusses, ihres gemeinsamen Schicksals und der historischen Erfahrung des gemeinsamen Kampfes für die Integrität, der Das unabhängige Aserbaidschan ist ein integraler Bestandteil unserer Identität. Als säkularer, zivilisierter Staat hat Aserbaidschan stets den religiösen Extremismus bekämpft, religiöse Intoleranz verurteilt und in diesem Bereich mit anderen Ländern zusammengearbeitet und tut dies auch weiterhin.

Das Konzept der interkulturellen und interkulturellen Kommunikation entstand eigentlich als Ergebnis des Bewusstseins für die kulturelle Vielfalt auf der ganzen Welt. Menschen stehen dem Überschreiten des Bekannten und Gewohnten nicht immer positiv gegenüber und zögern, sich mit Dingen anzufreunden, die sie nicht kennen oder nicht verstehen.

Die Welt wird jedoch zu einem globalen Dorf. Heute leben Menschen unterschiedlicher Rassen, Religionen und Kulturen an einem Ort. Aus diesem Grund ist die Anpassung an das multikulturelle Leben und die Kommunikation mit Menschen aus anderen Kulturen ein selbstverständlicher Prozess. Die Annäherung, die durch interkulturelle und interreligiöse Beziehungen entsteht, wird es Menschen unterschiedlicher Kulturen und Traditionen ermöglichen, sich gegenseitig abzulehnen, sich gleichzeitig aber auch zu akzeptieren und ein für ihren religiösen Glauben günstigeres Umfeld zu schaffen. Der wichtigste Vorteil solcher Ansätze besteht darin, dass sie von Intoleranz zu Toleranz, von Verurteilung zu Mitgefühl, von Feindseligkeit zu menschlicher Freundschaft, von Konkurrenz zu Einheit, von Kompromissen, von Hass und von Chaos zu einer geordneten Lebensweise führen [Səlahəddin, 2002: 99–105].

Aserbaidshan leistet in dieser Hinsicht einen wichtigen Beitrag für die Welt. Nicht nur die lobenswerte Atmosphäre der Kommunikation zwischen der kulturellen und religiösen Vielfalt des Landes und der Gesellschaft, der Erfolg der multikulturellen Politik, sondern auch der Dialog mit anderen Ländern und einflussreichen Organisationen sind nicht nur für Aserbaidshan, sondern auch für die gesamte Region wichtig und die Welt. Heute verleiht die Ausweitung der Initiativen zur Stärkung des Faktors „interkulturelle und interkulturelle Kommunikation“ in der Weltgemeinschaft Aserbaidshan ein starkes Ansehen und Autorität auf der internationalen Bühne. Obwohl Aserbaidshan ein muslimisches Land ist, wird das historische und kulturelle Erbe des Islam, des Christentums und des Judentums sowie anderer Religionen hier hochgeschätzt. Aus dieser Sicht hat Aserbaidshan jedes moralische Recht, ohne Zögern überall auf der Welt den Dialog anzustreben.

Toleranz ist einer der Hauptfaktoren, die den demokratischen Grad eines Landes bestimmen. Die Toleranz in Aserbaidshan stellt keine Bestätigung der Homogenität auf rassischer, nationaler, religiöser und menschlicher Ebene dar, sondern hat als Einheit der Vielfalt historisch den Anforderungen sowohl der lokalen als auch der globalen Realitäten der jeweiligen Zeit entsprochen. Das Wichtigste ist, dass Toleranz für die Menschen in Aserbaidshan heute ein demokratischer Wert geworden ist.

Unsere mündlich überlieferte Volksliteratur ist eine der maßgeblichen Quellen, die die Existenz historischer Minderheiten in Aserbaidshan sowie die Bewahrung ihrer Sprache, Kultur und Religion bestätigen. Insbesondere gibt es in unseren Epen viele Episoden, die vollkommene Beispiele epischer Folklore sind und zeigen, dass die Aserbaidshaner in einer Umgebung

gegenseitigen Respekts mit anderen Völkern leben. Die Aserbaidshaner haben andere Völker stets mit Respekt und Sorgfalt behandelt und nicht zugelassen, dass sie unterdrückt oder diskriminiert werden.

Nationale Minderheiten nehmen uneingeschränkt ihr recht wahr, ihre eigenen nationalen Kulturzentren, Vereine und andere Institutionen zu gründen. Derzeit gibt es in Aserbaidshan Dutzende nationaler Kulturzentren. Der Staat unterstützt diese Einrichtungen im größtmöglichen Umfang finanziell aus dem Staatshaushalt und dem Präsidentenfonds und trägt dazu bei, gegenseitiges Verständnis, Toleranz und Respekt zwischen allen Menschen unabhängig von Herkunft, Kultur, Sprache und Religion zu stärken.

Aserbaidshan ist ein gefestigter, unabhängiger Staat mit einer starken Wirtschaft und einer Nationalarmee, die besonderen Ursprünge aufweist. Der Welttag der kulturellen Vielfalt für Dialog und Entwicklung wurde von der UN-Generalversammlung (Resolution Nr. A/REC/57/249 vom 20. Februar 2003) als Ersatz für den Welttag der kulturellen Entwicklung ausgerufen und wird jährlich am 21. Mai gefeiert.

Литература

1. Bielefeldt H. Menschenrechte in der Einwanderungsgesellschaft: Plädoyer für einen aufgeklärten Multikulturalismus / H. Bielefeldt. Transcript, Bielefeld 2007. – S. 20.

2. Jürgen B. Einführung in die interkulturelle Wirtschaftskommunikation / B. Jürgen. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen 2007. – S. 133.

3. Birgit Rommelspacher: Anerkennung und Ausgrenzung – Deutschland als multikulturelle Gesellschaft. Campus Verlag, Frankfurt 2002. – S. 181

4. Səlahəddin X. Heydər Əliyev və Azərbaycançılıq məfkurəsi / Səlahəddin X. // Bakı. 2002. – 89–105.

УДК 81'37

Д. С. Мараховский, Л. Л. Косташ

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА БИБЛЕИЗМОВ

В статье рассматривается специфика перевода библеизмов на примере романа Джона Стейнбека “East of Eden” («К востоку от Эдема») и его перевода на русский язык. Анализ проводится с опорой на классификацию библеизмов

Н. В. Климович, а также на переводческие трансформации, предложенные В. Н. Комиссаровым и Т. А. Казаковой. В результате исследования выявлены наиболее частотные стратегии передачи библеизмов в художественном тексте, отражающие их лингвокультурную специфику и степень сохранения библейской образности в переводе.

Ключевые слова: библеизм, перевод, переводческие стратегии, художественный текст, библейская образность.

TO THE QUESTION ABOUT THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF BIBLICALISMS

The article examines the specifics of translating biblical expressions (biblicisms) using the example of John Steinbeck's novel "East of Eden" and its Russian translation. The analysis is based on N. V. Klimovich's classification of biblicisms, as well as translation transformations proposed by V. N. Komissarov and T. A. Kazakova. The study identifies the most frequent strategies used to convey biblicisms in literary texts, reflecting their linguo-cultural specificity and the degree to which biblical imagery is preserved in translation.

Keywords: biblicism, translation, translation strategies, literary text, biblical imagery.

Современная переводческая практика всё чаще сталкивается с необходимостью точной и адекватной передачи лингвокультурных реалий, среди которых особое место занимают библеизмы – языковые единицы, восходящие к текстам Священного Писания. Библеизмы обладают высокой семантической и культурной насыщенностью, что делает их передачу в переводе особенно сложной задачей. Их функционирование в языке охватывает широкий спектр выражений – от отдельных слов и устойчивых фразеологизмов до междометий и цитат – это требует от переводчика не только лингвистической, но и культурно-исторической компетенции.

Актуальность исследования обусловлена тем, что библейские выражения продолжают активно функционировать в художественной литературе, выступая носителями культурных кодов и важными средствами авторской выразительности.

Материалом исследования послужил роман Джона Стейнбека "East of Eden" («К Востоку от Эдема») в переводе на русский язык, выполненный Л. Б. Папилиной и Г. П. Злобиным.

Библеизмы представляют собой отдельные слова, устойчивые словосочетания, целые выражения и даже фразы, восходящие по своему происхождению к Библии, которые или заимствованы из неё, или подверглись семантическому воздействию библейских текстов, в том числе не ассоциируемые с ней в современном языковом сознании [Верещагин, 1993: 90]. Определение принадлежит профессору Е. М. Верещагину. Его мы взяли в качестве основного, поскольку данный подход в полной мере отражает широкий характер библеизмов, позволяет провести их анализ как явления, которое не только сохраняет связь с исходным текстом, но и отражает культурно-исторические процессы.

Что касается типологии явления, нами было принято решение опираться на классификацию Н. В. Климович, поскольку в работе мы освещаем лингвистический феномен в широком смысле, а данная попытка систематизировать библеизмы – это на сегодняшний день единственная классификация, которая максимально отражает многогранность этого явления. Сюда входят:

1. Библеизмы-слова, к которым относятся:
 - библеизмы-антропонимы;
 - библеизмы-топонимы, представленные ойконимами (название населённого пункта), гидронимами (название водного объекта), оронимами (название объекта рельефа земной поверхности);
 - библеизмы-реалии – наименования предметов церковного обихода, термины, используемые в религиозных обрядах и церемониях, а также понятия, обозначающие ключевые богословские термины;
 - теонимы (наименования божественных существ).
2. Библеизмы-фразеологические единицы. Данным термином обозначаются фразеологические единицы, как заимствованные из текста Священного Писания, так и возникшие на основе библейских сказаний и сюжетов.
3. Библеизмы-междометия – вокативные междометия, в состав которых входят библеизмы-слова (представленные библеизмами-именами собственными или наименованиями божественных существ).
4. Библеизмы-цитаты, которые в художественном тексте представлены:
 - прямыми (немодифицированными) цитатами из текста Священного Писания, как полными, так и сокращёнными;
 - модифицированными цитатами (намеренно изменёнными автором) [Климович, 2013:143].

Что касается переводческих трансформаций, в нашем исследовании при рассмотрении примеров мы решили опираться на классификацию, разработанную В. Н. Комиссаровым, а также на классификацию Т. А. Казаковой, поскольку она включает интересующие нас приёмы эмфатизации, нейтрализации и функциональной замены, не освещённые В. Н. Комиссаровым: лексические трансформации: транскрибирование, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция); грамматические трансформации: дословный (нулевой) перевод, членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи, члена предложения, типа предложения и т. д.); лексико-грамматические трансформации: антонимический перевод, экспликация (описательный перевод), компенсация [Комиссаров, 1990:171–186].

Кроме того, мы обратили внимание на то, как В. Н. Комиссаров предлагает переводить фразеологические единицы, которые передаются с помощью переводческих соответствий, каких он выделяет 3 типа: подбор эквивалента, подбор аналога, соответствие-калька фразеологической единицы [Комиссаров, 2011: 172–174]. Данная классификация необходима нам как дополнительная в силу специфики нашей темы.

Перейдём к анализу примеров. Первая категория – Библиеизмы-имена собственные (антропонимы): *Look at oven – pie juice from Methuselah* [Steinbeck, 1979: 14]. – Только посмотрите на плиту – её не чистили *со времён Мафусаила* [Папилина, Злобин, 2024: 89].

В оригинале используется библеизм “*Methuselah*”, представляющий собой антропоним, отсылающий к библейскому персонажу. Переводчик передал данный библеизм с помощью **калькирования**, что соответствует общеупотребительной форме этого имени в русской библейской традиции. Мафусаил – персонаж Ветхого Завета, прославившийся своей необычайно долгой жизнью, что сделало его символом древности. Дополнительно переводчик прибегает к добавлению «*со времён Мафусаила*», что делает всё предложение более понятным русскоязычному читателю.

Далее по классификации следуют библеизмы-топонимы: *He went on to Adam’s dream of a garden like Eden and to Adam’s adoration of Cathy* [Steinbeck, 1979: 135]. – Тогда он задумался над мечтой Адама превратить ранчо в *библейский райский сад*, вспомнил, с каким обожанием он относится к Кэти [Папилина, Злобин, 2024: 291].

Здесь мы видим библейский топоним “*Eden*”, который отсылает к райскому саду, где жили Адам и Ева. В русском переводе данный топоним передаётся с помощью **описательного перевода** – «*библейский райский сад*». Переводчик не использует прямую кальку, а вместо этого поясняет культурный и религиозный смысл топонима, делая акцент на его происхождении («*библейский*») и сущности («*райский сад*»). Такой приём помогает читателю, которому, возможно, незнакома библейская география, уловить метафорический и символический смысл, вложенный в выражение.

Рассмотрим следующий пример, содержащий в себе библеизм-реалию: Adam had seen and studied a fine colour broadside which set forth the valley as that region which *heaven* unsuccessfully imitated [Steinbeck, 1979: 103]. – Адам внимательно изучил красочный рекламный плакат, утверждавший, что *райские кущи* являются лишь жалкой копией скалочной долины [Папилина, Злобин, 2024: 217].

В оригинале используется реалия “*heaven*” – традиционный образ рая, символ совершенства, покоя и блаженства. В русском переводе это слово передано с помощью эмфатизации – «*райские кущи*». Данное выражение обладает высоким стилистическим регистром, архаично-поэтичной окраской и экспрессивностью. Такой перевод не просто сохраняет библейскую отсылку, но и придаёт высказыванию ироничный оттенок, усиливая эффект преувеличения, заложенного по контексту в рекламном плакате.

Далее следует яркий пример использования библеизма-теонима: We’ve all of us got a little of *the Old Nick* in us [Steinbeck, 1979: 68]. – В каждом из нас живёт эдакая *чертовщинка* [Папилина, Злобин, 2024: 144].

Выражение “*the Old Nick*” является эвфемистическим обозначением дьявола, одного из теонимов, распространённых в англоязычной культуре. Это разговорный вариант имени дьявола, применяемый в менее торжественном, нередко ироничном контексте. В русском переводе данное выражение передано с помощью модуляции – «*эдакая чертовщинка*». Такая трансформация адекватно передаёт интонацию оригинала и тонкую иронию, заключённую в данном примере, а также избавляет читателя от лишних раздумий, кто же такой Старый Ник.

А теперь разберём интересный пример библеизма-фразеологической единицы: We’ve spared the rod [Steinbeck, 1979: 37]. – Как говорится, *пожалеешь розги – испортишь дитя* [Папилина, Злобин, 2024: 141].

В оригинале автор использует библейскую фразеологическую единицу “*spared the rod*”, которая восходит к пословице из Притчей Соломоновых. Её полная форма “*spare the rod and spoil the child*”. Переводчики прибегают к **подбору эквивалента** – «*пожалеешь розги – испортишь дитя*», широко известный в русской культуре и также имеющий библейские корни. Дополнительно использовано **добавление**: неполная пословица в оригинале передана в полной форме. Перевод можно признать адекватным.

Библеизмы-междометия – распространённое явление в разговорной речи в обоих рассматриваемых нами языках: *Jesus Christ! Where’ve you been?* [Steinbeck, 1979:50] – *Господи*, где же тебя носило столько времени [Папилина, Злобина, 2024:104]?

В оригинале используется вокативное междометие “*Jesus Christ!*”, часто выражающее сильные эмоции. Несмотря на религиозное происхождение, в разговорной речи такое междометие утрачивает свою сакральную окраску и используется как экспрессивное клише. В русском переводе оно передано с помощью **функциональной замены** – «*Господи*», что также является распространённым восклицанием. Такое решение делает выражение более универсальным и соответствующим нормам речевой культуры русского языка.

И последняя категория библеизмов – это цитаты: *Wherever a trickle of water came out of the ground a house sprang up and a family began to grow and multiply* [Steinbeck, 1979: 11]. – Рядом с любым ручейком тотчас возводили дом, и поселившаяся там семья начинала *плодиться и размножаться* [Папилина, Злобин, 2024: 12].

В данном примере мы имеем выражение “*to grow and multiply*”, восходящее к библейской цитате из книги Бытия, которую Бог адресует первым людям (“*Be fruitful and multiply*” – «плодитесь и размножайтесь»). В русском переводе эта библейская цитата передана с помощью **подбора эквивалента** – «*плодиться и размножаться*». Такое переводческое решение можно считать адекватным, поскольку оно точно передаёт как форму, так и культурную значимость оригинального выражения, сохраняя при этом библейскую отсылку и узнаваемость.

В ходе работы была проанализирована частота использования переводческих стратегий. Мы можем установить, что чаще всего применяется функциональная замена и дословный перевод, реже всего – грамматическая замена и компенсация.

Проведённый анализ подтвердил, что библеизмы представляют собой сложное и многослойное явление, в котором тесно переплетены языковые, культурные и религиозные компоненты. В художественном тексте они выполняют не только номинативную, но и экспрессивную функцию, формируя особую стилистическую окраску высказывания.

Таким образом, передача библеизмов требует комплексного подхода, сочетающего знание источниковой культуры, владение средствами выразительности родного языка и осознание роли таких единиц в межкультурной коммуникации.

Литература

1. *Верецагин Е. М.* Библейская стихия русского языка / Е. М. Верецагин // *Русская речь*. – 1993. – № 1. – С. 90–98.
2. *Казакова Т. А.* Практические основы перевода. English – Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.
3. *Климович Н. В.* Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте // *Вестник Томского ГПУ*. 2013. – № 10 (138). – С. 141–147.
4. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. – 408 с.
5. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. *Стейнбек Дж.* К востоку от Эдема: [роман] / Джон Стейнбек; [пер. с англ. Л. Папилиной, Г. Злобина]. – Москва: Издательство АСТ, 2024. – 960 с.
7. *Steinbeck J.* East of Eden. – London: Penguin Books, 1979. – 465 p.

УДК 811.11

М. С. Медведева

(Ростовский юридический институт МВД России)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

За последние несколько десятилетий лингвистическая наука стала уделять повышенное внимание проблематике эпистолярного жанра. Письма стали объектом разностороннего изучения. Лингвисты обращаются к анализу жанрово-стилевой специфики эпистолярия, изучают структуру писем, ис-

следуют языковые единицы и особенности их функционирования на разных уровнях языка и т. д. Данная статья посвящена лексическим особенностям перевода эпистолярных текстов.

Ключевые слова: эпистолярный текст, перевод, лексические особенности, иностранный язык, имя собственное, транскрипция.

LEXICAL PECULIARITIES OF TRANSLATION OF EPISTOLARY TEXTS

Over the last few decades, linguistic science has begun to pay increased attention to the problems of the epistolary genre. Letters have become the object of versatile study. Linguists turn to the analysis of genre and style specifics of epistolary, study the structure of letters, investigate linguistic units and peculiarities of their functioning at different levels of language, etc. This article is devoted to lexical peculiarities of translation of epistolary texts.

Keywords: epistolary text, translation, lexical features, foreign language, proper noun, transcription.

Эпистолярные тексты неоднократно привлекали внимание ученых, в частности, лингвистов на протяжении нескольких десятилетий. Данный тип текста входит в корпус объектов, составляющих предмет исследования лингвистики текста, и относится к текстам эпистолярного жанра [Шевченко, 2021: 96].

К анализу сохранения функциональной оригинальности при переводе эпистолярных романов можно подойти с позиции языковых уровней. Таким образом, рассмотрим перевод выбранных эпистолярных романов, изучая их с лексической точки зрения.

На лексическом уровне определяются слова и словоформы, которые возможны для данного языка. Комбинируя между собой морфемы и слоги, можно образовать бесконечное количество словоподобных конструкций, но в каждом конкретном языке далеко не все они будут наполнены каким-либо значением.

Логичнее всего начать с перевода имен собственных, конкретнее – антропонимов. Как правило, перевод именовании людей не вызывает особых сложностей. Зачастую они или транскрибируются, или транслитерируются [Виноградов, 1975: 149]. Это обусловлено тем фактом, что имена собственные порождены не потребностями познания, а соображениями удобства коммуникации, особенностями языка [Чесников, 1967: 317].

Примеры транскрипции:

1. *Sophie Strachan* (Mary Shaffer, p.6) – *Софи Стречен*;
2. *Charles Lamb* (Mary Shaffer, p.7) – *Чарльз Лэм*;
3. *Helene* (Helene Hanff, p.1) – *Хелен*;
4. *Brian* (Helene Hanff, p.7) – *Брайан*.

Имена собственные, переданные путем транскрипции, являются теми некоторыми элементами перевода, которые сохраняют присущее им национальное своеобразие в своей словестной звуковой форме [Виноградов, 1975: 150]. Так, например, американские имена *Sophie* и *Helene* не становятся обрусевшими по вине переводчика (Софья, Елена), а передаются как Софи и Хелен.

Примеры транслитерации:

1. *Rob Dartry* (Mary Shaffer, p.12) – *Роб Дарттри*;
2. *Isola* (Mary Shaffer, p.18) – *Изола*;
3. *Ben Marks* (Helene Hanff, p.16) – *Бен Маркс*;
4. *Megan* (Helene Hanff, p.16) – *Меган*.

Очень часто встречаются примеры, когда при переводе имя и фамилия включают в себя как прием транскрипции, так и прием транслитерации. Например:

1. *Susan Scott* (Mary Shaffer, p.4) – *Сьюзан Скотт*;
2. *Sidney Stark* (Mary Shaffer, p.4) – *Сидни Старк*;
3. *Walter Savage Landor* (Helene Hanff, p.6) – *Уолтер Сэвидж Лэндор*;
4. *Austin Dobson* (Helene Hanff, p.19) – *Остин Добсон*.

Таким образом, изучив рассмотренные примеры, можно подвести следующий итог. При работе с двумя языками, имеющими разную графику, для передачи имени собственного, в частности, антропонима, переводчик использует транскрипцию или транслитерацию, избегая русифицирования имен, присущих данному иностранному языку. Оба переводчика сумели избежать ошибок при передаче антропонимов. На данном этапе исследования можно с уверенностью отметить, что функциональная оригинальность при переводе была полностью сохранена.

Лексический языковой уровень не ограничивается именами собственными. Так, например, роман Мэри Шеффер «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» наполнен большим количеством писательских профессионализмов, которые активно использует Джулия в своих письмах. Рассмотрим некоторые из примеров:

1. *You may deduct the money from my **royalties**.* (Mary Shaffer, p. 5) – Деньги вычтешь из моего **гонорара**.

2. *I would also like to ask if anyone has ever written his life story.* (Mary Shaffer, p.8) – Также хорошо бы узнать, издана ли его биография.

3. *Don't fret about English Foibles; better that your enthusiasm died now than after six months spent writing about bunnies.* (Mary Shaffer, p. 5–6) – Не переживай из-за «Слабостей»; если энтузиазм угас, лучше сейчас, чем через полгода писанины.

4. *P.S. My friend Mrs. Maugery bought a pamphlet that once belonged to you, too.* (Mary Shaffer, p. 8) – P.S. Одна моя знакомая, миссис Моджери, купила памфлет, тоже когда-то принадлежавший Вам.

Рассмотрев данные примеры, мы видим, что переводчик использовал разные способы перевода профессионализмов. Это позволило наиболее полно передать на русский язык то, что было задумано автором на языке оригинала, избегая при этом стилистических потерь.

Что касается романа Хелен Ханфф «84, Чаринг Кросс Роуд», несмотря на то, что главная героиня Хелен так же, как и Джулиет, была писательницей, в её письмах отсутствует прямая отсылка на род её деятельности. Это объясняется тем, что роман, в основном, состоит из писем дружеского типа. В то же время у Мэри Шеффер включены в роман письма делового характера, и это нашло отражение в используемой лексике.

Однако не стоит забывать, что по большей части переписка ведется между заказчицей книг и работниками букинистического магазина. Это подталкивает Хелен Ханфф к использованию лексики, присущей букинистам. Рассмотрим несколько примеров.

1. *The books arrived safely, the Stevenson is so fine it embarrasses my orange-crate bookshelves, I'm almost afraid to handle such soft vellum and heavy cream-colored pages.* (Helene Hanff, p.3) – Книги получены в сохранности, томик Стивенсона настолько превосходен, что затмевает мои полочки из апельсинового дерева, и я немного опасаясь держать в руках такой тонкий переплет и такие тяжелые кремовые странички.

2. *It is an old edition published in 1876, not very handsome but well bound and a good clean copy, and we are sending it off to you today with invoice enclosed.* (Helene Hanff, p.6) – Это старое издание, выпущенное в 1876 году, не самое привлекательное на вид, но экземпляр чистый и в хорошем переплете, и мы отправим его Вам сегодня же, прилагая к посылке накладную.

3. *Anyway, we now have in stock the Oxford Bok of English Verse, printed on India paper, original blue cloth binding, 1905, inscription in ink on the fly*

leaf but a good secondhand copy, price \$2.00. (Helene Hanff, p.14) – В любом случае, сейчас у нас есть в наличии Оксфордская «Хрестоматия Английской Поэзии», напечатанная на тонкой бумаге, в оригинальном голубом тканевом переплете, выпущенная в 1905 году, на форзаце есть надпись чернилами, но это хороший экземпляр за 2 доллара.

Данные примеры показывают отличительные особенности обоих романов, кажущихся на первый взгляд очень похожими. Разносторонний подход к переводу специфических слов и выражений, принятых в кругу издателей и букинистов является показателем того, что тексты эпистолярного жанра заслуживают отдельного внимания в кругу переводчиков. При всем вышесказанном важно отметить, что стиль автора оригинала обоих произведений был выдержан при переводе, а переводчики, в свою очередь, смогли в полной мере донести до русскоязычного читателя созданную ранее атмосферу.

Как уже было отмечено, действия в обоих романах принадлежат послевоенному периоду конца Второй мировой войны. Из этого следует, что, так или иначе, данный факт должен быть отражен в повествовании за счет особого пласта лексики. Например:

1. But the Agricultural Officer nosed them out and carried them off. (Mary Shaffer, p.17) – Но сельхоз штурмбанфюрер или как его там быстро про это пронюхал и отобрал моих красавиц.

2. They came in the daytime, and they came so fast there was no time for an air-raid siren or to take cover. (Mary Shaffer, p.19) – Они налетали днем и так стремительно, что не хватало времени не то что добежать до укрытия, но даже включить сигнал воздушной тревоги.

3. Charles Lamb made me laugh during the German Occupation, especially when he wrote about the roast pig. (Mary Shaffer, p.7) – Он смешил меня даже во время фашистской оккупации, особенно рассказ про жареную свинью.

4. Six German patrol officers suddenly rose out of the trees with their Lugers drawn and began to shout. (Mary Shaffer, p.17) – Из-за деревьев с «люгерами» наперевес выступили шестеро патрульных, раскричались.

5. The chief figures are two men in bowler hats, holding briefcases and umbrellas, and one man is saying to the other man, “It is ridiculous to say these Doodlebugs have affected people in any way.” (Mary Shaffer, p.18) – Главные персонажи – двое мужчин в котелках, с портфелями и зонтиками. Один говорит другому: «Говорят, «червяки» странно влияют на людей. Чушь!»

Подводя итог выше сказанному, приведенные примеры показали, что не всегда переводчику удавалось полностью передать колорит военного времени. Так, в случае с «люгерами» читателю сложно понять, что имелось в виду, учитывая, что переводческий комментарий был опущен. За счет этого текст русского языка понес некоторые смысловые потери. В примере с «червяками» в тексте был приведен комментарий, но позже, что так же привнесло некоторое недопонимание.

Обращаясь к роману Хелен Ханфф, как таковых примеров военной лексики выявлено не было. Однако атмосфера послевоенной нужды была отражена в явной нехватке продовольствия, которую испытывал Лондон того периода.

На данном этапе исследования можно сказать, что бывают случаи, когда переводчику трудно передать смысловую и стилистическую окраску оригинала в полной мере. Это связано с тем, что реалии предыдущих поколений не могли быть «прочувствованы» переводчиком, а потому сохранение функциональной оригинальности стало проблемой.

Литература

1. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, в его кн.: Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 560 с.

2. Особенности эпистолярного жанра. [Электронный ресурс]: Сайт литературного объединения «Сатурния». – [Режим доступа]: <http://nsaturnia.ru/kak-pisat-stixi/osobennosti-epistolyarnogo-zhanra/> (дата обращения: 10.01.2025).

3. Русская эпистолярная литература. [Электронная библиотека]. – [Режим доступа]: <http://www.newlookmedia.ru/?p=39562> (дата обращения: 10.01.2025).

4. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. – М., 1967. – С. 317–318.

5. Шевченко М. С. Особенности и проблемы перевода художественных эпистолярных текстов // В сборнике: Язык и коммуникация в контексте культуры. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции. – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 96–99.

Н. Т. Мирзоева

(Азербайджанский архитектурно-строительный университет)

РАЗНОЧТЕНИЯ В ПОНЯТИИ ПАТРИОТИЗМА И ПАЦИФИЗМА В ВОЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ К. СИМОНОВА И Э. ХЕМИНГУЭЯ

В статье рассматриваются особенности военной публицистики К. Симонova и Э. Хемингуэя. В ней сделана попытка показать общность точек зрения и разницу на предмет настоящего исследования, определить специфику пацифистских литературно-критических выступлений двух писателей.

Ключевые слова: патриотизм, пацифизм, литература, военная публицистика, война, художественное творчество, корреспондентская деятельность.

DISCREPANCIES IN THE CONCEPTS OF PATRIOTISM AND PACIFISM IN THE MILITARY JOURNALISM OF K. SIMONOV AND E. HEMINGWAY

The article examines the features of military journalism by K. Simonov and E. Hemingway. It attempts to show the commonality of points of view and the difference on the subject of this study, to determine the specifics of the pacifist literary and critical speeches of the two writers.

Keywords: patriotism, pacifism, literature, military journalism, war, artistic creativity, correspondent activity.

Трудно назвать писателя мирового масштаба, который, пройдя в XX столетии горнило военных катастроф, остался бы равнодушным к тому, чтобы не затронуть эту тему в своих произведениях. Представители разных национальностей могли подходить к этой тематике с индивидуальных позиций, с учётом личного опыта пережитых душевных страданий и, конечно же, менталитета. Но при этом каждый честный, талантливый и ответственный за судьбы людей публицист думал прежде всего о том, чтобы вернее отразить текущую обстановку. Существо дела заключается не только в том, чтобы с хронологической точностью описывать ход сражений, но первую очередь решительно указать на чудовищность любой войны, под какими бы идеологическими или политическими соображениями она не начиналась и не велась долгие годы. Серьёзный и вдумчивый писатель не оставит без внимания и потенциально возможную реакцию со стороны граждан-

ских читателей и даже их потомков. Таким образом, в образцовой военной публицистике непременно получает актуализацию категория нравственной ответственности за написанное о событиях и людях, их переживших. Эта сторона вопроса для военных писателей – патриотов и пацифистов в одном лице для К. Симонова и Э. Хемингуэя приобретает большое значение. Очень многое роднит их в военной публицистике, так как оба писателя, и русский, и американский, были и свидетелями, и участниками войн. Однако видение данной проблемы позволяет говорить об некоторых расхождениях. Показать общность точек зрения и разницу на предмет настоящего исследования – задача нашей статьи.

Объективно среди литературно-критических суждений большое место для Симонова и Хемингуэя как активных популяризаторов патриотических и пацифистских идей соответственно занимают рассуждения об элементарной человеческой совести, военном долге и кодексе гражданской чести. Следует отметить, что нравственные категории преимущественно были осмыслены в историческом аспекте (русский и американский писатели пытались отыскать образцы высоконравственного поведения в прошлом). Однако акценты расставлены были исходя из индивидуальной позиции. Как выясняется, у каждого была своя система ассоциаций, потому и на данную категорию они смотрели с разных точек зрения.

Каких же? Пацифистские литературно-критические выступления двух писателей имели свою специфику, ставящую их в особое положение.

Во-первых, активизация публицистических выступлений Симонова и Хемингуэя была тесно связана с определёнными социокультурными потребностями в обществе. В периоды острых социальных перемен, вызванных переоценкой военной действительности, повышением социальной активности людей, необходимостью идейно-нравственного самоопределения, особенно остро ощущается необходимость писательского слова. Иными словами, писатели чаще обращаются к литературно-критической работе в переломные годы. Отсюда следует очевидная соотнесённость выступлений Симонова и Хемингуэя с конкретным историческим моментом, т. е. злободневность их военных корреспонденций. Этот факт заслуживает серьёзного внимания и позволяет говорить об активности их острого публицистического начала в большинстве выступлений такого рода.

Во-вторых, отметим, что нередко эта сторона деятельности русского и американского писателей в современной критико-монографической литературе иногда воспринимается как «вторичная», то есть следующая за художественным творчеством, или же как вторжение в «соседний цех». Не берёмся оспаривать это положение, но вместе с тем ещё раз подчеркнём огромную роль объективно-исторического фактора, который существенно влиял на литературные приоритеты Симонова и Хемингуэя. Показательным в этом плане представляется суждение Ч. Айтматова, считающего, что «подчас, в какие-то моменты именно публицистика может больше значить, чем художественная литература».

В-третьих, надо иметь в виду, что художественное и публицистическое творчество двух писателей составляют единое целое. В рамках одной творческой деятельности в данном случае происходит «переакцентуация» (термин М. М. Бахтина), взаимопроникновение, обогащающее и собственно художественную и публицистическую стороны работы писателей.

В-четвёртых, русский и американский писатели в своей военной публицистике старались учитывать определённые структурные признаки, которые, с одной стороны, служат для сообщений о субъекте (например, рядовом солдате), с другой – об объекте (факте, событии) при их обоюдной констатации. В согласии с принципом отражения реальной действительности статьи, очерки и корреспонденции первого типа критики предлагают считать аналитическими, а вторые – констатирующие. Содержанием первых является сообщение о так называемых «открытых» характеристиках, которые следует устанавливать аналитическим путем. Главным же признаком или свойством констатирующих статей является сообщение об объектах или фактах реальной военной действительности.

Итак, указанные специфические черты военной публицистики двух писателей позволяют нам выделить характерологические особенности их отношения к патриотизму и пацифизму. Слова или понятия, многократно произносимые в обыденной речи, имеют немало оттенков. Например, если свериться с соответствующими статьями толковых словарей, то в них слова пацифизм, изоляционизм, антимилитаризм, патриотизм – с ключевой доминантой «антивоенные идеи или настроения», даются с индивидуальной пометой, то есть имеют несколько отличную друг от друга лексико-семантическую и стилистическую окраску.

Подчеркнём, что для Симонова-публициста «патриотизм» всегда и везде ставился на первое место, можно сказать, отчасти затмевая даже пацифизм в буквальном смысле слова. Полагаем, что никакого нарушения в логике его рассуждений здесь не наблюдается. Патриотизм для него фактически отождествлялся с борьбой за свободу [Вишневская, 1966]. Причём, как с самым главным и непримиримым врагом – фашизмом, так и в согласии с любым народом, ведущим освободительную борьбу против захватчиков. Так что патриотизм, рассматриваемый под таким углом зрения, равнозначен пацифизму и ему вовсе не противоречит. В военной публицистике Хемингуэя всё оказывается более проблематично. Эти понятия в его представлении, с одной стороны, получают раздельную трактовку (и в публичных выступлениях, и в частных интервью, и непосредственно в подтексте сочинений), с другой же стороны, тесно переплетались между собой. В отличие от доминанты патриотизма у К. Симонова, здесь порою бывает сложно определить, чему Хемингуэй отдаёт предпочтение. В сущности, они выражают его идеи о влиянии антивоенного политического движения на социально разнородные силы, но между тем объединённых суждениями о борьбе против любого вооружённого насилия, причём, не только в региональном и национальном, но глобальном масштабе. Для Симонова в том же самом масштабе (потому что фашизм он однозначно считал мировым злом, не сопоставляя его с международной бойней 1914–1918 гг.) никакой дилеммы между патриотизмом и пацифизмом не существовало. Но в отдельных суждениях американского писателя невольно происходит путаница категорий патриотизма и пацифизма. Порою складывается впечатление, что он не знает, как правильно отвечать на прямые вопросы, которые ему были заданы его собеседниками. Это ни в коем случае не в упрёк, но участие в I Мировой, о которой Симонов мог знать только из историко-литературных источников, внесло в настоящий вопрос определённые коррективы. Они ясно отразились в его военной публицистике.

Э. Хемингуэй не был абстрактным активистом массового пацифистского движения на Западе. Он ещё с юности стал свидетелем бесчеловечных отношений к простым людям, пострадавших от пропагандистов идеологии фашизма. Так пацифизм в некоторых его корреспонденциях сужается до границ антифашизма. В действительности, Э. Хемингуэй не принимал никаких воин в принципе, но его пацифизм

словно автоматически низведён до неприятия фашизма, превращающего (как и любая война) близких ему людей в «потерянное поколение». В своих статьях и очерках он почти нигде не касается вопросов колониальных войн, ведущихся, к примеру, на территории Латинской Америки [Грибанов, 1983]. Скажем, то, что составляло главный предмет художественного исследования английского писателя-пацифиста Грэма Грина (единомышленника), просто проходило мимо внимания Хемингуэя, ограничиваясь исключительно ненавистью к фашизму. Он не принимал также убеждений Р. Киплинга, призывавшего оправдывать и защищать политику агрессии Запада в целом. Отдавая долг истинному патриотизму, Хемингуэй, естественно, не был поборником колониальной экспансии. Скажем больше того, в своём пацифизме в зрелом творчестве Хемингуэй дошёл до осознания необходимости присоединения к ком. партии, хотя взглядов и убеждений коммунистов никогда не разделял. Он просто принимал коммунизм как одно из важных средств в деле пропаганды пацифизма, в форме оппозиции агрессору. Между тем ненависть к фашизму в особенности возросла у писателя, начиная с января 1933 года, когда к власти пришёл Гитлер.

К чести двух писателей, они рассматривали пацифизм как сложное и неординарное явление, которое, помимо своего основного предназначения – миротворческой миссии на земле, подспудно подразумевает и тягу людей к жизни. Жизнь против смерти – один из важных девизов в мировом пацифистском движении. В таком подходе они были обоюдно солидарны. По мнению К. Симонова, писатели-публицисты должны показывать войну не только с собственно пацифистских позиций. Они были также едины в том, что художественная литература и публицистика в период войны выполняют очень большую роль. В непрерывности диалектики процесс борьбы нестандартно связан с жизнью. Её нельзя заглушить. На войне люди всё равно продолжают жить, трудиться, любить, радоваться удачно прожитому дню – эта истина для писателя-патриота и пацифиста Симонова в одном лице наполнилась новым смыслом.

Если Хемингуэй мог лично набраться опыта при участии в империалистической войне 1914–1918 гг., а также в ходе работы в качестве журналиста, то для советских писателей масштаб Отечественной войны был несоизмерим. Необходимо также отметить, что юный Хемингуэй попал в среду профессиональных коллег-публицистов, которые помогали ему на первых порах в создании статей, очерков и корре-

спондений [Гиленсон, 1991]. Ко времени же начала Второй Мировой войны у него было уже достаточно собственного журналистского опыта.

С 1936 года, когда над Испанией нависли первые угрозы военного вторжения немцев, Хемингуэй написал ряд вполне зрелых статей. Было у него немало интересных выступлений в печати и на публике как писателя-пацифиста. Иным было положение в военной публицистике СССР. Так, до грозных дней 1941 года создавалось немало так называемых «барабанных» произведений, поэтизировавших представления, согласно которым будущая война виделась короткой и победоносной. С сожалением в наши дни приходится осознавать, что эйфория и шапкозакидательские настроения были распространены среди определённой части советских воинов первых месяцев войны. Конечно же, К. Симонову это было известно, но афиша подобного была под цензурным запретом. Такая тенденция продолжалась какое-то время и в начале войны, правда, уже к 1942 году это инерционное движение довоенного литературного процесса закончилось. Симонов во многом способствовал поднятию престижа военной публицистики, в основном благодаря статьям о патриотизме советских солдат и пацифизме в целом.

Литература

1. Вишневская И. Л. Константин Симонов. Очерк творчества / И. Л. Вишневская. – М.: Просвещение, 1966. – 242 с.
2. Гиленсон Б. А. Эрнест Хемингуэй / Б. А. Гиленсон. – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
3. Грибанов Б. Публицистика Эрнеста Хемингуэя / Б. Грибанов. В кн.: Старый газетчик пишет... – М.: Прогресс, 1983. – С. 5–15.

Е. И. Михалева

(Московский городской педагогический университет)

РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНИКИ ТЕНЕВОГО ЧТЕНИЯ

В настоящей статье анализируется лингводидактический потенциал техники теневого чтения при работе над произносительной стороной речи изучающих английский язык. Описана технология работы с аудиоматериалами с целью развития фонетической компетенции студентов.

Ключевые слова: техника теневого чтения, фонетическая компетенция, произношение, фонетические навыки, аудирование, говорение, интонация.

SHADOWING AS A TEACHING TECHNIQUE FOR BUILDING PHONETIC COMPETENCE

The paper focuses on the potential of Shadowing as a technique used in teaching students pronunciation of the English language. The method of working with audio materials in order to build phonetic competence of students is described.

Keywords: Shadowing, phonetic competence, pronunciation, phonetic skills, listening, speaking, intonation.

Проблема совершенствования фонетических навыков студентов, изучающих английский язык в языковом вузе, стоит достаточно остро перед преподавателями. Это связано с общим отношением к произносительной стороне речи в XXI веке: акцент смещен на достижение понимания в процессе коммуникации. «Инновации состоят в том, что произношение носителя языка уже более не рассматривается как эталон оценивания, вместо него появляется критерий intelligibility, разборчивости, т. е. корректности и адекватности, необходимой и достаточной для успешного общения на иностранном языке» [Павловская, 2022:15]. Однако несмотря на тенденции к толерантности, сохранению собственной идентичности и проявлению ее в речи на иностранном языке, требования нормативных документов к сформированности произносительных навыков студентов, к профессиональной компетентности выпускников вузов, а также преподавателей иностранного языка достаточно высоки.

Специалисты в области обучения иностранному языку сходятся во мнении, что актуальным является поиск способов, позволяющих развить коммуникативные навыки, «при которых происходит становление целостной лингвистической компетентности, направленной на изучение языка не только как способа коммуникации, но также средства познания иной культуры, умения общаться в различных ситуациях» [Тарасова, 2023: 174–177].

В этой связи возникла необходимость пересмотра традиционного подхода к обучению иноязычному произношению, поиску современных инновационных и эффективных способов развития фонетической компетенции студентов.

Несмотря на то, что изначально упражнения на теневой повтор (Shadowing) были внедрены в процесс подготовки синхронных переводчиков [Namada, 2019: 386–394], с целью «научить студентов говорить и слушать одновременно на протяжении нескольких минут» [Бубнова, 2018: 173], в последнее время отмечается значительный интерес к данной технике отечественных лингводидактов, которые считают эффективным ее применение в работе над произносительной стороной речи [Лачугина, 2022: 393–398; Насилевич, 2022: 209–213; и др.] и над преодолением трудностей восприятия звучащей речи – элементом «повседневной и профессиональной деятельности» [Тарасова, 2023: 174–177].

В литературе представлено синонимичное использование понятия *shadowing*, который чаще авторы называют методом теневого повтора [Дымова, 2023: 35–41; Тарасова, 2023: 174–177; Лачугина, 2022: 393–398; Насилевич, 2022: 209–213 и др.], реже техникой [Руннова, Сосоновцева, 2022: 214–218; Михалева, 2025: 78 и др.], некоторые считают, что поскольку в основе лежит имитация речи, корректнее называть эту форму работы приемом, упражнением [Бубнова, 2018: 171–178 и др.]. Мы придерживаемся формулировки «техника теневого чтения», который используется отечественными фонетистами, а также западными учеными.

Проанализировав научную и методическую литературу, можем заявить, что разработано не так много пособий по развитию фонетической компетенции изучающих английский язык с применением техники теневого чтения [Дымова, 2023: 35–41; Михалева, 2025: 78].

Особенность разработанного автором данной статьи фонетического пособия “Shadowing with...” заключается в том, что совер-

шенствование слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков осуществляется в ходе работы с аутентичными записями, представляющими разные коммуникативные фоностили (от самопрезентации до декламации). Важно отметить, что одним из критериев отбора материала был социофонетический принцип. В пособие включены выступления носителей вариантов английского языка, входящих во внутренний круг по классификации Б. Качру (*Modern RP, Estuary English, Scottish English, American English, Australian English* и др.). Студенты создают социофонетический портрет каждого выступающего, анализируют фонетическое оформление речи, выявляя закономерности каждого типа изучаемого дискурса, прагматику текста.

Существующий на данный момент алгоритм работы с текстом в рамках техники *shadowing* имеет в своей основе общие этапы:

1. Отбор материала с учетом уровня владения языком.
2. Прослушивание текста для общего понимания содержания.
3. Снятие лексических и грамматических трудностей.
4. Повторение фраз за диктором.
5. Повторение предложений [Руннова, 2022: 214–218; Яньшина, 2021: 441–444].

Однако в целях развития фонетической компетенции представляется важным адаптировать алгоритм, дополнив его углубленной работой над произношением.

В каждом тематическом разделе пособия работа осуществляется по принципу от простого к сложному, т. е. от сегментного к сверхсегментному уровню, что позволяет тщательно проработать различные аспекты произношения и перейти к финальному заданию – воспроизвести текст в технике теневого чтения. Так, сначала делается фокус на ключевые звуки, далее идет работа над ритмом и связностью речи, затем – акцент на работу с мелодическим оформлением фрагментов высказывания и просодическими характеристиками. Студенты выполняют упражнения, в которых представлены фрагменты из текста, представляющих то или иное фонетическое явление, так чтобы по завершении подготовительного этапа сам процесс теневого чтения осуществлялся с уже снятыми трудностями. Таким образом, теневой повтор не будет представлять имитацию или интуитивное копирование текста, но являться продуманным, осознанным чтением синхронно с говорящим. Эта подготовительная работа снимает целый ряд проблем, обзор и поиск решений которых делают авторы статьи о *shadowing* [Дымова, 2023: 35–40].

Итог комплексной работы с текстом – выполнение упражнений на развитие коммуникативных умений в рамках тематики раздела. Студентам предлагается составить собственные монологические выступления с опорой на фоностилистические особенности изученных текстов.

Поскольку техника Shadowing задействует «одновременно четыре процесса: восприятие на слух и распознавание текста; понимание (интерпретация) услышанного; переход от понимания содержания к продуцированию речи; воспроизведение услышанного текста» [Бубнова, 2018: 173], у студентов формируются следующие компетенции:

- языковая, которая реализуется за счет снятия языковых трудностей, имплицитного изучения новых лексических и грамматических структур, учета правильного произношения при чтении и имитации речи диктора;

- речевая, т. к. помимо указанных выше процессов, итоговым видом работы может стать еще и воспроизведение сформировавшихся моделей речи в собственном высказывании;

- социолингвистическая, т. к. студенты учатся анализировать коммуникативную ситуацию, понимать социолингвистический подтекст, выбирать адекватные типу дискурса фонетические средства.

Таким образом, важно отметить лингводидактический потенциал техники теневого чтения, который состоит в том, что при ее реализации развивается фонетическая компетенция студентов, совершенствуются фонетические навыки студентов, речь становится беглой, а навык – автоматизированным. Кроме того, происходит развитие слухового восприятия, студенты легче адаптируются к различным ситуациям свободного неподготовленного общения, прагматически подходят к выбору фонетических средств в разных ситуациях общения в условиях социофонетической вариативности современного английского языка.

Литература

1. Бубнова А. С. Обучение устному переводу: теневой повтор как универсальное упражнение на подготовительном этапе / А. С. Бубнова // Перспективы науки и образования. – 2018. – № 5 (35). – С. 171–178. – DOI 10.32744/pse.2018.5.19. – EDN YMBMWL.

2. Дымова А. В. Изучение фонетики студентами лингвистических специальностей по методу «шедоунг»: трудности и потенциальные решения / А. В. Дымова, В. Ю. Карева // Вектор науки Тольяттинского государствен-

ного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2023. – № 4 (55). – С. 35–41. – DOI 10.18323/2221-5662-2023-4-35-41. – EDN GWCCGM.

3. Дымова А. В. English phonetics: shadowing: учебное пособие для студентов вуза, обучающихся по направлениям подготовки 45.03.02, 45.04.02 «Лингвистика», 44.03.01 «Педагогическое образование» / А. В. Дымова, В. Ю. Карева, Л. И. Корнеева. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2024. – 119 с. – ISBN 978-5-7996-3808-5. – EDN LYHWO.

4. Лачугина Е. Н. Метод теневого подхода (shadowing) в рамках беспреводного подхода обучению иностранным языкам / Е. Н. Лачугина – DOI: 10.34670/AR.2022.60.28.007 – Текст: электронный // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12. № 2А. – С. 393–398.

5. Михалева Е. И. Shadowing with... (Читаем вместе...): учебное пособие для высшей школы / Е. И. Михалева – М.: ГАУГН. 2025 – 122 с.

6. Насилович Я. Г. Метод «Shadowing» в обучении иностранному языку / Я. Г. Насилович, А. Н. Султанова. – Текст: электронный // Язык и коммуникация в контексте культуры. – 2022. – С. 209–213. – EDN HTNFON.

7. Павловская И. Ю. Российская фонетическая школа в контексте евразийского развития фонетики и фонологии в 20–21 веках / И. Ю. Павловская // Иностранные языки в школе. – 2022. – № 3. – С. 13–19. – EDN UOEAGH.

8. Руннова Е. В. Применение техники «Shadowing» при обучении звучащей стороне английской речи / Е. В. Руннова, Т. И. Сосновцева // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 24–25 февраля 2022 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. – С. 214–218. – EDN AKVOGE.

9. Тарасова А. В. О роли метода «shadowing – теневой повтор» в изучении английского языка / А. В. Тарасова // Интеграция мировой науки и техники: новые концепции и парадигмы: Материалы II Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 28 февраля 2023 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «Ставропольское издательство «Параграф», 2023. – С. 174–177. – EDN CCNBKV.

10. Шумак Ю. Н. Применение метода «теневого повтора» в рамках дисциплины «Практическая фонетика (английский язык)» / Ю. Н. Шумак // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 марта 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 179–184. – EDN MQVOEN.

11. Яньшина И. В. Использование метода «shadowing» в обучении иностранному языку / И. В. Яньшина. – Текст: электронный // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: Сб. материалов IV междунар. науч.-практ. конф., Москва, 03 февраля 2021 года. Том Выпуск IV. – Москва: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2021. – С. 441–444.

12. Hamada Y. Shadowing: What is It? How to Use It. Where Will It Go? / Y. Hamada. – DOI:10.1177/0033688218771380. – Текст: электронный // RELC Journal. – 2019. – P. 386–393.

УДК 81.23.27

И. Ю. Моисеева, Д. А. Калдыбаева
(Оренбургский государственный университет)

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЕДА» В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ КАЗАХСТАНА

В статье показана роль и место СМИ в популяризации казахских ценностей, в частности национальной казахской кухни. Выявлена структура концепта «ЕДА» в современной казахской лингвокультуре. Сформулировано содержание этимологического, базового, ассоциативного уровней концепта на основании обращения к словарной литературе, публикациям в СМИ.

Ключевые слова: национальная культура; казахская культура; СМИ; национальная кухня, национальное блюдо, еда.

IMPLEMENTATION OF “FOOD” CONCEPT IN MEDIA DISCOURSE OF KAZAKHSTAN

The article shows the role and place of media in popularizing Kazakh values, in particular national Kazakh cuisine. The structure of concept “FOOD” in modern Kazakh linguistics has been identified. The content of the etymological, basic, associative levels of the concept was formulated on the basis of a reference to dictionary literature and publications in the media.

Keywords: national culture; Kazakh culture; media; national cuisine, national dish, food.

Современные масс-медиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения и культурных норм. Язык, используемый

в различных медийных форматах, от новостей до социальных сетей, становится не только средством передачи информации, но и инструментом, способствующим нахождению точек соприкосновения между различными культурными традициями.

В условиях многообразия языков и культур способность эффективно взаимодействовать с представителями различных этнических групп становится важной характеристикой успешной личности [Моисеева, 2024: 383–390]. Полилингвальная языковая личность становится не просто обладателем нескольких языков, но и носителем культурных норм и ценностей, которые легко адаптируются к различным контекстам. Языковая принадлежность и культура еды тесно взаимосвязаны – использование определенных терминов и выражений может указывать на этнические корни, привнося в каждый прием пищи коллективную память о культуре.

Принимая во внимание высокую значимость национальной кухни в жизни личности и общества, в современной научной литературе к проблематике исследования структуры и содержания концепта «ЕДА» неоднократно обращались лингвисты, психолингвисты, философы, психологи, культурологи, лингвокультурологи. При этом, несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению отражения темы еды, национальной кухни, она остается исследованной не до конца. В частности, на сегодняшний день в научной литературе практически отсутствуют работы, направленные на отражение особенностей казахской национальной еды, национальной кухни в СМИ. Между тем, принимая во внимание особенности исторического развития нации, географические, природные факторы, особенности ментальности, можно без преувеличений утверждать, что казахская национальная кухня представляет собой уникальное, неповторимое явление.

Кроме того, как правило, изучение отражения концепта «ЕДА» осуществляется на материале художественных произведений, научного дискурса, особенности репрезентации национальной кухни в языке СМИ остаются на периферии научного внимания.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о формировании противоречия между очевидной необходимостью понимания особенностей отражения концепта «ЕДА» в казахской лингвокультуре и фрагментарной изученностью заявленной проблематики. Разрешение указанного противоречия обуславливает *актуальность выбранной темы исследования.*

Целью исследования выступает изучение особенностей репрезентации концепта «ЕДА» в казахских СМИ.

Достижение сформулированной темы, обоснование материалов и методов исследования, требует, прежде всего, выявления сущности указанного концепта.

Под концептом «ЕДА» в рамках данного исследования понимается сложное, многослойное и многоаспектное понятие, которое обладает высокой значимостью для представителей казахской лингвокультуры, в структуре которого выделяются универсальные и национально-специфические аспекты, выступающие отражением культурно-исторической и мифолого-религиозной детерминированности [Савельева, 2006: 6].

Восприятие концепта как сложного конструкта, многоаспектного образования позволяет, вслед за Ю. С. Степановым, выделить в его структуре следующие уровни: этимологический уровень; базовый уровень; ассоциативно-расширительный уровень [Степанов, 1997: 824].

Материалом исследования послужили: этимологические словари; толковые словари; публикации, размещенные в казахских медиа.

Единицы для анализа отбирались на основании возможностей отнесения единиц к этимологическому, базовому или ассоциативному уровню концепта «ЕДА». Отбор единиц для анализа отбирался методом сплошной выборки, т. е. в исследование были включены единицы, представленные в результатах поиска по запросу «национальная еда».

Традиционно анализ концепта принято начинать с выявления этимологического уровня. Этимологически лексема тамақ восходит к значению «глотка, горло» [Баскаков, 1967: 164], т. е. его формирование, скорей всего, было связано с процессом приема пищи. Слово представлено в большинстве тюркоязычных культур, что позволяет сделать вывод о схожести процессов метафорического переосмысления семантики номинации части тела в лингвокультурах.

На базовом уровне значение слова «еда» представлено следующими денотатами [Ожегов, 2019: 573]: то, что употребляется в пищу; то, что едят, чем питаются. Значение базового уровня охватывает все, что может быть употреблено в пищу. В данном случае речь идет об универсальных характеристиках, значениях концепта.

На следующем этапе представляется важным обратиться к выявлению ассоциативного уровня концепта на основании обращения к анализу публикаций, размещенных в современных казахских СМИ.

Результаты, полученные по заданному поисковому запросу, представлены следующими.

(1) *Қазақтың ұлттық тағамы дегенде ет, бауырсақ, құрт-май, тары-талқан мен Ұлыстың ұлы күні – Наурыз мерекесінде әзірленетін наурыз көжені айтамыз* (Под казахским национальным блюдом мы подразумеваем наурыз-коже, который готовят в праздник Наурыз-великий день улуса, а также мясо по-казахски, бауырсақ, курт-май, просо-талкан) [Ануарбек, 2019] – публикация в целом посвящена популяризации казахской национальной кухни, содержит призыв к ее сохранению.

(2) *Ет қазақтың бұрыннан келе жатқан ұлттық тағамдарының бірі саналады* (Мясо по-казахски считается одним из старейших казахских национальных блюд) [Какимжан, 2021] – в публикации раскрываются хитрости приготовления бешбармака.

(3) *Күн ыстықта шөлді басып, суық мезгілде қуат беретін қымыз, шұбат, айран мен қымыранды қазақ халқы «ағарған» дейді. Төрт түліктің сүтінен даярланған суысында қиелі саналған және одан қаймақ, сары май, сүзбе, құрт, ірімшік жасалған. Ал, халық арасында «тілеу көже», «көп көже» деп аталып кеткен Наурыз көжеге аталған азықтардың 7 түрі де қосылады* (Қумыс, шубат, кефир и кымыран, которые в жару утоляют жажду и дают энергию в холодное время года, говорят казахи «белые напитки». Из молока четырех видов скота были приготовлены священные напитки, из которых делали сметану, сливочное масло, творог, курт, сыр. В Наурыз-коже, которая в народе известна как «тлеу-коже», «коп-коже», включены 7 видов продуктов) [Колжигит, 2021] – публикация посвящена популяризации национальной казахской кухни.

В целом, можно сделать вывод о том, что все представленные публикации в СМИ направлены на популяризацию блюд национальной казахской кухни, отражают стремление к сохранению национальной самобытности. СМИ осуществляют информирование об особенностях национальных блюд, истории их возникновения, взаимосвязи с историческим прошлым страны и ролью в современном обществе. Т. е. в качестве иной функции медиа можно выделить информационную.

На основании проведенного анализа структура концепта «ЕДА» в современной казахской культуре может быть представлена следующим образом (рис. 1):

Рисунок 1. Структура концепта «ЕДА»
в современной казахской лингвокультуре

Как отражает приведенный рисунок, концепт еды сформировался в глубокой древности, когда пища воспринималась исключительно как средство утоления голода, без учета качества и разнообразия. Со временем еда стала осознаваться как источник жизни и выживания, что привело к экзистенциальному пониманию пищи, актуальному и сегодня. В процессе исторического развития, с освоением новых форм хозяйствования и приготовления пищи, у казахов появились многочисленные национальные блюда. Древнейшие из них возникли на доисламском этапе и были связаны с мифологическими верованиями. Эволюция казахской кухни отражает особенности лингвокультуры: мясные блюда, традиционные для кочевого народа, дополнялись мучными, что было характерно только для оседлых земледельческих народов.

Таким образом, изучение концепта «ЕДА» в казахских СМИ открывает новые горизонты для понимания культурной идентичности и традиционных практик казахского народа. Результаты исследования показывают, что язык, используемый в медийных текстах, не только отражает, но и формирует восприятие национальной кухни, что делает его важным инструментом в сохранении культурной наследственности. Это подтверждает, что казахская кухня не является статичной; она эволюционирует и адаптируется, оставаясь связующей нитью между поколениями и различными культурными контекстами.

Исследование концепта «ЕДА» в казахском медийном дискурсе не только добавляет ценность к существующей научной базе, но и открывает новые пути для дальнейших исследований в области лингвокультурологии, что способствует лучшему пониманию уникальности казахской культуры и ее кулинарных традиций.

Литература

1. Баскаков Н. А. Русско-каракалпакский словарь / Н. А. Баскаков. – М.: Советская Энциклопедия, 1967. – 1124 с.
2. Моисеева И. Ю. Проблемное поле исследования межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / И. Ю. Моисеева, А. Б. Дахалова // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф., Оренбург, 1–3 февр. 2024 г. / Оренбург. гос. ун-т ; ред. А. В. Зайцев. – Оренбург: ОГУ, 2024. – С. 383–390.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2019. – 1378 с.
4. Савельева О. Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Савельева Ольга Геннадиевна. – Краснодар, 2006. – 24 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
6. Аңуарбек А. Ұмытыла бастаған ұлттық тағамдар // Turkystan.kz новостной веб-сайт. 31. 10. 2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://turkystan.kz/article/88879-mytyla-basta-an-ltty-ta-amdar> (дата обращения: 19.11.2024 г.).
7. Какимжан С. Қазақтың ұлттық тағамдары (І бөлім) // Информационный портал el.kz. – 28. 09.2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://el.kz/aza-ty_-lty-ta-amdary_-i_b-lim_40928/ (дата обращения: 19.11.2024 г.).
8. Колжигит А., Сандыбаев А., Мунайтпасов А. Сайт телеканала almaty.tv. – 22.03.2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://almaty.tv/kz/news/obshchestvo/1828-chto-tait-v-sebe-dastarkhan-polza-kazakhskoy-natsionalnoy-kukhni> (дата обращения: 19.11.2024 г.).

И. В. Мунина, С. А. Дерябин

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СТИЛЬ И ТОН КОММУНИКАЦИИ

В условиях стремительного развития цифровых технологий социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей. Они не только изменили способы общения, но и повлияли на стиль и тон коммуникации. В данной статье рассматривается, как социальные сети трансформируют язык общения, какие новые тенденции возникают в коммуникации и какие проблемы могут возникать в связи с этими изменениями.

Ключевые слова: социальные сети, коммуникация, стиль общения, тон общения, цифровая культура.

THE INFLUENCE OF SOCIAL NETWORKS ON COMMUNICATION STYLE AND TONE

With the rapid development of digital technologies, social networks have become an integral part of the daily lives of millions of people. They have not only changed the ways of communication but also influenced the style and tone of communication. This article examines how social networks transform the language of communication, what new trends arise in communication, and what problems may arise due to these changes.

Keywords: social networks, communication, communication style, tone of communication, digital culture.

Социальные сети, такие как ВКонтакте, Instagram, Telegram, Twitter и TikTok, стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей по всему миру. Они предоставляют пользователям возможность мгновенно обмениваться информацией, делиться своими мыслями и эмоциями, а также взаимодействовать с другими людьми. Однако, помимо очевидных преимуществ, социальные сети также оказывают значительное влияние на стиль и тон коммуникации, что приводит к изменениям в языке и культуре общения. В данной статье мы рассмотрим, как социальные сети формируют новые нормы общения, какие особенности стиля и тона возникают в цифровой среде, и какие проблемы могут возникнуть в процессе такого взаимодействия.

В процессе исследования были использованы методы анализа, сравнения и обобщения. Материалом для исследования послужили научные статьи и публикации, посвященные влиянию цифровых технологий на язык и коммуникацию, а также данные из социальных сетей.

Стиль общения в социальных сетях

Стиль коммуникации в социальных сетях существенно отличается от традиционного общения. Одной из ключевых особенностей является краткость и лаконичность сообщений. Это связано с ограничениями на количество символов в постах, а также с желанием пользователей быстро донести свою мысль. Например, в Twitter ограничение в 280 символов заставляет пользователей формулировать свои мысли максимально сжато, что приводит к упрощению языка и использованию сокращений.

Кроме того, в социальных сетях широко используются эмодзи и мемы, которые заменяют текстовые описания эмоций и ситуаций. Эмодзи стали универсальной функцией, которая позволяет передавать эмоции и настроения без использования слов. Мемы, в свою очередь, представляют собой культурные коды, которые понятны определенной аудитории и часто используются для выражения иронии, сарказма или юмора.

Еще одной особенностью стиля коммуникации в социальных сетях является использование сленга и неформальной лексики. Социальные сети способствуют созданию новых слов и выражений, которые быстро распространяются среди пользователей.

Тон общения

Тон коммуникации в социальных сетях также претерпел значительные изменения. В отличие от традиционного общения, где тон может быть более сдержанным и формальным, в социальных сетях тон часто становится более эмоциональным и субъективным. Это связано с тем, что пользователи стремятся выразить свои чувства и эмоции, что приводит к использованию более ярких и экспрессивных формулировок.

Одной из ключевых особенностей тона коммуникации в социальных сетях является эмоциональная насыщенность. Пользователи часто используют восклицательные знаки, заглавные буквы и эмодзи для усиления эмоционального воздействия своих сообщений. Например, фраза «Я ТАК СЧАСТЛИВ!!!» с использованием улыбающегося эмодзи передает гораздо больше эмоций, чем просто текст.

Кроме того, в социальных сетях часто наблюдается использование сарказма и иронии. Это связано с тем, что пользователи стремятся выделиться и привлечь внимание к своим постам. Однако сарказм и ирония могут быть неправильно истолкованы, особенно если контекст сообщения неясен и, возможно, провокационен.

Еще одной особенностью тона коммуникации в социальных сетях является публичность. В отличие от личного общения, где тон может быть более интимным и доверительным, в социальных сетях тон часто становится более демонстративным. Пользователи стремятся показать себя с лучшей стороны, что приводит к использованию более позитивного и оптимистичного тона.

Проблемы коммуникации в социальных сетях

Одной из основных проблем коммуникации в социальных сетях является потеря контекста. Из-за краткости сообщений и отсутствия невербальных сигналов, сообщения могут быть неправильно истолкованы. Это может привести к недопониманию и конфликтам. Например, шутка, которая в личном общении была бы понятна, в социальных сетях может быть воспринята как оскорбление.

Еще одной проблемой является поляризация мнений. Социальные сети часто становятся платформой для выражения крайних точек зрения, что затрудняет конструктивный диалог. Пользователи склонны объединяться в группы с единомышленниками и благодаря этому их мнения не подвергаются критическому анализу.

Кроме того, в социальных сетях часто наблюдается дезинформация и манипуляция. Пользователи могут распространять ложную информацию, что приводит к формированию искаженного представления о реальности. Это особенно актуально в контексте политических и социальных дискуссий.

Таким образом, социальные сети оказывают значительное влияние на стиль и тон коммуникации, делая общение более кратким, эмоциональным и экспрессивным. Однако это также приводит к определенным проблемам, таким как потеря контекста, поляризация мнений и распространение дезинформации. Для того чтобы эффективно взаимодействовать в социальных сетях, пользователям необходимо учитывать эти особенности и стремиться к более осознанному и конструктивному общению. Социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни, и понимание их влияния на коммуникацию является важным шагом к созданию более гармоничного цифрового пространства.

Литература

1. Грязнов С. А. Влияние информационных технологий на межличностное взаимодействие / С. А. Грязнов // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-tehnologiy-na-mezhlichnostnoe-vzaimodeystvie>.
2. Кучигина С. К. Язык социальных сетей: тенденции развития / С. К. Кучигина // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaзык-sotsialnyh-setey-tendentsii-razvitiya>.
3. Космарская И. В. Формирование строевых элементов письменной интернет-речи (на материале смайлика и эмодзи) / И. В. Космарская // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-stroevykh-elementov-pismennoy-internet-rechi-na-materiale-smaylika-i-emodzi>.
4. Ивлиев П. А. Анонимность в интернете: проблемы и особенности / П. А. Ивлиев // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anonimnost-v-internete-problemy-i-osobennosti>.
5. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 272 с.

УДК 81-25

И. В. Мунина, Ю. С. Рязанова

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА НА МЕЖКУЛЬТУРНУЮ КОММУНИКАЦИЮ

Климат влияет на темп жизни, восприятие времени и формирует различные привычки и традиции у целых народов. В данной статье мы рассмотрим эти факторы и проследим взаимосвязь между климатом и межкультурной коммуникацией.

Ключевые слова: Климат, темп жизни, традиции, язык и метафоры, культурные стереотипы, тёплый и холодный климат.

CLIMATE IMPACT ON INTERCULTURAL COMMUNICATION

Climate influences the pace of life, the perception of time, and shapes the various habits and traditions of entire nations. In this article, we will look at these factors and trace the relationship between climate and intercultural communication.

Keywords: Climate, pace of life, traditions, language and metaphors, cultural stereotypes, warm and cold climate.

Климат – это не просто фон человеческого существования, а активный участник формирования культурных кодов, определяющих, как мы говорим, чувствуем и взаимодействуем друг с другом. От жарких пустынь Африки до бескрайних лесов Сибири природа диктует народам свои правила, заставляя их адаптироваться не только физически, но и психологически. Эти адаптации, на первый взгляд незаметные, пронизывают все уровни жизни: от повседневных ритуалов до глубинных ценностей, от восприятия времени до способов выражения эмоций. В результате климат становится невидимым архитектором межкультурной коммуникации, создавая как мосты взаимопонимания, так и барьеры непонимания между людьми из разных уголков планеты.

Климатические условия формируют «язык тела» целых народов. В теплых странах, где жизнь кипит на улицах и площадях, люди свободнее выражают эмоции через жесты, объятия и громкую речь. В холодных регионах, где долгие зимы вынуждают проводить время в замкнутых пространствах, сдержанность и соблюдение дистанции превращаются в социальную норму. Эти паттерны, воспринимаемые как естественные в одной культуре, могут казаться чуждыми или даже оскорбительными в другой. *Например, экспрессивность бразильца может быть истолкована финном как навязчивость, а скандинавская холодность – мексиканцем как пренебрежение.*

Культурные нормы и традиции в теплом и холодном климате **Теплый климат**

В странах с теплым климатом, таких как Италия, Испания, Греция, Бразилия или Мексика, культурные нормы и традиции часто отражают адаптацию к жаркой погоде и активному образу жизни на открытом воздухе. *Например: открытость и эмоциональность.*

В теплых странах люди склонны к более открытому и эмоциональному общению. Это проявляется в громкой речи, активной жестикуляции и ярких выражениях чувств.

Такое поведение связано с тем, что жизнь в теплом климате часто проходит на улицах, площадях и рынках, где шум и активность являются частью повседневности.

В теплых культурах социальные взаимодействия часто носят неформальный характер. *Например, в Латинской Америке даже деловые*

встречи могут начинаться с личных разговоров о семье или здоровье. Эта неформальность также проявляется в традициях гостеприимства. В арабских странах, где климат жаркий, гостей всегда встречают с особым теплом, предлагая еду и напитки, даже если визит был незапланированным.

Теплый климат способствует проведению массовых мероприятий на открытом воздухе. Например, бразильский карнавал или испанская фиеста – это не просто праздники, а часть культурной идентичности, отражающая любовь к жизни и общению.

Холодный климат

В странах с холодным климатом, таких как Норвегия, Финляндия, Россия или Канада, культурные нормы и традиции формируются под влиянием суровых погодных условий и необходимости выживать в экстремальных условиях.

В холодных культурах люди часто более сдержанны в выражении эмоций. Например, в Финляндии или Норвегии громкая речь или активная жестикуляция могут восприниматься как проявление несдержанности. Формальность в общении также характерна для этих культур. *В деловой среде, например, в России или Германии, ценится четкость, структурированность и соблюдение правил.*

В холодных странах люди больше ценят личное пространство. *Например, в Скандинавии не принято стоять слишком близко к собеседнику или касаться его без необходимости.*

В холодных культурах многие традиции связаны с борьбой против холода и тьмы. *Например, русская Масленица или скандинавский Йоль – это праздники, символизирующие победу света над тьмой.*

Темп жизни в жарком и холодном климате

Темп жизни – это один из ключевых аспектов культуры, который напрямую связан с климатическими условиями. В жарких и холодных регионах люди по-разному организуют свою повседневную деятельность, что отражается на их деловой культуре, социальных взаимодействиях и даже восприятии времени.

В странах с жарким климатом, таких как Испания, Италия, Греция, Мексика или Индия, высокие температуры и интенсивное солнце оказывают значительное влияние на темп жизни.

В жарких странах пик активности часто приходится на утренние и вечерние часы, когда температура более комфортна. Днем, особенно в самые жаркие часы, жизнь замедляется. *Например, в Испании и не-*

которых странах Латинской Америки существует традиция сиесты – послеобеденного отдыха, который может длиться несколько часов. В это время магазины, офисы и даже государственные учреждения закрываются.

В жарких культурах время часто воспринимается как более гибкое. Например, в Мексике или Индии опоздания на встречи считаются нормой, а планы могут меняться в последний момент. Это связано с тем, что высокая температура делает строгое соблюдение распорядка менее важным, чем комфорт и адаптация к погодным условиям.

В деловой среде жарких стран также преобладает более расслабленный подход. Например, в Испании или Греции деловые встречи могут начинаться с неформальных разговоров, а переговоры часто затягиваются из-за внимания к личным отношениям.

В странах с холодным климатом, таких как Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия или Канада, суровые погодные условия и короткий световой день формируют иной темп жизни.

В холодных странах люди часто более организованы и дисциплинированы. Это связано с необходимостью планировать свою деятельность в условиях ограниченного светового дня и экстремальных температур.

Пунктуальность в холодных культурах ценится очень высоко. Опоздания считаются проявлением неуважения и могут негативно сказаться на деловой репутации.

В деловой среде холодных стран ценится эффективность и четкость. Например, в Финляндии или Швеции переговоры часто проходят быстро и без лишних разговоров, так как время считается ценным ресурсом.

В России, несмотря на стереотипы о «русской душе», в деловой среде также преобладает строгое отношение к времени, особенно в крупных городах.

Темп жизни в жарких и холодных странах отражает их климатические особенности. В жарком климате замедленный ритм и гибкое отношение ко времени помогают людям адаптироваться к высоким температурам, делая акцент на комфорте и неформальности. В холодном климате организованность и пунктуальность становятся необходимыми для выживания в суровых условиях, формируя культуру, где время ценится как важный ресурс.

Язык и метафоры

Климат не только формирует культурные нормы и традиции, но и глубоко проникает в язык, влияя на использование метафор, идиом и устойчивых выражений. Эти лингвистические особенности отражают повседневный опыт людей, связанный с погодными условиями, и могут создавать барьеры в межкультурной коммуникации.

Язык и метафоры в холодных странах

В странах с холодным климатом, таких как Россия, Финляндия, Норвегия или Канада, язык насыщен выражениями, связанными с холодом, льдом, снегом и зимой.

В русском языке есть множество выражений, связанных с холодом:

- «Мороз по коже» – чувство страха или волнения.
- «Ледяной взгляд» – холодное, безэмоциональное выражение лица.

Метафоры холода часто используются для описания эмоциональных состояний. Например, «холодный прием» или «ледяное молчание» подчеркивают отсутствие тепла в отношениях.

В холодных культурах такие выражения понятны и естественны, но могут быть неправильно истолкованы представителями теплых культур, где холод не ассоциируется с эмоциональной дистанцией.

Язык и метафоры в теплых странах

В странах с теплым климатом, таких как Испания, Италия, Мексика или Индия, язык наполнен метафорами, связанными с солнцем, теплом, светом и природой. В испанском языке, например, есть выражение “*hace sol*” (буквально «светит солнце»), которое используется для описания хорошего настроения.

В итальянском языке слово “*sole*” (солнце) часто ассоциируется с радостью и оптимизмом. Например, “*essere al sole*” (быть на солнце) означает быть счастливым.

Метафоры тепла часто используются для описания позитивных эмоций и отношений. Например, «теплый прием» или «солнечная улыбка» подчеркивают дружелюбие и открытость.

В теплых культурах такие выражения понятны и естественны, но могут быть неправильно истолкованы представителями холодных культур, где тепло не всегда ассоциируется с позитивом.

Климат – это мощный фактор, формирующий культурные особенности и влияющий на межкультурную коммуникацию. Эти климатически обусловленные различия могут создавать барьеры в общении,

но их понимание открывает путь к более глубокому взаимопониманию между представителями разных культур.

Литература

1. Арсланов Ш. Д. Влияние культуры и традиций народов многонационального региона на формирование и развитие его делового климата. климата // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-17. С. 3780–3784.
2. Цюпка В. П. Влияние природно-климатических условий на развитие общества в соответствии с законом золотого сечения // *Успехи современного естествознания*. – 2005. – № 7. – С. 91–92.
3. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. – 2002. – 352 с.

УДК 37.016:811

И. В. Мунина, С. Е. Салмина

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ И ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ И В ВУЗЕ

Современная образовательная система требует внедрения инновационных технологий для повышения эффективности обучения языкам. Развитие цифровых инструментов, интерактивных методик и индивидуального подхода позволяет учащимся быстрее и качественнее усваивать материал. В этой статье мы рассмотрим некоторые инновационные технологии.

Ключевые слова: язык, обучение в институтах, обучение в школах, методы, инновации, инновационные методы, современные методы, технологии, искусственный интеллект.

INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES FOR TEACHING NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES AT SCHOOL AND UNIVERSITY

The modern educational system demands the implementation of innovative technologies to enhance the effectiveness of language learning. The development of digital tools, interactive methods, and personalized approaches enables students to absorb material faster and more efficiently. This article examines some innovative methods of language learning.

Keywords: language, education in institute, education in schools, methods, innovations, innovative methods, modern methods, technologies, artificial intelligence.

Любой язык состоит из четырёх основных разделов: устная речь, чтение, грамматика и аудирование. Многие возражают, что сегодня, когда есть уже почти приличные письменные и активно развивающиеся устные электронные переводчики, зачем вообще учить языки? [Ломб, 2017:3].

Поэтому представленные ниже методы будут разделены на категории, соответствующие каждому разделу, и предложат современные подходы, которые помогут в изучении иностранного языка, ведь свободное владение языком будет гораздо лучше, чем просто использование переводчика, а особенно в наших реалиях. Мной было проведено исследование, опрос на «Гугл формы» под названием: «инновационные методы обучения языку»

В статье были опрошены студенты, школьники и учителя, то есть основная аудитория, подходящая под тему моей статьи.

В данной статье, я выясняла насколько эффективно обучению языку в школе/институте на данный момент, без особого использования инновационных технологий и из результатов опроса, можно сделать вывод о том, что эффективность не достаточная. На данный вопрос ответило отрицательно около 70 % опрошенных.

Также, опрашиваемым предлагалось выдвинуть свои предложения о том, как можно улучшить уровень преподавания и обучения языку. И самым частым ответом было «больше практики», из чего можно сделать вывод, что люди мало осведомлены о инновационных технологиях в обучении, и эта статья может быть для них полезна и представлять ценность. Также, уровень малого знания и технологиях показал вопрос о приложениях, где 94 % выбрало стандартный “Duolingo” а остальные приложения вроде “Teds Talk” им были неизвестны. Также, ни один из опрошенных не смог добавить свой вариант приложения для изучения иностранного языка.

Также, в опросе были представлены вопросы об учебниках, общие сведения о преподавании предмета и так далее. Все проценты и результаты по вопросам описаны в статье ниже в подходящих для этого пунктах. И в своей статье, для подбора материала, понимания контингента статьи и выявления самого актуального для читателей, я опиралась на данное исследование.

Далее, можно рассмотреть каждый отдел подробнее.

Раздел «Говорение»

Согласно результатам опроса, большинство (86,7 %) считают раздел «Говорение» самым важным для изучения языка. Это неудивительно, так как наша жизнь состоит из общения, и доказано, что лучше всего язык усваивается в языковой среде и при регулярном общении с носителями языка. Поэтому первый метод – это «активное общение с носителями языка и, по возможности, переезд в языковую среду». Ведь такие встречи между людьми, для которых язык не является родным, всегда формировали человеческий опыт [Эрор, 2012: 8]. Но если не получается переехать в языковую среду, то можно изменить пространственное расположение и распределение объектов вокруг себя, чтобы лучше пользоваться языком. Например: написать слово там, где чаще всего можно его увидеть, например на холодильник или, как в произведении “The Polyglot Project”, приклеить к зубной щетке [Картер, 2010: 54]. Это повысит уровень и качество речи, а также поможет сделать язык более современным. Этому может способствовать преподаватель-носитель языка, и с этим согласны 61,5 % опрошенных студентов и школьников.

Также для обучения полезно:

1. **Использование мультимедийных платформ** (Duolingo, Quizlet, LinQ, Busuu и другие). Они развивают не только лексику, но и улучшают произношение. Согласно данным, в 2021 году 9 из 10 детей в Европе обучались онлайн, и почти половина времени, которое они тратили на образование, была проведена онлайн, а их знания существенно улучшились. Стоит выделить такие платформы, как “Elsa Speak”, “Speechling”, “HelloTalk” и другие, так как они развивают речь и произношение с помощью интерактивных упражнений.

2. **Голосовые помощники** (Siri, Google Assistant) позволяют практиковать устную речь в формате диалога. Они особенно эффективны и актуальны в наше время, так как сейчас почти все пользуются такими «умными помощниками», и теперь они могут не только включать музыку, но и быть активными собеседниками для практики речи.

3. **Сайты и приложения для общения с носителями языка** – изучать язык можно, играя в игры и просматривая фильмы вместе с друзьями, и в этом могут помочь такие приложения, как Preply, iTalki, Tandem и Discord. Они объединяют носителей языка и способствуют развитию речи посредством общения во время игры.

4. **Виртуальные языковые среды** – использование VR и AR для погружения в языковую среду. Образовательные AR- и VR-технологии

эффективны при обучении иностранному языку в высших учебных заведениях, позволяя визуализировать учебный материал и повысить мотивацию студентов.

Раздел «Грамматика»

Грамматика – второй по популярности раздел языка, особенно ценимый людьми старше 30 лет, и, возможно, они правы. Грамотная речь и понимание структуры времён, оборотов и т. д. очень востребованы в жизни и на работе.

Вот некоторые актуальные методы для развития грамматики:

1. **Использование современных и проверенных учебников** – удивительно, но в учебниках, которые чаще всего используются в школах, недостаточно качественной грамматики, и обучение по ним может даже ухудшить ситуацию. По данным опроса, 80 % остались недовольны своими учебниками и упомянули, что учителям не нравилось преподавать по ним. Поэтому рекомендуется использовать современные профессиональные учебники, такие как “English File”, “Cutting Edge”, “Practice Makes Perfect”, “Oxford Practice Grammar”, “New Total English”.

2. **Онлайн-платформы** (BBC Learning English, Coursera, Stepik) предлагают курсы и интерактивные упражнения для изучения грамматики и помогают анализировать свои ошибки. Можно также воспользоваться онлайн курсом Бенни Льюиса “LanguageHacking” направленным как раз на изучение языка в разговорной форме [Льюис, 2017: 17–18].

3. **Ролевая грамматика** – использование ролевых игр, в которых ученики применяют грамматические конструкции в реальных ситуациях. И действительно, разыграть небольшой диалог на интересную тему, с использованием грамматики, будет даже эффективнее, 93,3 % опрошенных считают, что обучение в ролевом и игровом формате более интересно и целесообразно чем чтение учебника.

4. **Использование видео с платформы “YouTube”** – для лучшего понимания грамматики. Даже на уроках полезно обращаться к небольшим видео, ведь иногда именно они могут представить материал более понятным языком.

Также, как отдельный и универсальный для всех разделов пункт, я хочу выделить **онлайн-школы**. В таких школах обычно занимаются учащиеся, желающие сдать экзамен по иностранному языку, и это даёт положительный результат. Онлайн-школа работает как репетитор, ко-

торый часто проверяет изменения в структуре экзамена и может обучить грамотному владению языком из любой точки мира.

Раздел «Чтение»

Чтение было признано важным аспектом 31,3 % опрошенных, и его роль не стоит недооценивать. Чтение расширяет словарный запас, улучшает понимание грамматики, способствует восприятию структуры и помогает формировать интуитивное чувство языка.

1. **Внеклассное чтение** – в наше время существует множество книг для внеклассного чтения, которые отлично помогают развиваться и учить язык, так как они разделены на уровни, и читатель может подобрать что-то подходящее именно для себя.

2. **Использование цифровых платформ** – вот некоторые примеры:

- LingQ – это платформа, которая предлагает тексты с интерактивным переводом слов и целых предложений.
- Newsela, BBC Learning English – адаптированные новости на английском языке с возможностью выбора уровня сложности.
- Scribd, Kindle, Project Gutenberg – электронные библиотеки с обширным выбором книг на английском языке.

3. **Использование искусственного интеллекта и адаптивных технологий** – использование “ChatGPT” и других помощников может помочь разобраться со сложными словами, конструкциями или объяснить непонятные грамматические обороты.

4. **Посещение книжных клубов** – этот способ также поможет развить навыки говорения и получить обратную связь по поводу прочитанной книги. Это можно делать и онлайн, используя платформы «Книжные клубы на Discord и Telegram».

Раздел «Аудирование»

Чтобы хорошо говорить и эффективно изучать английский, важно понимать речь других людей, и в этом помогает аудирование, которое также повышает адаптивность к новой языковой среде и делает язык более «родным». Габриель Винер говорил, что существует три основных ключа к изучению языка и первый из них: сначала изучите произношение [Винер, 2014: 9].

1. **TED Talks, BBC Learning English, NPR, VOA Learning English** – адаптированные аудиоматериалы с транскрипцией и пояснениями. Очень актуально в наш век развития искусственного интеллекта.

2. **Аудирование по учебникам** – В интернете любой учащийся может найти аудиоматериалы по своему учебнику и использовать их для

улучшения этого навыка. Плюс в том, что на аудирование не влияет уровень учебника, оно в любом случае будет полезным.

3. **Использование «AR»-технологий** помогает погрузиться в среду и лучше воспринимать информацию на слух. Особенно полезным будет Google AR Translate, который распознает и озвучивает тексты в реальном времени.

4. **Прослушивание подкастов и видеоконтента** – сейчас можно изучать язык, просто включив на фоне интересное видео или подкаст и стараясь понимать, о чем идет речь. В этом могут помочь такие платформы, как Netflix, YouTube, Spotify и другие.

Изучение языка – сложный и трудоёмкий процесс, но благодаря инновационным образовательным технологиям можно улучшить свои знания языка и без проблем выучить новый как самостоятельно, так и в учебном заведении. Эти методы особенно актуальны для институтов и школ, ведь, согласно результатам опроса, почти 70 % недовольны подачей материала и качеством образования, а использование инновационных технологий может повысить качество образования в сфере языка.

Литература

1. Бенни Л. Взлом языка, французский / Льюис Бенни – Москва.: Глаголевъ, 2017. – С. 17–18.
2. Габриель В. Как учить языки быстро и никогда не забывать / Габриель Винер – Москва.: клуб семейного досуга, 2014. – 9 с.
3. Като Л. Как я изучаю языки: заметки полиглота / Като Ломб – Москва.: Манн, Иванов и Фербер 2017. – 3 с
4. Клод К. Проект полиглот / Клод Картер – Москва.: АСТ, 2010. – 54 с.
5. Майкал Э. Вовилонского столпотворения больше нет: поиск самых выдающихся людей в мире, изучающих иностранные языки / Майкал Эрор – New york: free press, 2012. – 8 с.

И. В. Мунина, К. М. Хозяинов

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Трудности перевода актуальны всегда, ведь в условиях всемирной глобализации люди постоянно обмениваются информацией, сталкиваются целые культуры. Здесь встает вопрос о налаживании контакта между людьми. Поэтому мы решили рассмотреть, с какими проблемами сталкивается переводчик, какие существуют способы решения этих проблем, и определить, какую роль играет переводчик в аспекте межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: перевод, проблема перевода, межкультурная коммуникация, культура, метафора, фразеологизм, пословица.

PROBLEMS OF TRANSLATION OF SOME LINGUISTIC UNITS IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Translation difficulties are always relevant, because in the context of globalization, people are constantly exchanging information, and entire cultures are clashing. And here comes the question of establishing contact between people. So we decided to look at what problems the translator is facing, what ways there are to solve these problems, and determine what role the translator plays in the aspect of intercultural communication.

Keywords: translation, the problem of translation, intercultural communication, culture, metaphor, phraseology, proverb.

Межкультурная коммуникация – культурное взаимодействие, направленное на обмен информацией, и что важнее, на установление связи, взаимопонимания между представителями разных культур. Необходимо подчеркнуть, что имеется ввиду под словом «межкультурная». Это значит между культурами, между представителями этих культур, т. е. один участник коммуникации отличается от другого принадлежностью к определенной культуре. А цель коммуникационного процесса – не только донести до собеседника свою мысль, но и понять, что хотят сказать тебе, т. е. установление взаимопонимания. Отсюда и возникает проблема установления контакта связи между людьми.

Этого порой сложно достичь в контексте межкультурной коммуникации в связи со специфическими особенностями культур.

Перевод – это сложный аналитико-интегративный процесс, связанный с воссозданием мысли оригинала, в осуществлении которого задействованы все мыслительные ресурсы переводчика [Голиков, 2008: 9]. Гумбольдт В. Фон считал, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 2000: 68]. И поэтому проблемы с переводом чаще всего возникают в связи различием культур, особенностями языка и контекстом. Важно учитывать эти три элемента для более точного и понятного перевода. Язык – продукт появления и развития культуры. И наоборот. Они взаимообусловлены и являются проявлением друг друга. Как бы рождаются вместе и идут рука об руку всю жизнь на протяжении многих тысячелетий.

В процессе проведения исследования были использованы такие методы, как анализ, сравнение, обобщение. Материалом работы послужили научные статьи в области исследования языка Мустаевой Р. Р., Щербановой И. А., Яковенко Т. И. и Шайхалиевой А. М., труд Даля В. И., книга Гумбольдта В. Фона, а также учебное пособие Голиковой Ж. А.

Метафоры

Часто возникают проблемы при переводе метафор. Метафора – это такой прием, который мы можем применять в речи, для того чтобы вместо одного слова использовать другое. Здесь принципиально, что мы одно слово заменяем на другое, и эти два слова напрямую друг с другом никак не связаны. Мы находим между ними какую-то связь, обнаруживаем какую-то косвенную схожесть. Для понимания метафор важен контекст. Приведу пример. Когда Фрейд с Юнгом приплыл в Америку, первый сказал: «Мы привезли в эти края чуму». Что имел в виду Фрейд на первый взгляд непонятно. Но если мы вспомним, что Фрейд был психоаналитиком, то поймем, что здесь под «чумой» имеется в виду «психоанализ» [Узланер, 2022: 132 –133].

И здесь проблема перевода метафоры связана не столько с пониманием языка и особенностей культуры (с ними, конечно, тоже), сколько с пониманием обстоятельств, в которых была использована метафора. И поэтому задача переводчика – передать контекст, так чтобы, если не с первого раза, то со второго, можно было бы понять смысл метафоры.

Некоторые способы перевода метафор по Питеру Ньюмарку: [Яковенко, Шайхалиева, 2021: 201–203].

1. Воспроизведение одного и того же образа в целевом языке при условии, что изображение имеет сопоставимую частоту и валюту в соответствующем регистре.

2. Перевод с помощью замены переводимой метафоры на метафору целевого языка эквивалентной по значению.

3. Метафора может быть преобразована в смысл.

4. Удаление.

Фразеологизмы

Фразеологизм – устойчивое и неделимое сочетание слов, которые употребляются только вместе и передают определенный смысл. По отдельности они имеют буквальный смысл, а вместе создают новое значение. При переводе фразеологизмов у переводчика возникают определенные трудности (необходимо передать экспрессивно-эмоциональную коннотацию, чувства и переживания повествующего), потому что прямой перевод влечет за собой неудачу, а найти аналог фразеологизма в другом языке сложно, и порой он не передает изначальный смысл полностью.

Попробуем перевести русский фразеологизм «без царя в голове». Так говорят о легкомысленном, безрассудном, не умеющем управлять собой человеке. Первая схожая идиома: *All brawn and no brain* – сплошные мускулы и никаких мозгов. Так говорят о человеке физически развитом, спортивном, но глупом. Она отличается от русской идиомы тем, что в английской идиоме говорят об атлетически сложенном человеке. Вторая идиома: *Half-baked*, что переводится как нечто глупое, бездумное, так говорят о поступке. А русский фразеологизм используют, когда говорят о качествах человека. Третья идиома: *The lights are on, but nobody's home* – «огни горят, а дома пусто» со значением – «не всяк умен, кто с головой». Можно приводить еще много примеров, но почти все они будут отличаться смыслом от исходного. В английском языке они будут либо приобретать добавочное значение, либо наоборот исключать изначальное.

Ошибки, возникающие при переводе фразеологизмов, совершаются из-за следующих обстоятельств: [Щербанова, 2019: 3–4].

1. Схожесть фразеологизмов со свободным сочетанием.

2. Трудность восприятия фразеологической единицы.

3. Переводчик должен брать во внимание, что большая часть английских идиом отличаются недифференцированностью и многозначностью.

Пословицы

В. И. Даль в своем труде «Пословицы русского народа» в «Напутном» пишет: «Пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь не пословица. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности». Она несет в себе народную мудрость, которая передает многолетний опыт поколений и отражает культуру нации [Даль, 1984: 14].

Основная проблема перевода пословиц заключается в культурных отличиях и различном восприятии этих культур людьми. Переводчик должен понимать, как нужно преобразовать пословицу, чтобы она была правильно понята, и поэтому нужно искать точное и правильное значение, чтобы пословица корректно звучала на целевом языке. При неверном переводе искажается изначальный ключевой смысл.

Некоторые способы перевода пословиц: [Мустаева, 2017: 40 – 41]

1. Фразеологический эквивалент. Сохраняется весь комплекс значений переводимого сочетания. Фразеологических эквивалентов не так и много, хотя этот способ позволяет практически воспроизвести пословицу переводимого языка.

2. Фразеологический аналог. В этом способе используется пословица переводимого языка, аналогичная по смыслу на целевом языке, но построенная на другом образе.

3. Калькирование или пословный перевод. Такой способ не универсален. Условием его применения является легкое восприятие и понимание фигурального смысла носителем переводимого языка.

4. Описательный перевод. Его суть – объяснение смысла пословиц, аналогов и эквивалентов, которым не существуют в целевом и переводимом языках.

Таким образом, трудности с переводом можно обойти разными приемами. И переводчик должен уметь определить, в какой ситуации какой прием будет выигрышным. Переводчик – мост между читателем и автором переводимого текста, и его основная задача – сохранить и передать (или хотя бы попытаться) смысл. Для этого необходимо адаптировать текст к той культуре, народ которой его будет читать. Переводчик в полной мере отвечает за результат, и поэтому он должен обладать соответствующими межкультурными компетенциями не только в области определенного иностранного языка, на который осуществляется перевод, но и в области переводимого языка.

Литература

1. Голикова Ж. А. Перевод с английского языка на русский / Ж. А. Голикова. – М.: Новое Знание, 2008. – 9 с.
2. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 68 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М.: Художественная литература, 1984. – 14 с.
4. Мустаева Р. Р. Способы перевода пословиц и поговорок с английского языка на русский / Р. Р. Мустаева // Символ науки. – № 11. – 2017. – С. 40–41.
5. Узланер Д. А. Жак Лакан: введение / Д. А. Узланер – М.: РИПОЛ классик, 2022. – С. 132–133.
6. Щербанова И. А. Трудности при переводе фразеологизмов (на примере английского и русского языков) / И. А. Щербанова. – Уральск: Солнечный свет, 2019. – С. 3–4.
7. Яковенко Т. И., Шайхалиева А. М. Способы перевода метафор в зарубежной теории перевода / Т. И. Яковенко, А. М. Шайхалиева. – Ростов-на-Дону: Гуманитарные и социальные науки. – № 4. – 2021. – С. 201–203.

УДК 81.13

И. В. Мунина, А. С. Щетинина

(Уральский государственный медицинский университет Минздрава России)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: КАК ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ МЕНЯЕТ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ РОССИИ

В настоящей статье рассматриваются исследования применения технологий виртуальной реальности в образовательном процессе, особенно в контексте обучения иностранным языкам, а также примеры их успешного использования в вузовском обучении, влияние на мотивацию студентов, развитие языковых навыков и культурной компетенции.

Ключевые слова: навыки, метод, обучение, интерактивный, виртуальный, язык.

INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES: HOW VIRTUAL REALITY IS CHANGING APPROACHES TO LEARNING A FOREIGN LANGUAGE IN RUSSIAN UNIVERSITIES

This article examines research on the use of virtual reality technologies in the educational process, especially in the context of teaching foreign languages, as well as examples of their successful use in university education, their impact on student motivation, the development of language skills and cultural competence.

Keywords: skills, method, learning, interactive, virtual, language.

Интерактивные технологии в обучении иностранным языкам в вузах России предполагают активное взаимодействие всех участников процесса обучения для достижения образовательных целей. Для этого на занятиях организуются различные интересные методы подачи информации и изучения материала. Это могут быть как индивидуальные, так и парные и групповые работы, также применяются исследовательские проекты, ролевые игры, идёт работа с документами и другими источниками информации. Виртуальная реальность даёт пользователям возможность взаимодействовать с трехмерными моделями и средами, создавая эффект погружения. Это позволяет студентам практиковать язык в контексте, что является важным аспектом для развития языковых навыков. В отличие от традиционных методов обучения, которые часто ограничиваются учебниками и аудиозаписями, виртуальная реальность создает интерактивную среду, где студенты могут взаимодействовать с виртуальными персонажами и ситуациями, тем самым лучше усваивая новые знания и языковые навыки. В таком формате люди испытывают намного больше интереса к нестандартному процессу обучения и благодаря этому охотно приобщаются к новому языку и с удовольствием занимаются его изучением.

Рассмотрим некоторые примеры виртуальных методов изучения иностранного языка:

Виртуальная экскурсия: Одним из эффективных методов является организация виртуальных экскурсий по городам и культурным памятникам стран изучаемого языка. Во время таких экскурсий студенты могут слушать аудиогиды на иностранном языке, что помогает

развивать навыки восприятия на слух и расширяет словарный запас [Нуриева, 2024:1–2].

Ролевые игры: это интерактивный метод обучения, который представляет собой моделирование различных ситуаций прямо на занятии. Он позволяет студентам применять знания на практике и думать на иностранном языке менее скованно. Виртуальные ролевые игры позволяют студентам принимать участие в сценариях, требующих активного использования иностранного языка. Например, студенты могут разыгрывать ситуации из повседневной жизни, такие как покупки или заказы в ресторане, что способствует практическому применению языка. [Мунтян, 2021:1]

Интерактивные задания: Создание интерактивных заданий в виртуальной среде помогает студентам развивать различные языковые навыки: чтение, письмо, слушание и говорение. Такие задания могут включать выполнение задач с использованием языка, что делает обучение более практичным, и более увлекательным [Иванова, 2021:124–125].

Примерами интерактивных заданий могут быть:

«Диалоговый тренажер»

В этом варианте студенты могут общаться с виртуальными персонажами. Ученики отвечают на вопросы собеседника, выбирая из предложенных вариантов ответа наиболее подходящие, по их мнению, и получают определенную реакцию в зависимости от правильности ответа. Далее студенты получают пояснение, почему реакция была именно такая. Таких вариаций может быть много, поэтому это достаточно простой, разнообразный и интересный метод обучения.

«Граф-схема биографии»

Этот вариант помогает студентам структурировать информацию о персонаже, а также лучше запомнить её. Ученики могут заполнять пустой шаблон по ходу всего занятия и потом возвращаться к нему при повторении.

«Интерактивная игра-тренажёр»

Существует много приложений, с помощью которых можно занимательно изучать иностранные языки, выполняя различные упражнения, а также смотреть свою статистику и пояснения к заданиям. Арсенал может быть очень разнообразным, например, подборка фраз и слов на определенную тематику, задания с картинками, с разным уровнем сложности, в письменном формате или в звуковом, когда человек воспринимает и запоминает информацию на слух и многое

другое. Такой формат делает обучение разнообразным и пошаговым, что важно при изучении нового языка.

Примеры таких приложений: **Puzzle English, EnglishDom, Kreekly English, Vocabulary.com, Memrise.**

«Сыщик»

Суть задания заключается в поиске и исправлении ошибок в различных задачах.

«Поиск соответствий»

В этом примере ребята могут учиться строить взаимосвязи между определенными группами новых слов или отдельными элементами в какой-либо заданной теме. Упражнение помогает структурировать информацию и лучше наглядно запомнить её, благодаря интерактивным технологиям.

Преимущества использования виртуальной реальности в обучении языкам:

Эмоциональное вовлечение студентов

Благодаря виртуальной реальности студенты хорошо вливаются в процесс обучения и намного лучше запоминают информацию, что подтверждают и многие исследования, которые показывают, что эмоциональная связь с материалом способствует лучшему усвоению знаний.

Практика разговорных навыков

Виртуальные технологии позволяют студентам взаимодействовать с виртуальными носителями языка. Благодаря такому методу ученики не боятся ошибиться и чувствуют себя более безопасно, чем при разговоре с реальными людьми, которые свободно разговаривают на изучаемом языке и могут не понять новичка. Это создает благоприятную среду для практики разговорных навыков и развитию уверенности в общении.

Индивидуализация обучения

Использование виртуальной реальности позволяет подстроить учебный процесс под индивидуальные потребности студентов, создавать сценарии, которые соответствуют уровню знаний и интересам учащихся, что конечно делает процесс обучения более весёлым и интересным.

Недостатки использования виртуальной реальности в обучении языкам:

Несмотря на множество преимуществ, использование виртуальной реальности в обучении языкам сталкивается и с некоторыми недостатками:

Высокие затраты

Виртуальное оборудование может быть достаточно дорогим, непосильным для бюджета определенной образовательной организации, что ограничивает доступность этой технологии для использования во всех учебных заведениях.

Необходимость подготовки преподавателей

Многие преподаватели не имеют достаточно навыков и опыта для подачи материала в интерактивном формате. Для обеспечения наилучшей эффективности и успешного внедрения виртуальной реальности в образовательный процесс необходимо потратить достаточно времени для обучения использования интерактивных технологий в преподавательской практике.

Технические проблемы

Неполадки с сетью и интернетом, необходимость постоянного обновления программного обеспечения и проблемы с подключением могут вызвать дополнительные трудности во время обучения. При наличии технических сбоев образовательный процесс может стоять на месте, из-за чего теряется время и снижается эффективность получения и усвоения знаний.

Подводя итог, мы можем сказать, что виртуальная реальность представляет собой мощный инструмент для изменения подходов к изучению иностранных языков в вузах России. Она предоставляет новые возможности, способствует эмоциональной вовлеченности студентов, делает обучение более ярким и интересным, а также позволяет максимально приблизиться к практическому использованию языка в реальной жизни. Стоит учитывать, что для успешной интеграции виртуальной реальности в образовательный процесс необходимо преодолеть многие трудности, но безусловно восприятие учебного материала с использованием виртуальной реальности облегчает его усвоение, интерактивные технологии комплексно воздействуют на основные каналы восприятия, что приводит к созданию оптимальных условий для успешного овладения иностранным языком.

Литература

1. Амелина Ю. М. Потенциал виртуальной реальности и искусственного интеллекта в формировании информационно-образовательной среды для языкового образования. Белорусский Государственный Университет. 2024. – С. 1–2.

2. *Иванова, Т. С.* Инновационные технологии в обучении языкам: от традиционных методов к виртуальной реальности. Образование и технологии. 2021. – С. 123–136.

3. *Никулин М.* Лучшие онлайн-тренажеры английских слов: честный обзор. 2024. – С. 1–2.

4. *Нуриева В. М.* Организация виртуальных экскурсий на уроках английского языка для расширения кругозора учащихся / МОБУ СОШ № 28 г. Сочи им. Героя Гражданской войны Блинова М. Ф. 2024. – С. 1.

5. *Элизабет Мунтян:* Ролевые игры на уроках английского. Skyend. 2021. – С. 1.

6. *Янь Лэй:* Создание виртуального пространства в процессе обучения иностранным языкам. Московский педагогический государственный университет. 2024. – С. 5–6.

УДК 811

М. Э. Мухтарова

(Азербайджанский университет языков)

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ МЕТАФОР В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ И ТУРЕЦКИЙ МЕДИАДИСКУРСЫ

В статье рассматривается влияние образных языковых элементов англоязычного газетного дискурса на турецкий и азербайджанский медиадискурсы. Особое внимание уделяется заимствованиям из англоязычного гендерного дискурса, связанным с квир-идеологией и сексуальными меньшинствами. Анализ показал, что значительная часть этих лексических единиц адаптируется в турецком и азербайджанском языках с учётом местной культурной специфики, нередко приобретая негативную коннотацию. Оказывается, англоязычный газетный дискурс, содержащий множество новаций в области квир-идеологии, также внес свои гендерные метафоры в другие национальные дискурсы.

Ключевые слова: англоязычный газетный дискурс, гендерные метафоры, азербайджанский медиадискурс, турецкий медиадискурс, квир-идеология, общественная цензура.

THE IMPACT OF GENDER METAPHORS IN ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER DISCOURSE ON AZERBAIJANI AND TURKISH MEDIA DISCOURSES

The article examines the influence of figurative linguistic elements of English-language newspaper discourse on Turkish and Azerbaijani media discourses. Particular attention is given to borrowings from the English-language gender discourse related to queer ideology and sexual minorities. The analysis has shown that a significant portion of these lexical units is adapted into Turkish and Azerbaijani with consideration of local cultural specificities, often acquiring negative connotations. It turns out that English-language newspaper discourse, which contains many innovations in the field of queer ideology, also brought its gender metaphors to other national discourses.

Keywords: English-language newspaper discourse, gender metaphors, Azerbaijani media discourse, Turkish media discourse, queer ideology, public censorship.

Медиадискурс любого государства является самым полным отражением изменений, происходящих в различных сферах этого государства, и служит самым точным барометром интенсивности этих процессов. В этом смысле современный медиадискурс Азербайджана и Турции, особенно газетный дискурс, демонстрирует интересные тенденции. Как отмечает Е. Челеби, обративший внимание на данный аспект, «в турецком обществе, как и вообще в любом обществе, средства массовой информации играют исключительную роль, обладают богатым потенциалом влияния и силой в изменении и обновлении гендерных ролей» [Çelebi, 2022: 825]. Дело в том, что гендерные модели поведения, гендерные стереотипы не являются сугубо биологическим явлением, биологической реальностью, а также включают в себя элементы социальной действительности, управляемые определёнными общественными моделями (паттернами) [Вет, 1981: 324–354]. Аналогичным образом и в азербайджанском медиадискурсе начали использоваться ряд тенденций, выявленных гендерной лингвистикой, а также новые элементы метафорического языка. Известно, что новые гендерные понятия в основном охватывают неологизмы, заимствованные из англоязычного гендерного дискурса. Эта группа неологизмов включает слова и выражения, направленные на обозначение сексуальных меньшинств, прав и свобод женщин, при этом большую часть составляют элементы метафорического языка (метафоры, аллюзии, эвфемизмы, сравнения и др.).

Напомним, что в современных лингвистических исследованиях любые виды метафоризации, служащие опосредованному выражению

или обобщённому представлению идеи или понятия, рассматриваются в контексте области, называемой метафорическим языком (*figurative language*). К элементам метафорического языка относятся метафоры, аллюзии, эвфемизмы, гиперболы и другие формы метафоризации.

Квир-идеология в медиапространстве Турции и Азербайджана: неологизмы, метафоры и общественная реакция. В современном газетном дискурсе Турции особое внимание привлекает появление под влиянием английской гендерной концепции новых выражений и слов, связанных с транссексуалами, пансексуалами и другими сексуальными меньшинствами. Эти выражения представляют собой либо кальки с английского языка, либо заимствованные неологизмы [Çağlak, Kaş, 2022: 320–334]. Среди неологизмов, непосредственно заимствованных из англоязычного гендерного дискурса, можно отметить такие слова и выражения, как: *Trans-feminist* (транс-феминистка), *Cis-feminist* (цис-феминистка), *LGBT lobisi* (ЛГБТ-лобби), *psikolojik cinsiyet* (психологический пол), *Cinsiyet ayrımcılığı* (гендерная дискриминация), *feminen alan* (феминное пространство), *maskülen alan* (маскулинное пространство), *Cinsel Kimlik Bozukluğu* (расстройство гендерной идентичности), *cinsellik karmaşası* (сексуальная путаница), *cinsel karmaşa* (гендерная неопределённость) и др.

Примеры их употребления: “*Cis-feminizmin iktidar savaşı*” [Canım, 2019] (Борьба за власть цис-феминизма); “*Türkiye’deki psikolog ... dernekler, büyük ölçüde LGBT lobisinin boyunduruğuna girmiş durumdadır*” [Kaplan, 2020] (Психологические ассоциации в Турции в значительной степени оказались под контролем ЛГБТ-лобби) и т. д.

Многие из неологизмов данного типа, возникшие на основе квир-идеологии, одновременно содержат в себе элементы метафорического языка. Так, наряду с выражениями, актуализированными непосредственно в турецкой действительности, существуют и те, которые проникли в медийное пространство под влиянием обновляющихся глобальных тенденций. Например: *çürük raporu* (справка о непригодности), *rembe tezkere* (розовая повестка), *rembe koğuş* (розовая казарма) и др.

Выражение *rembe tezkere*, используемое как метафора, в официальных документах Вооружённых сил Турции обозначает «справку о психосексуальном расстройстве» [Rembe, 2023]. Как видно из буквального перевода, метафора *rembe tezkere*, то есть «розовая военная повестка», апеллирует к символизму цвета. Хотя вокруг этимологии данной метафоры нет единого мнения, современные интерпретации

указывают на наличие негативной коннотации. Если учесть, что синий цвет символизирует мужское начало, а розовый – женское, становится очевидно, что эта метафора носит в себе определённый токсичный оттенок. Иными словами, выражение *pembe tezkere* можно расшифровать как оценку сексуального меньшинства с позиции его близости к женскому полу. Иначе говоря, хотя розовый цвет изначально не несёт в себе токсической нагрузки или токсической отсылки, в современном консервативном турецком обществе данная метафора получила возможность переосмысления именно в таком ключе.

Например: “*Askeri hastanelerin, ‘çürük raporu’ almak isteyen eşcinsel erkeklerden istekleri bitmiyor; ... o da inandıramazsa bir hafta ‘pembe koğuş’ta yatmaları isteniyor.*” [Pembe, 2023] (Военные госпитали не перестают выдвигать требования к гомосексуальным мужчинам, желающим получить «справку о непригодности»; ... если и это не убедит, их просят провести неделю в «розовой казарме»).

В буквальном переводе метафоры *çürük raporu* (буквальный перевод: «гнилой отчёт») также находит отражение предвзятое отношение к представителям квир-сообщества. С точки зрения консервативного турецкого общества, уклонение от военной службы по причине принадлежности к сексуальному меньшинству в определённой степени воспринимается как «испорченность», несостоятельность.

Как видно, в современной турецкой медиа-среде встречается множество гендерных неологизмов, большая часть которых либо непосредственно заимствована из англоязычной гендерной концепции, либо представляет собой термины, возникшие в турецком языке под влиянием англоязычного медиадискурса.

Аналогичная ситуация наблюдается и в азербайджанском медиадискурсе. Подобно турецким медиа, в азербайджанских СМИ также прослеживаются определённые негативные коннотации [Azərbaycan mediası, 2019]. Это фиксируется в анализах и отчётах иностранных наблюдателей и специалистов по гендерным вопросам [Əsgərli, 2019]. Интересно отметить, что консервативные азербайджанские СМИ в большинстве случаев рассматривают гендерные проблемы через призму равенства прав и свобод мужчин и женщин, то есть сводят обсуждение к проблеме гендерной асимметрии [Pembe, 2023].

Так, в публикации *Azərbaycan Xəbərləri* (2020) под заголовком «*Gender bərabərliyi adı altında ailə dəyərləri pozulur*» подчёркивается, что пропаганда ЛГБТ-идеологии и гендерного равенства, инициирован-

ная Западом, разрушает национально-нравственные ценности, а медиа играют посредническую роль в распространении этой угрозы. Здесь мы наблюдаем использование традиционного оппозиционного построения: Запад – угроза, национальная идентичность – защита.

В газете *525-ci qəzet* (2021) в статье «Cinsi azlıqların hüquqları təbliğ olunur – təhlükə haradadır?» фиксируется рост материалов о правах сексуальных меньшинств, вызывающий беспокойство в обществе. Употребление выражений *pseudohüquq* (псевдоправо), *cinsi azlıq* (сексуальное меньшинство), *trans-feminist* подчёркивает восприятие этих понятий как спорных и чуждых местной культурной традиции.

Схожая риторика прослеживается и в публикации *Moderator.az* (2022), где в статье “Qərbin “gender diktəsi”: azərbaycanlı ailə modelinə zidd” говорится о навязывании «гнилых идеологий» (*çürük ideologiyalar*) под видом гендерного равенства, что якобы приводит к путанице в гендерных ролях среди молодёжи [Nəbibova, 2024: 137]. Использование метафоры *çürük ideologiya* коррелирует с аналогичной турецкой метафорой *çürük raporu*, отражающей предвзятость по отношению к квир-сообществу и его восприятие как «испорченного», «дефектного» элемента общества.

Наконец, в статье *Yeni Müsavat* (2023) под заголовком “Psevdo-gender hərəkəti: ictimai təhlükəmi?” используется метафора *məfkurə virusu* (идеологический вирус), где квир-идеология представляется как нечто чуждое, вредоносное и привнесённое извне. ЛГБТ-лобби и связанные с ним «гендерные активисты» описываются как угроза, ведущая информационную атаку через медиа [Габибова, 2023: 240].

Таким образом, в азербайджанском медиапространстве можно выделить несколько характерных особенностей: – активное использование неологизмов, заимствованных из английского языка (*trans-feminist, LGBT lobbi, gender aktivisti*); – широкое применение метафор с негативной коннотацией (*çürük ideologiya, məfkurə virusu*); – трактовка гендерных проблем через призму традиционного противопоставления «своё/чужое», где квир-идеология представляется как экспортированная угроза; – риторика, направленная на защиту «традиционной семьи» и гендерной асимметрии как нормы.

Эти особенности можно рассматривать как проявление реактивного медиадискурса, отражающего общественную цензуру и контроль над внутренней структурой медиапространства в условиях консервативного социокультурного контекста.

Таким образом, анализ гендерной лексики и метафорических выражений в медиадискурсе Турции и Азербайджана позволяет сделать вывод о том, что заимствованные из англоязычного гендерного дискурса неологизмы и термины, связанные с квир-идеологией, адаптируются в условиях консервативного социокультурного контекста через призму негативных коннотаций и предвзятых метафор. Эти языковые средства выполняют не только номинативную, но и оценочную функцию, отражая реактивную позицию общества и медиа по отношению к глобальным либеральным тенденциям. В результате медиaprостранство обеих стран становится ареной идеологического противостояния, где доминирует риторика защиты традиционных ценностей и активизируется механизм общественной цензуры.

Литература

1. *Габиева К.* Виртуальные маски и манипулятивные речевые стратегии // *Gəncə Dövlət Universitetinin Elmi Xəbərlər jurnalı*, 2023, № 4, s. 283–247.
2. *Azərbaycan mediası kvir insanlara qarşı qorxu və nifrət yayır* // *Minority*, 12.03.2019 <https://minorityaze.org/151-azerbaycan-mediasi-kvir-insanlara-qarsi-qorxu-ve-nifret-yayir>.
3. *Bem, S. L.* Gender schema theory: A cognitive account of sex typing. // *Psychological Review*, 1981, № 88, pp. 354–364.
4. *Çağlak E., Kaya E.* LGBTİ+ Haberlerinin Ulusal ve Yerel Gazetelerde Temsilinin Alternatif Medya ve Hak Haberciliği Bağlamında Değerlendirilmesi // *AJIT-e: Academic Journal of Information Technology*, 2022, Cilt 13, Sayı 52, s. 320–334.
5. *Canımına E.* Cis-feminizmin iktidar savaşı // *Gazete Duvar*, 13.08.2019 <https://www.gazeteduvar.com.tr/forum/2019/08/13/cis-feminizmin-iktidar-savasi>.
6. *Çelebi E.* Medyanın toplumsal cinsiyet rolleri üzerinde etkisi // *Elektronik Sosyal Bilimler Dergisi*, 2022, Cilt: 21 Sayı: 82, s. 822–829.
7. *Ələsgərli M., Milojević Y.S.* “Media və gender bərabərliyi” Azərbaycanda xəbər istehsalçıları üçün BƏLƏDÇİ, Avropa Şurası, 2019, 30 s. <https://rm.coe.int/guide-on-gender-equality-and-the-media-for-news-producers-in-azerbaija/1680953ebc>.
8. *Həbibova K.* Siyasi diskursda nitqi manipulyasiyanın rolu: müasir strategiyaların təhlili // *İpək yolu*, 2024, № 3, s. 134–145.
9. *Kaplan H.* Çocuğu cinsel karmaşadan korumak // *Sabah*, 06.05.2020 <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/hilalkaplan/2020/05/06/cocugu-cinsel-karmasadan-korumak>.

10. Novruzov K. Gender bərabərliyi müasir sivilizasiyanın qaçılmaz tərkibidir // Fə dai qəzeti, 18. 05. 2023 <https://fedai.az/?p=92536>.

11. Pembe Tezkere nedir, nasıl alınır? // En son haber, 07.06.2023 <https://www.ensonhaber.com/bilgi/pembe-tezkere-nedir-nasil-alinir-ki mlere-pembe-tez-kere-verilir>.

УДК 81 '373.48:070

Д. В. Мырза, В. А. Юзифович

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ФЕНОМЕН МЕМА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Вся история мемов, их особенности и функции поясняют природу мема и являются наглядной картиной того, как в интернете используют феномен мема в свою пользу. Для восприятия мема он должен содержать информацию, которая окажется для пользователей, читателей и зрителей интересной и полезной, поддерживающей их интересы и позиции.

Ключевые слова: мемы, мететика, репликатор, культура, единица.

THE MEME PHENOMENON IN THE INTERNET SPACE

The entire history of memes, their features and functions explain the nature of the meme and are a vivid picture of how the meme phenomenon is used to its advantage on the Internet. For a meme to be perceived, it must contain information that is interesting and useful to users, readers, and viewers, and supports their interests and positions.

Keywords: memes, memetics, replicator, culture, unit.

Основоположником начала изучения «мемов» стал Ричард Докинз, однако в его ранних исследованиях он это понятие не использовал в том смысле, в каком мы привыкли слово «мем» воспринимать сегодня. Для биолога это понятие имело отношение к генам, репликаторам и культуре.

Ричард Докинз был английским этологом, убеждённым дарвинистом, автором научно-популярной книги о биологической эволюции «Эгоистичный ген» (The Selfish Gene). В ней он рассматривал живые организмы в качестве «машин», способствующих выживанию генов.

Однако в своих рассуждениях биолог пытался отойти от этого понятия, стараясь обнаружить способ расширить узкие рамки великой теории эволюции – для этого он ввёл новый термин «репликатор». Таким образом он выделил одну из главнейших особенностей генов, выраженную в повторяющейся единице, исходящей из функции самокопирования.

В ходе изучения этой единицы он дал название новому репликатору, являющемуся отражением идеи о «единице передачи культурного наследия или о единице имитации». «...От подходящего греческого корня получается слово “мимема”», – писал Ричард Докинз, – «но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и “ген”. Я надеюсь, что мои получившие классическое образование друзья простят мне, если я сокращу слово “мимема” до “мем”» [Докинз, 2002:179–181]. Также автор сравнивал созданный им термин с французским словом *même*, в переводе означающим «тот же, одинаковый». При этом «ген» и «мем» в понимании Ричарда Докинза не были синонимами – скорее первое понятие являлось метафорой понятия второго. В качестве примеров, способных помочь лучше понять природу «мема», он приводил мелодии, идеи, модные среди молодёжи выражения и даже способы приготовления похлёбки или сооружения арок.

Обо всём этом Ричард Докинз говорил в 1976 году. Уже спустя семь лет, в 1983 году, была рождена новейшая наука, занимающаяся изучением мемов. О её возникновении заявил американский физик и информатик Дуглас Хофштадтер. В своей авторской колонке в научно-популярном журнале *Scientific American* он же и предложил выдвинуть науку в качестве самостоятельного движения и дать ей название «меметика» (*memetics*) [Кузнецов, 2022: 8–10]. Кроме основоположника мемов – Ричарда Докинза – в проблематике новой науки, чья область исследований лежит на пересечении генетики, психологии, культурологии, когнитивных наук и даже социальной семиотики, активное участие принимали и прочие известные учёные и философы, среди которых стоит выделить Дэниела Деннета – когнитивиста, Роберта Онгера – антрополога и Сьюзан Блэкмор – психолога.

Все эти учёные, что называли себя в пределах своей науки меметистами, рассматривали мемы под разными углами, переосмыслили теорию Ричарда Докинза несмотря на то, что у меметиков уже имелось своё умозаключение, стоящее во главе любых рассуждений их науки. Меметисты заявляли, что «эволюция культуры – не более чем эволю-

ция мемплексов, которая осуществляется при помощи мутаций, копирования и естественного отбора, в ходе которого «выживают» самые успешные репликаторы» [Кузнецов, 2022:15].

Тот же Дэниел Деннет в книге *Consciousness Explained* («Объяснённое сознание») выдвигал свою слегка изменённую теорию разума и то, как в нём работают мемы. Сам по себе настроен он был по отношению к мысли о культурных генах весьма критически, если даже не негативно: «Не знаю, как вас, но меня изначально не привлекает идея того, что мой мозг является навозной кучей, в которой размножаются личинки идей других людей. Согласно этой точке зрения, кто же главное – мы или наши мемы?» [Dennett, 1993: 199–202]. Ответ на столь эмоционально заданный вопрос ни меметисты, ни какие-либо ещё исследователи так и не нашли.

С другой стороны рассматривал мемы Роберт Онгер. В 2002 году была опубликована монография *“The Electric Meme: A New Theory of How We Think”* («Электрический мем: Новая теория того, как мы мыслим»). Заданные вопросы затрагивали «культуру и культурное пространство с позиции меметики». Как уже было отмечено ранее, мем – это культурный репликатор, способный передаваться от организма к организму (или от человека к человеку) путём межличностного общения. Но при этом исследователь полагал, что самый логичный вопрос, который стоит задавать при изучении меметики, звучит так: «Думаем ли мы, или наши мысли «думают сами по себе»?». Ответ, который успел всё в той же книге найти Роберт Онгер: «Не все мысли, рождающиеся в нашем разуме, действительно можно назвать собственными. Через межличностное общение они или передаются, или осознанно внедряются в мозг в образе мемов» [Aunger, 2002: 178–231].

Работы этих и многих других деятелей, увлечёвшихся меметикой, были опубликованы в электронном журнале, организованном Центром моделирования политики в Манчестерском столичном университете. Назывался он *Journal of Memetics – Evolutionary Models of Information Transmission* («Журнал Меметики – Эволюционные Модели Передачи Информации») – в нём же была опубликована одна из самых известных статей Сьюзан Блэкмор *Imitation and the definition of a meme* («Имитация и определение мема»), где она выдвигала общие положения науки и размышляла об истинной природе имитаций, за счёт которых работают мемы.

На данный момент трудов, посвящённых понятию «мем», насчитывается множество, и в каждом из них даётся своё определение термина. Мы рассмотрим те, которые в той или иной степени сумели отойти от оригинального значения понятия, данного Ричардом Докинзом.

Один из таких авторов – М. А. Кронгауз, лингвист и доктор филологических наук. В своей книге «Самоучитель Олбанского», вышедшей в 2013 году, он вскользь поясняет читателям, что такое мем. «... Это речевые клише, связанные с одной конкретной ситуацией или текстом (фильм, роман и т. п.)» [Кронгауз, 2013: 29–30]. Далее он говорит о том, что скрывается за термином. В понимании М. А. Кронгауза мемы, как только они становятся популярными, всё чаще начинают упоминаться в различных ситуациях, будь они в этих ситуациях уместны или неуместны. Имея прототип или источник, они во время распространения обрастают новыми частицами информации, проверить на достоверность которые уже может быть невозможно.

Дуглас Рашкофф – автор и документалист, изучающий автономию человека в эпоху цифровых технологий. В то же время он – тот самый человек, который сделал огромный вклад если не в саму науку меметики, то хотя бы в развитие мемов как таковых. Для него мемы – это те же самые «медиа-вирусы», служащие инструментами для «масс-медиа», о которых он рассказал в своей книге «Медиавирус! Тайные послания в популярной культуре»: «...медиа-вирус вводит в инфосферу скрытые в нем концепции в форме идеологического кода – это не гены, но их концептуальный эквивалент, который мы сейчас называем «мемами». Подобно настоящему генетическому материалу, эти мемы воздействуют на то, как мы строим бизнес, обучаемся, взаимодействуем друг с другом – даже на то, как мы воспринимаем реальность» [Рашкофф, 2003: 10–11].

Наряду с вышеупомянутыми исследователями мы предлагаем **свою дефиницию** изучаемого явления: мем – это репликация мысли, созданная для лаконичной передачи конкретного объёма информации и обладающая наличием легко считываемых и узнаваемых образов.

Лингвист М. А. Кронгауз в журнале «Наука и жизнь» в статье «Мемы в интернете: опыт деконструкции» разбирает основные положения интернет-коммуникации, выраженные в мемах [Кронгауз, 2012: 34–36]. Для этого он выделяет характеристики, которые мемам, по его мнению, присущи больше всего. Это:

- популярность и быстрое увеличение количества людей, встречавших мем в сети;
- возможность изменять и дополнять мемы – этим иногда занимается целое сообщество людей, объединённое в группу редакторов на специальных сайтах;
- частое повторение «коронных фраз» в мемах, которые помогают ему в дальнейшем закрепиться в памяти интернет-пользователей;
- краткая форма изложения, ослабленная смысловая функция и нелепость фразы [Прозорова, 2020: 107].

Большая половина из описанных выше пунктов перекликаются с особенностями интернет-мемов, выделенными другими исследователями. Возьмём самую распространённую схему особенностей:

- вирусность. Та же самая популярность среди интернет-аудитории, которая позволяет мему остаться не только на дне поисковых строчек, но и в разумах людей. Те же самые люди в будущем передадут его или через сеть, или через межличностное общение. Часто вирусными мемами такого масштаба становятся или фразы, которые можно назвать «крылатыми выражениями», или изображения (часто с наличием тех же крылатых выражений);
- серийность, выражающаяся в разнообразии вариаций одного и того же мема, в его креативном развитии или пользователями интернета, или специальными редакторами на сайтах, посвящённых юмору. Сюда также входит распространение мемов в социальных сетях;
- реплицируемость, которую можно рассматривать как способность репродуцироваться, т. е. воспроизводиться в интернете. В этом случае оригинальный мем может отойти на второй план, оставив после себя общий смысл и даже такую общую характеристику, как использование в качестве фона персонажей из того же сериала;
- эмоциональность, способствующая появлению отклика у аудитории. В частности, этот пункт подразумевает передачу определённых эмоций, которые испытывал или предполагал автор. Лучше всего для примера подойдут мемы, описывающие «жизненные ситуации»;
- медийность. Самое главное в ней – это воплощение в медиaprостранстве, именуемым интернетом [Канашина, 2018: 75]. Такими воплощениями могут стать как единичные попадания мема в обзор аудитории, так и специальные странички на сайтах – библиотеках, построенных по принципу «Википедии».

Общими функциями мемов, согласно исследованию Лысенко Е. Н., можно назвать следующие:

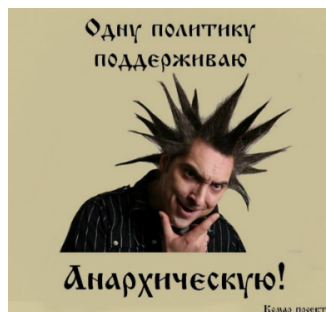
– информирования. Мем способствует обмену информацией между пользователями сети, именно поэтому его так часто используют новостные каналы, наполняющие мемы смысловой нагрузкой в виде актуальных новостей. При этом мем зачастую будет больше являться дополнительной, вспомогательной составляющей, а не полноценным новостным материалом. Наглядный пример – мем из Телеграм-канала «ТСВ», прикрепленный под текстом об аномальной жаре в Рио-де-Жанейро. На изображении показана легендарная статуя Христа-Искупителя, раскрывающего свои объятия, и огромный вентилятор, который должен помочь сбросить высокий градус во всём городе;

– репрезентации. Выделяет основные характеристики, цели и идеи одного человека или целой группы лиц. Если взять такое направление, как панк-рок, то для воплощения взглядов его фанатов можно взять лидера группы «Король и шут» и поместить рядом с ним надпись «Одну политику поддерживаю – анархическую!». Для тех, кто знаком с идеями панков, мем будет понятен сразу же. Для тех же, кто от их идей далёк, мем даст примерное представление об их культуре;

– трансляции. Данная функция больше отсылается на убедительность мема, который её воспроизводит, то есть при виде такого интернет-мема мы больше задумываемся над правдивостью смыслов, в нём изложенных, чем над его любой другой функцией. В качестве примера приведём мем-«сравнение», предлагающий посмотреть

*Информирующий мем
об аномальной жаре в Рио-де-Жанейро,
взятый из телеграм-канала «ТСВ»*

Мем-репрезентация панков

на разницу того, как девушки и парни воспользовались бы машиной времени, окажись она в их пользовании. В данном случае, по мнению создателя мема, девушки бы в первую очередь побежали знакомиться с юной версией своих бабушек. В то же время парни бы вернулись назад в прошлое только ради того, чтобы посмеяться над маленькой версией самих себя. Трансляция тут, на первый взгляд, не самая заметная, но если взглянуть в смысл мема, то всё-таки можно будет обнаружить;

– интеграции. Мемы предоставляют людям возможность делиться своим мнением, всячески выражать свои позиции и идеи по абсолютно любым вопросам. Эта функция позволяет пользователям интернета оставаться на связи друг с другом, быть частью каких-либо сообществ. Больше всего эта функция напоминает самый обыкновенный обмен шутками в кругу знакомых лиц. В качестве примера возьмём мемы, созданные фанатами книжной и игровой серии «Ведьмак». Направленность может быть абсолютно любой: можно говорить про то, какие игры плохие, а автор книг – ещё хуже, но обязательная составляющая – хотя бы самый маленький элемент, взятый из великого многообразия вселенной «Ведьмака»;

– эмоциональности. Означает то же самое, что и одноимённая особенность мемов. Данная функция вызывает эмоциональный от-

Девушки с машиной времени:

Я твоя внучка

Правда?

Парни с машиной времени:

Когда ты вырастешь, у тебя будет столько денег, что ты сможешь купить все сухарики в магазине. Но ты их больше не захочешь

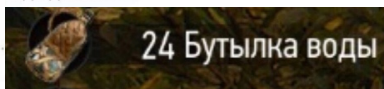

Нееее! Ты врешь!

Мем-трансляция

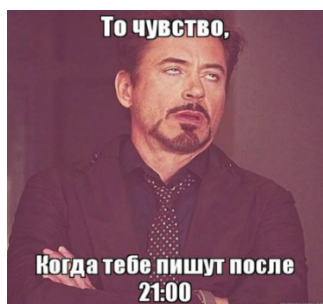
Я: МАМ, ДАВАЙ ЗАЕДЕМ В МАКДОНАЛДС
МАМА: У НАС ЕСТЬ ЕДА ДОМА
ЕДА ДОМА:

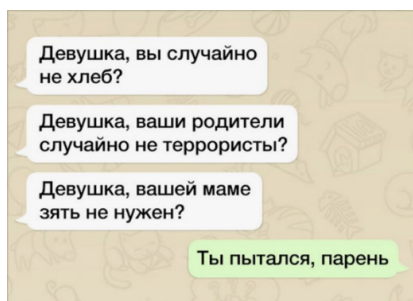
*Мем-интеграция
по вселенной «Ведьмака»*

клик у аудитории. Мем с Робертом Дауни – младшим с припиской «То чувство, когда...» – лучший пример таких мемов. Лицо актёра на таких изображениях весьма красноречиво намекает на то, что ему всё надое-ло, и люди, делающие с этим самым изображением смешные картин-ки с забавными приписками, данным фактом активно пользуются. Мем старый, а потому большинство созданных по этому шаблону мемов давно ушли в сеть, где их можно найти и по сей день;

– фатичности (контактоустановления). Функция направлена на то, чтобы не просто установить контакт, а выстроить определённую схему отношений, чаще всего такую, какая была бы благопри-ятна для продолжения общения. Некоторые подобные мемы могут выступать в качестве фраз или забавных выражений, которые при на-личии или определённого контекста, или при определённых знаниях можно с лёгкостью понять. Подобными «крылатыми выражениями» стали целые сборники цитат, начинающихся со слов «Девушка, ваши родители случайно не..?». Заканчивается такое предложение обычно чем-то невинным и не совсем понятным – и всё для того, чтобы на от-вет «нет» человек по ту сторону экрана мог выдать или что-то краси-вое, или что-то милое. Например, если спросят «Ваши родители слу-чайны не астрологи», то в ответ можно получить «Тогда откуда у них такая звёздочка?». Но интернет любит переделывать всё, что попадает в сеть, – и ещё больше любит шутить над этим, переворачивая с ног на голову и доводя до абсурда или просто до комического, иногда даже реалистичного завершения. Поэтому цикл таких фраз часто переделы-вают во что-то более забавное [Лысенко, 2017: 415–416].

Эмоциональный мем –
«То чувство, когда...»

Фатический
(контактоустанавливающий) мем

Представленные ранее особенности и функции поясняют природу мема, являются наглядной картиной того, как пользователи сети, целые группы людей по интересам, работники СМИ используют феномен мема в свою пользу, часто эгоистичный, поскольку каждый мем, созданный руками человека, направлен на то, чтобы своей идеей вытеснить из разума носителя другие мемы-идеи. Для восприятия мема он должен содержать информацию, которая покажется пользователям интересной и полезной, поддерживающей их интересы и позиции.

Литература

1. Aunger R. The Electric Meme: A New Theory of How We Think / R. Aunger – Simon & Schuster, 2002. – 374 с.
2. Dennett D. C. Consciousness Explained / D. C. Dennett – Penguin, 1993. – 536 с.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – Москва: Corpus (ACT), 2013 – 512 с.
4. Канашина С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса [Электронный ресурс] // Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-internet-mema-kak-polimodalno-go-diskursa> (дата обращения: 12.03.2025).
5. Кронгауз М. А. Мемы в интернете: опыт деконструкции [Электронный ресурс] // Доступно: <https://www.nkj.ru/archive/articles/21327/> (дата обращения: 12.03.2025).
6. Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. – Москва: Corpus (ACT), 2013. – 416 с.
7. Кузнецов И. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир / И. Кузнецов. – Москва: БОМБОРА, 2022 – 272 с.
8. Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи [Электронный ресурс] // Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memu-v-kommunikatsii-molodezhi> (дата обращения: 12.03.2025).
9. Прозорова И. Ю. Структурно-семантические особенности мемов (На материалах социальной сети «ВКонтакте») [Электронный ресурс] // Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-osobennosti-memov-na-materialah-sotsialnoy-seti-vkontakte> (дата обращения: 12.03.2025).
10. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003. – 368 с.

Ю. И. Назарчук

(Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна)

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ТЕХНОЛОГИИ БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье освещаются ключевые аспекты, связанные с интеграцией цифровых технологий в образовательный процесс. Основное внимание уделяется тому, как цифровизация образования трансформирует традиционные методы обучения, предоставляя новые возможности для персонализированного и гибкого обучения. Автор анализирует как позитивные, так и негативные стороны этого процесса, включая доступ к мировым информационным ресурсам, развитие критического мышления и навыков работы с информацией, а также проблемы цифрового неравенства и безопасности данных.

Ключевые слова: цифровое образование, образовательные технологии, искусственный интеллект в образовании, дистанционное обучение, персонализированное обучение, цифровой разрыв, навыки XXI века, инклюзивное образование, безопасность данных в образовании, глобальное образовательное сотрудничество

DIGITAL EDUCATION: TECHNOLOGIES OF THE FUTURE IN THE MODERN WORLD

The article highlights the key aspects related to the integration of digital technologies into the educational process. The focus is on how the digitalization of education is transforming traditional teaching methods, providing new opportunities for personalized and flexible learning. The author analyzes both the positive and negative sides of this process, including access to global information resources, the development of critical thinking and information management skills, as well as the problems of digital inequality and data security.

Keywords: digital education, educational technologies, artificial intelligence in education, online education, personalized learning, digital gap, 21st century skills, inclusive education, data security in education, global educational cooperation

Искусственный интеллект (ИИ) уже давно выходит за пределы научных лабораторий и проникает в самые разные аспекты нашей жизни. Одним из наиболее перспективных направлений его применения

является сфера образования, в частности – преподавание иностранных языков. Сегодня ИИ активно внедряется в образовательные процессы, становясь важным помощником учителей и учеников. В данной статье будут рассмотрены особенности использования ИИ в обучении иностранным языкам, приведены конкретные примеры его применения, а также проведено сравнение с традиционными методами обучения.

Одним из ключевых преимуществ использования ИИ в преподавании иностранных языков является возможность предоставления индивидуализированного подхода к обучению. Традиционные методы обучения часто ориентированы на группу студентов, что может привести к тому, что некоторые учащиеся остаются позади, в то время как другие опережают программу. ИИ позволяет адаптировать учебный процесс под нужды каждого студента, учитывая его уровень знаний, скорость усвоения материала и личные предпочтения.

Какие же приложения ИИ в преподавании иностранных языков можно использовать? Существует огромное количество данных приложений, мы рассмотрим следующие.

Приложения для распознавания речи: Программы вроде Duolingo, Babbel и Rosetta Stone используют алгоритмы ИИ для анализа произношения ученика и предоставления обратной связи в режиме реального времени. Эти приложения помогают улучшить акцент и интонацию, корректируя ошибки в процессе разговора. Например, платформа Duolingo широко известна благодаря своей уникальной системе геймификации и использованию ИИ для адаптации уроков под индивидуальные потребности учащегося. Программа отслеживает прогресс ученика и предлагает задания, соответствующие его уровню владения языком.

Интерактивные чат-боты: Чат-боты, такие как Andy English Bot или MosaLingua, имитируют общение с носителем языка, помогая пользователям практиковать разговорные навыки. Они способны понимать запросы пользователей и отвечать на них, обеспечивая практическое погружение в языковую среду. Например, Andy English Bot. Этот бот взаимодействует с пользователями через мессенджеры, предлагая диалоговые тренировки, игры и тесты. Пользователь получает возможность отрабатывать устную речь, задавая вопросы и получая ответы, словно общается с настоящим человеком.

Некоторые платформы, такие как Lingvist или Busuu, применяют машинное обучение для анализа успеваемости учащихся и разработки

индивидуальных планов обучения. Эти системы автоматически адаптируют содержание курса в зависимости от успехов и трудностей конкретного ученика. Предлагаю рассмотреть платформу Visuu. Эта платформа учитывает предыдущий опыт обучения пользователя и его цели, создавая уникальный путь изучения языка. Алгоритмы платформы определяют слабые места и предлагают материалы для их проработки.

Для автоматизации оценивания письменных работ могу представить следующие инструменты: Grammarly и Reverso. Они позволяют проверять тексты на наличие ошибок в грамматике, пунктуации и орфографии. Это существенно облегчает работу преподавателей, позволяя уделять больше внимания другим аспектам обучения. Например, Grammarly основан на ИИ и машинном обучении, который не только находит ошибки, но и объясняет их причины, предоставляя рекомендации по улучшению текста. Это особенно полезно для тех, кто изучает язык самостоятельно.

Существуют аргументы за и против использования ИИ в образовании. Одной из главных особенностей ИИ персонализация обучения, т. е. способность адаптироваться под индивидуальные потребности каждого ученика. С помощью специальных алгоритмов ИИ может анализировать успехи и трудности отдельного студента, предлагать подходящие задания и регулировать темп обучения. Это позволяет создать условия, в которых каждый ученик сможет продвигаться вперед согласно своим возможностям и интересам.

На что следует обратить внимание, что существует обратная связь в реальном времени. ИИ обеспечивает мгновенный отклик на действия ученика, будь то проверка правильности выполнения заданий или оценка произношения. Такой постоянный мониторинг позволяет избежать накопления ошибок и оперативно устранять пробелы в знаниях.

Благодаря онлайн-платформам, использующим ИИ, учащиеся могут получать доступ к учебным материалам в любое время и из любого места. Это особенно важно для людей, живущих в отдалённых регионах или имеющих ограниченные возможности посещения очных курсов.

Автоматизация рутинных процессов, таких как проверка домашних заданий или контроль успеваемости, высвобождает время преподавателей для более творческих и значимых задач, связанных с индивидуальным наставничеством и разработкой новых методик.

Предлагаю рассмотреть следующие аргументы против использования ИИ в образовании.

Важнейшая составляющая успешного обучения – это межличностное общение и поддержка учителя. ИИ пока не способен обеспечить тот уровень эмпатии и мотивации, который может дать живой педагог. Особенно это касается ситуаций, когда ученики испытывают трудности или нуждаются в психологической поддержке.

Хотя ИИ стремится к персонализации, существует опасность чрезмерной унификации образовательного процесса. Если все ученики будут следовать одному и тому же шаблону, это может ограничить креативность и творческое мышление.

Технические проблемы и зависимость от технологий:

Несмотря на все достижения, современные системы ИИ всё ещё подвержены сбоям и ошибкам. К тому же, полная зависимость от цифровых платформ может вызвать проблемы в случае перебоев в работе сети или оборудования.

Использование ИИ поднимает важные этические вопросы, касающиеся конфиденциальности данных, защиты личной информации и справедливого распределения образовательных возможностей. Например, кто будет нести ответственность за ошибки, допущенные системой?

Внедрение ИИ в преподавание иностранных языков несёт в себе огромный потенциал для улучшения качества и доступности образования. Тем не менее, оно требует тщательного планирования и учёта возможных рисков. Важно найти баланс между технологическими новшествами и традиционным человеческим участием в учебном процессе. Только совместив лучшие стороны обоих подходов, можно достичь оптимальных результатов в обучении иностранным языкам.

Литература

1. Аверкин А. Н., Дулин С. К., Хорошевский В. Ф., Эрлих А. И. Академик Г. С. Поспелов – основоположник российской школы методов искусственного интеллекта. К 100-летию со дня рождения // Известия ВЦ им. А. А. Дородницына РАН. 2014. № 3. – С. 1–28.
2. Грабманн М. Введение в «Сумму теологии» св. Фомы Аквинского. М.: Сигнум Веритатис, 2007. – 280 с.
3. Бруссард М. Искусственный интеллект. Пределы возможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 362 с.
4. Поспелов Г. С. Искусственный интеллект – основа новой информационной технологии. М.: Наука, 1988. – 278 с.

5. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006. – 1408 с.

6. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. LIX. Iss. 236. – P. 433–460.

УДК 81.276

М. С. Никитина

(Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы)

ЦЕННОСТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящей статье рассматривается понятие дискурса с точки зрения аксиологического подхода. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить национально-культурные особенности и ценности венесуэльского народа. На основании анализа изучаемого материала определена значимость ценностей «гастрономия», «поклонение прекрасному», «самосохранение» и показаны различные способы их реализации в дискурсе венесуэльского варианта испанского языка.

Ключевые слова: дискурс, ценности, испанский язык, венесуэльцы, национально-культурная специфика, речевое поведение.

THE VALUE DETERMINATION OF A VENEZUELAN VARIANT OF SPANISH LANGUAGE

The article discusses the problem of discourse using axiological factor. The purpose of the article is to identify the cultural identity and values of Venezuelans. On the basis of material analysis the significance of the value of “gastronomy”, “the worship of beauty”, “self-preservation” is determined and the implementation of these concepts in the discourse of the national Venezuelan variant of the Spanish language is shown.

Keywords: discourse, values, emotive event, Spanish language, Venezuelans, cultural identity, language behavior.

Понятие дискурса в современной лингвистике носит междисциплинарный характер. При этом одной из главных проблем на сегодня

няшний день остается проблема взаимодействия языка и культуры с учетом различных аспектов, детерминирующих использование тех или иных речевых средств в ходе акта коммуникации. К одним из таких аспектов можно отнести аксиологическую составляющую, поскольку ценности – это значимая часть и определяющий фактор организации и функционирования дискурса, в том числе и дискурса испаноязычных этносов.

Согласно концепции Е. В. Сидорова, акт речевой коммуникации состоит из коммуникативной деятельности отправителя, а, следовательно, и его ценностного мира, текста (дискурса), в котором содержатся ценностные представления партнеров по общению, и коммуникативной деятельности реципиента и его ценностного мира [Сидоров, 2009: 18–20]. Следовательно, каждый речевой акт – это в некотором смысле обмен ценностями, поскольку в ходе речевого общения предъявляются не только ценности отправителя сообщения, но и предполагаемые ценности адресата, таким образом, отправитель сообщения оказывается под влиянием ценностного мира адресата [Сидорова, 2010: 39].

Как справедливо заметила Н. М. Фирсова, тексту всегда присуща ярко выраженная национально-культурная специфика [Фирсова, 2007: 48]. Дискурс исследуемого нами латиноамериканского варианта испанского языка (венесуэльский вариант) – это органичная часть общеиспанской коммуникативной культуры, а язык служит хранилищем и способом передачи культуры различных этносов. Что касается венесуэльского варианта, рассматриваемого в данной статье, национальная специфика проявляется, прежде всего, в выборе речевых средств, использование которых детерминируют ценности, с целью повлиять на собеседника.

Так, особое место в латиноамериканском дискурсе занимает речевая ситуация «комплимент», известная как «пиропо». Такого рода комплимент имеет яркую национально-культурную специфику и служит для проявления восхищения красивой женщиной в довольно грубой и вульгарной форме. Как правило, данное своеобразие коммуникативного поведения характерно для жителей Венесуэлы, поскольку для венесуэльских мужчин выразить восторг по поводу привлекательности незнакомки – это своего рода традиция и особенность национального характера. Рассмотрим примеры:

– *Por ti, subiría al cielo en bicicleta y bajaría sin frenos* (Ради тебя я бы поднялся в небо на велосипеде и спустился без тормозов);

– *Tantas curvas y yo sin freno* (Столько поворотов, а я без тормозов) [27 “piropos” que todas las venezolanas escuchamos al salir a la calle].

Как можно заметить, в семантике представленных высказываний реализуется ценность «поклонение прекрасному», направленная на то, чтобы обратить на себя внимание реципиента и вызвать положительный эмоциональный отклик. Таким образом, мы можем заключить, что данная ценность определяет коммуникативное поведение венесуэльцев в речевой ситуации «комплимент».

Теперь обратимся к одну популярному выражению в венесуэльском варианте испанского языка “*Más peligroso que un tetero piche*” (это более опасно, чем испорченная бутылочка для кормления), что означает «быть осторожным». Происхождение данной фразы обусловлено бытовой ситуацией. Ведь всем известно, что, если дать ребенку испорченную бутылочку, это может обернуться очень плохими последствиями [15 frases culinarias que los venezolanos siempre tenemos que explicar a los de fuera].

Таким образом, когда говорящий использует в речи данную фразу, он основывается на ценностном равенстве и советует собеседнику быть очень осторожным в общении с определённым человеком и вести себя как можно более аккуратно. В данном случае подразумевается, что оба участника акта коммуникации разделяют ценность «самосохранение», что позволяет сделать коммуникативный процесс успешным для обеих сторон. Следовательно, ценность «самосохранение» проявляется в выборе данной лексической единицы, объясняет ее происхождение и находит отражение в выборе речевой тактики – предупреждение об угрозе.

Еще одно выражение “*Sabes más que pescado frito*” («знать больше жареной рыбы») является экспрессивной лексической единицей и часто произносится с сарказмом. Обычно оно используется, когда речь идёт о человеке-всезнайке, но иногда может быть применимо и к человеку, который просто много знает [15 frases culinarias que los venezolanos siempre tenemos que explicar a los de fuera]. На происхождение данного высказывания оказал влияние ценностно-коммуникативный феномен «гастрономия», поскольку рыба является одним из важнейших продуктов питания среди жителей Венесуэлы. Исходя из этого, можно полагать, что большинство жителей страны разделяют кулинарные традиции, а, значит, их ценности совпадают, и в ходе акта коммуникации не возникнет проблем. Следовательно, ценность

«гастрономия» определяет речевое поведение партнеров по общению и объясняет употребление в речи данной лексической единицы.

Итак, обобщая все вышесказанное, наши наблюдения позволяют сделать вывод, что ценности играют важную функцию в построении коммуникативного акта. Они составляют основу побуждения к вербальному действию, которое содержится в высказывании (дискурсе). Что касается венесуэльцев, то такие ценности, как «поклонение прекрасному», «самосохранение» и «гастрономия» являются значимыми для данного этноса. Они детерминируют коммуникативное поведение говорящих, оказывают непосредственное влияние на выбор речевых средств и объясняют их происхождение в венесуэльском варианте испанского языка.

Литература

1. 15 frases culinarias que los venezolanos siempre tenemos que explicar a los de fuera [Электронный ресурс]. URL: <https://matadornetwork.com/es/frases-culinarias-que-los-venezolanos-siempre-tenemos-que-explicar/#:~:text=M%C3%A1s%20peligroso%20que%20un%20tetero,estar%20mosca%20con%20alguna%20persona>. (Дата обращения: 03.02.2025).

2. 27 “piropos” que todas las venezolanas escuchamos al salir a la calle [Электронный ресурс]. URL: <http://matadornetwork.com/es/27-piropos-que-todas-las-venezolanas-escuchamos-al-salir-la-calle> (дата обращения: 03.02.2025)

3. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 232 с.

4. Сидорова Н. А. Аксиология речевой коммуникации: монография / Н. А. Сидорова. – М.: Книга и бизнес, 2010. – 318 с.

5. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки / Н. М. Фирсова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 352 с.

УДК 811.11

Л. В. Николаева, А. М. Кирилина

(Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева)

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ФЕМИНИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вторая половина XIX века стала временем переосмысления представлений о положении женщин в обществе и их гендерной роли. Появился образ «новой женщины», более уверенной, независимой. В статье анализ портрета

«новой женщины» и отображение в нём идей феминизма представлены на основе романа “Little Women”.

Ключевые слова: женский образ, «новая женщина», викторианская эпоха, гендер, гендерная идентичность, феминизм.

GENDER STEREOTYPES AND FEMINIST TENDENCIES IN ENGLISH-LANGUAGE LITERATURE

The second half of the 19th century was a time of rethinking ideas about the position of women in society and their gender role. The image of a “new woman”, more confident and independent, appeared this time. In the article an analysis of the portrait of the “new woman” and a reflection of feminist ideas in it are demonstrated based on the novel “Little Women”.

Keywords: female image, “new woman”, Victorian era, gender, gender identity, feminism.

XIX век был периодом, когда в Великобритании и на территории Америки стало распространяться мнение о том, что главная задача женщины – нести ответственность за семью, воспитывать детей и вести домашнее хозяйство. Портрет представительницы прекрасного пола должен был соответствовать нормам и моральным устоям викторианской эпохи, которая поддерживала «культ домашнего очага», патриархальный строй и образ благонравной семьи как основы идеального государства.

Главными качествами в образе истинной женственности были благочестие, целомудрие, покорность и хозяйственность. Основная роль любой девушки заключалась в стремлении заниматься нравственно возвышенными вещами, которые были направлены на поддержание и реализацию этих качеств. И именно работа по дому относилась к такому роду занятиям. Также допустимыми увлечениями для представительниц прекрасного пола стали рукоделие, вязание, шитьё и другие виды ремёсел, которые давали возможность всегда оставаться в пределах дома, выполнять домашние обязанности и поддерживать благоприятную и светлую обстановку.

Постепенно к женщинам приходило осознание о необходимости равноправия с мужчинами во всех сферах, где это было доступно: получение свободы выбора, шанс на обучение и высшее образование, ведение профессиональной деятельности, право политического го-

лоса. Такие идеи стали наиболее популярными во второй половине XIX века. Именно в этот период начинает развиваться феминистское движение, направленное не только на достижение ранее не осуществимых возможностей и целей, но и на переосмысление гендерных ролей, которые были установлены на основе общественного мнения как для мужчины, так и для женщины.

Ведущей во второй половине XIX – начале XX столетия становится «женская тема», идея переосмысления общественного положения женщины, её гендерной роли, прав, свобод и обязанностей. Подобная мысль прослеживается в романе Луизы Мэй Олкотт “Little Women”, который получил широкую известность и стал довольно успешным американским семейным романом. Сама создательница произведения, известная американская писательница Луиза Мэй Олкотт, была активной участницей феминистских движений и настоящим борцом за права женщин. Свои взгляды и точку зрения автор отразила в романе и образе одной из героинь, которую считают ключевой фигурой в книге “Little Women”. Луиза Мэй Олкотт – прототип для яркой и разносторонней Джозефины (Джо) Марч, девушкой, настроенной бросить вызов установившимся мнениям и общественным стереотипам. «Таким образом, эта героиня – одна из первых феминисток в литературных произведениях [Халиуллина, 2021: 711]».

Говоря о феминизме, нельзя не затронуть теорию гендера и его специфичные характеристики. Важно отметить, что гендер выступает в качестве неотъемлемого и важного элемента социальной структуры, который оказывает неизгладимое влияние на взаимоотношение людей, на восприятие окружающих и ситуаций, а также на их поведение в обществе в целом. Гендер функционирует не только в качестве стратификации полоролевой принадлежности, но также представляет собой социально организованный феномен, коррелирующий с определенными ожиданиями, нормами и ролями функционирования, которые общество традиционно соотносит с определенным полом – мужским или женским. Так, к устоявшимся гендерным характеристикам можно отнести гендерные роли, которые представлены в разделении труда и распределении ряда обязанностей, а также обусловленные модели поведения, присущие определенному полу.

Полоролевые специфики имеют культурный контекст. Данные стереотипы меняются в разных типах общества и в различные исторические эпохи. Заметим, что язык и речевое поведение является неотъем-

лемой чертой создания гендерных моделей. Вместе с тем, различные аспекты общественной жизни, такие как образование, политика, экономика также подвержены влиянию гендерных особенностей. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что гендер представляет собой динамическую структуру, которая трансформируется и модифицируется в зависимости от эпохи, политики, культуры и общества.

Возвращаясь к одной из главных героинь романа – Джо Марч, рассмотрим ее образ в целом. В начале произведения Джозефина представлена 15-летней, высокой и стройной девушкой с необычной внешностью, местами неправильными чертами лица и немного неуклюжим телосложением. Луиза Мэй Олкотт сравнивает её с жеребёнком, применяя в тексте книги слово *a colt*. Её главная красота – это густые длинные волосы, которые она всегда прячет, собирая в пучок. Это действие показывает, что Джо не может принять свою женственность и старается избежать возможности превращения в юную, привлекательную леди. Девушка не уделяет особое внимание внешнему виду, считая, что это не играет важную роль в её жизни. Для доказательства этой точки зрения автор дополняет реплики фразой *“the uncomfortable appearance of a girl with a flyaway look to her clothes”*: *“Fifteen-year-old Jo was very tall, thin, and brown, and reminded one of a colt...”* [Alcott, 2006: 10]; *“She had a decided mouth, a comical nose, and sharp, gray eyes... Her long, thick hair was her one beauty, but it was usually bundled into a net, to be out of her way”* [Alcott, 2006: 10]; *“Round shoulders had Jo, big hands and feet, a flyaway look to her clothes, and the uncomfortable appearance of a girl who was rapidly shooting up into a woman and didn’t like it”* [Alcott, 2006: 10].

Отличительной характеристикой в образе Джозефины Марч является её независимость, амбициозность, крутой, порой вспыльчивый нрав, который больше схож с характером мальчика или юноши, чем молодой леди. Такое поведение прослеживается на протяжении всего романа и противоречит представлениям викторианской эпохи по отношению к идеальному женскому образу. Создавая портрет героини, писательница употребляет существительное *a tomboy*, называя её девчонкой-сорванцом, которая не любит балы и светские мероприятия, разговоры о моде и «девичьи» беседы. Ей интереснее активно проводить свободное время, играя и резвясь на свежем воздухе. Джо стремится к осуществлению своих желаний, несмотря на мнения окружающих – *“I don’t care what people say!”*. В её речи можно наблюдать

неоднократное использование личного местоимения *I* и возвратного местоимения *myself*, что показывает значимость для героини её яркой индивидуальности, собственных чувств и задуманных планов: *"I agree not to expect anything from Mother or you, but I do want to buy 'Undine and Sintran' for myself. I've wanted it so long, – said Jo, who was a bookworm"* [Alcott, 2006: 7]; *"Then I'll go without. I don't care what people say! – cried Jo, taking up her book"* [Alcott, 2006: 31].

Во время отсутствия отца, который принимает участие в Гражданской войне и находится далеко от дома, Джо намерена быть главой семьи вместо него, из-за чего у неё зачастую возникают споры со старшей сестрой, Мег Марч. Во время подобных разговоров или в случае, когда Маргарет делает замечание, главная героиня может разговаривать с ней повышенным тоном или перебить на полуслове, быть чрезмерно прямолинейной и несговорчивой, что, конечно, было неприемлемым в поведении девушки в XIX веке. Эти характеристики можно заметить в репликах Джо, которые она произносит с восклицательной интонацией, а также порой прерывая своего собеседника, что демонстрирует фразовый глагол *to cut in with*. Иногда речь героини может показаться грубой и резкой, но это лишь особенности поведения и неотъемлемая часть её личности: *"I'm the oldest, – began Meg, but Jo cut in with a decided. I'm the man of the family now Papa is away"* [Alcott, 2006: 11]; *"It didn't matter so much when you were a little girl, but now you are so tall, and turn up your hair, you should remember that you are a young lady. – I'm not!"* [Alcott, 2006: 9].

Порой Джозефина не держит эмоции в себе, всегда показывает, что чувствует в конкретный момент. Она не умеет лукавить и обманывать, искреннее рассказывает о том, что в конкретный момент происходит у неё в душе. Как говорит Луиза Мэй Олкотт: *"Jo had the least self-control, and had hard times trying to curb the fiery spirit"*. Она тяжело справляется со своими чувствами, особенно в ситуациях, когда дело касается её любимого занятия, писательской деятельности и создания литературных произведений. Так, например, Джо просто разозлилась и всплыть из-за того, что младшая сестра Эми, затаив на неё обиду, бросила в камин книгу, над которой героиня работала днём и ночью, не покладая рук. Её состояние в этой ситуации можно понять на основе следующих фраз: *"but her bosom enemy was always ready to flame up and defeat her"* and *"Jo's hot temper mastered her"*: *"Although the oldest, Jo had the least self-control, and had hard times trying to curb the fiery*

spirit which was continually getting her into trouble” [Alcott, 2006: 85]; “*Poor Jo tried desperately to be good, but her bosom enemy was always ready to flame up and defeat her, and it took years of patient effort to subdue it*” [Alcott, 2006: 85]; “*Jo’s hot temper mastered her, and she shook Amy till her teeth chattered in her head, crying in a passion of grief and anger*” [Alcott, 2006: 86].

Стоит отметить, что у главной героини романа “Little Women” есть работа, что не было распространено в викторианскую эпоху, так как женщина отвечала за частную, домашнюю сферу, а профессиональная деятельность и обеспечение семьи были обязанностью мужчины. Тем не менее, несмотря на устоявшиеся мнения, она работает компаньонкой у тёти Марч. Следует сказать, что Джо – смелая девушка, которая не боится рассказать о своих чувствах, мыслях, предпочтениях. Она открыто говорит, что ей не нравится работа, которая только утомляет её. Джозефина не получает радость и удовольствие, присматривая и ухаживая за пожилой родственницей. Доказательством этого является высказывание, где трудности главной героини подчёркиваются с помощью словосочетания *hard time*: “*you don’t have half such a hard time as I do*”. Она понимает, что эта работа приносит немалый доход для семьи в период не совсем благополучной финансовой ситуации. Тем не менее, её боевая личность, в некоторой степени даже характер бунтаря, поддерживает на выбранном пути, не дают отказаться от всех задуманных планов, что можно наблюдать в предложении о цели и стремлении героини: “*Jo’s ambition was to do something very splendid*”: “*You don’t have half such a hard time as I do, – said Jo. How would you like to be shut up for hours with a nervous, fussy old lady, who keeps you trotting, is never satisfied, and worries you till you’re ready to fly out the window or cry?*” [Alcott, 2006: 7]; “*Jo’s ambition was to do something very splendid. What it was, she had no idea as yet, but left it for time to tell her...*” [Alcott, 2006: 46].

Таким образом, на основе проведённого исследования портрета Джо Марч, можно прийти к выводу, что характер героини значительно отличается от стереотипов о гендерных характеристиках XIX века и образа «викторианской женщины». Она не стремится быть идеальной, чтобы понравиться окружающим, и в любой ситуации остаётся собой. Девушка не принимает позицию «быть покорной, послушной и терпеливой», для неё важны самостоятельность и самодостаточность. Уверенная в себе и своих силах, энергичная и находчивая, Джо

любит решать сложные задачи, пытается развивать свою индивидуальность, пробуя силы в писательской деятельности. Героиня предана самой себе, своей личности и внутреннему миру.

Литература

1. Гусева Ю. Д. Тема феминизма в американском романе Л.М. Олкотт «Маленькие женщины» / Ю. Д. Гусева // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: Сборник статей участников III Международной научно-практической конференции. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского». 2021. – С. 317–319.

2. Овчаренко А. О. Особенности социализации женщин в США (рубеж XIX-XX вв.) [Электронный ресурс] / А. О. Овчаренко // Исторический журнал: научные исследования. 2020. – № 5. – С. 136–146. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsializatsii-zhenschin-v-ssha-rubezh-xix-xx-vv> (дата обращения: 19.11.2024).

3. Халиуллина Э. Ф. Анализ феминистских идей в романе Луизы Мэй Олкотт «Маленькие женщины» / Э. Ф. Халиуллина // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы IV международной научной конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 2021. – С. 710–714.

4. Alcott L. M. Little women / Louisa May Alcott. – Moscow: Jupiter-inter, 2006. – 267 p.

5. Ashraf A. Vanity, Temper, Timidity & Selfishness: Female Portrayal in “Little Women” by Louisa May Alcott / Ayesha Ashraf // Dream Science: Language Linguistics and Literature. – University of Sahiwal, Punjab, Pakistan. 2023. – Т. 1, № 1. – P. 8–14.

А. В. Норманская

(Крымский университет культуры, искусств и туризма)

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Современная российская молодёжь активно участвует в межкультурном взаимодействии, что проявляется в различных форматах: от образовательных программ до культурных мероприятий. Тренды и локальные практики данного взаимодействия согласованы с современными социокультурными проблемами, но и являются необходимой подготовкой к вызовам будущего. В мире, где технологии стирают границы, мы предлагаем обратить внимание на новые коммуникационные практики, которые позволяют молодежи взаимодействовать с представителями различных культур.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, коммуникация, молодежь, тренды, Россия.

INTERCULTURAL INTERACTION OF MODERN YOUTH: GLOBAL TRENDS AND LOCAL PRACTICES

Modern Russian youth actively participates in intercultural interaction, which manifests itself in various formats: from educational programs to cultural events. The trends and local practices of this interaction are consistent with modern socio-cultural problems, but they are also a necessary preparation for the challenges of the future. In a world where technology is blurring boundaries, we suggest paying attention to new communication practices that allow young people to interact with representatives of different cultures.

Keywords: intercultural interaction, communication, youth, trends, Russia.

Межкультурная коммуникация является основой взаимодействия и предоставляет молодым людям уникальную возможность получить новый опыт, который поможет им лучше понять мир и себя. Как отмечает в своём исследовании С. Г. Тер-Минасова, научно-технический прогресс открывает «новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации» [Тер-Минасова, 2000: 17]. Действи-

тельно, современные технологии эпохи цифровизации, позволяют каждому желающему стать участником процесса межкультурного взаимодействия посредством использования как виртуальной, так и реальной коммуникации. Наиболее активное участие в подобных процессах принимает молодёжь. Межкультурная коммуникация вдохновляет их на изучение иностранных языков, творчество или путешествия, а также помогает разрушать стереотипы и предрассудки, которые являются первопричиной многих международных конфликтов.

Важным моментом для нашего исследования является анализ межкультурного взаимодействия молодежи как гибкого и конструктивного подхода к решению конфликтов с другими культурами. Речь идет, например, о площадках для организации открытого диалога, где разные точки зрения будут услышаны. И в данном контексте полезными являются **культурные обмены** в широком смысле в молодежной среде: в совместных волонтерских, экологических, креативных, социальных проектах, дискуссионных площадках, форумах и т. д. Развитие межкультурного диалога – это приоритетная задача для любого государства, поскольку он выступает в качестве ключевого фактора «укрепления коллективной идентичности в условиях глобализации, как основа для формирования гражданского общества с его прочной социальной солидарностью и ощущением самотождественности» [Астафьева, 2011: 271].

Молодежь, обладающая глобальным мышлением, стремится к налаживанию отношений со всеми народами вне зависимости от того, представителями какой культуры или религии они являются. Точками для подобного межкультурного взаимодействия в России всё чаще выступают крупные молодёжные движения и организации, такие, как Волонтеры Победы, где молодые ребята из разных стран участвуют в мероприятиях, посвященных сохранению исторической памяти. Осенью 2024 года организация объявила о создании Международного волонтерского корпуса 80-летия Победы, целью которого является совместная борьба против фальсификации истории Второй мировой войны посредством привлечения волонтеров из разных стран мира. Таким образом, тема Великой Отечественной войны, которая является традиционной духовной скрепой между поколениями и народами многонациональной России, выходит за границы одного государства и объединяет разные государства.

К другим крупным площадкам межкультурного взаимодействия стоит отнести Всемирный день молодёжи, который проходил с 1 по 7 марта 2024 на федеральной территории «Сириус». Это международное молодежное событие объединило 20 тысяч российских и иностранных молодых лидеров в возрасте от 18 до 35 лет – профессионалов в сфере бизнеса, медиа, образования, науки, международного сотрудничества, культуры, волонтерства, спорта. Молодежь всего мира была приглашена совместно осмыслить традиционные ценности и обменяться идеями, как на их основе строить будущий мир. Среди других трендов в межкультурном молодежном взаимодействии стоит отметить Международный молодежный кинофестиваль «Мы», Всероссийский молодёжный образовательный форум «Территория смыслов» платформы Росмолодёжь. Для всей творческой молодежи и для Крымского полуострова, в частности, популярен Фестиваль молодого искусства «Таврида.АРТ», который входит в федеральный проект «Молодежь России» национального проекта «Образование» и многие другие.

Особенно популярными локациями в молодежной среде являются этнокультурные фестивали и праздники: фестиваль «Сабантуй» (Татарстан, Башкортостан и другие регионы), где ребята участвуют в традиционных играх, танцах и конкурсах; «Цамад», посвященный культуре народов Дагестана; «ЭтноФест» (Москва, Санкт-Петербург) и т. д.

В образовательных и культурных учреждениях создаются клубы, где молодежь изучает культуру и традиции разных народов; таким направлениям содействуют и центры национальных культур в Казани, Уфе или Махачкале, где проводятся мастер-классы, лекции и встречи с представителями разных культур. Межкультурное общение на форуме «Машук» (Северный Кавказ) ежегодно собирает молодежь из разных регионов России для обсуждения межкультурного взаимодействия и реализации совместных проектов. Форум «Иволга» (Поволжье) направлен на развитие межнационального диалога и поддержку молодежных инициатив. В Карелии и на Алтае организуются творческие резиденции, где художники из разных регионов создают работы, вдохновленные местной культурой. В Якутии организуются лагеря, где молодежь изучает традиции коренных народов.

Стоит отметить, что перечисленные локальные практики показывают существование множества инициатив, направленных на укрепление межкультурного взаимодействия среди молодёжи. Культурные

тренды отражают глобальные интересы молодёжной культуры, такие, как стремление к изучению других культур, сохранению существующего мирового историко-культурного наследия, экологической повестке и формированию единого социокультурного пространства. Таким образом, создание новых универсальных площадок для межкультурной коммуникации удовлетворяют базовые потребности современной молодежи, обогащают её культурный и языковой опыт, предоставляют возможность познакомиться с новыми обычаями и традициями других народов, при этом позволяя транслировать собственные ценностные установки для представителей других культур.

Литература

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М.: Слово, 2000. – 262 с.
2. Астафьева О. Н. Межкультурный диалог как фактор преодоления кризиса идентичности в условиях глобализации // Диалог культур в условиях глобализации: XI Международные Лихачевские научные чтения, 12–13 мая 2011 г. – Т. I. Доклады. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 592 с.

УДК 81.25

О. Н. Обухова, С. Ю. Огородникова
(Вятский государственный университет)

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ ФРОНТОВОЙ ДОКУМЕНТ: МОДЕЛИ И ТИПЫ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Статья посвящена изучению военной терминологической лексики на материале немецкоязычных фронтовых документов периода Великой Отечественной Войны (ВОВ), системному описанию словообразовательных структур с учетом их структурно-семантических и лингвистических характеристик.

Ключевые слова: сложное слово, военный термин, немецкоязычный фронтовой документ.

GERMAN-LANGUAGE ARCHIVAL FRONT-LINE DOCUMENT: MODELS AND TYPES OF COMPOUND WORDS

The article is devoted to the study of military terminology based on the material of German-language archival front-line documents from the period of the Great Patriotic War (WWII), a systematic description of word-formation structures, considering their structural, semantic and linguistic characteristics.

Keywords: compound word, military term, German-language frontline document.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления общих и специфических механизмов создания сложных слов (на уровне словообразовательных структур и моделей) исследуемого языка. Типологизация сложных слов, выявление их функционального потенциала осуществляется на основе описательного метода, метода структурно-семантического и контекстуального анализа. В заключение работы приведен обзор количественных данных анализа эмпирического материала исследования. В рамках изучения научного вопроса осуществлен анализ 150 страниц немецкоязычных фронтовых документов жанра «журнал боевых действий» 1942 г., методом сплошной выборки зафиксировано 250 единиц сложных слов.

Чтобы конкретизировать объект исследования, авторы статьи обращаются к узконаправленному термину «сложное слово», под которым ученые-лингвисты понимают составное слово, образованное двумя или несколькими морфемами, являющихся основой слова [см.: Ахманова, 1969: 419; Розенталь, 1985: 281; Матвеева, 2010: 433–434]. Классическим определением сложного слова можно считать дефиницию М. Д. Степановой и И. И. Чернышевой, которые указывают на проблему отношения образования сложных слов и производности, называют сложными словами языковые единицы, словообразующая основа которых состоит из двух и нескольких корней или из корней со словообразовательными аффиксами [Степанова, 1953: 58].

Начнем рассмотрение со структурного подхода к классификации сложных слов, на основании которого сложные слова анализируются по семантико-синтаксической связи [см.: Степанова, 1953: 113; Зеленецкий, 2003: 241]. В ходе анализа корпуса военной терминологической лексики выделены: 1) определительные сложные слова, в которых один элемент семантически конкретизирует другой, и определяющий элемент выполняет конкретизирующую роль, ср.: *der Waffenlager* – *оружейный склад*, *die Schwerartillerie* – *тяжелая ар-*

миллерия, *die Feldküche* – полевая кухня; 2) сочинительные сложные слова, элементы которых равнозначны и соотносимы с членами словесного ряда, чаще всего обозначающие части целого или различные аспекты одного явления, ср: *die Luft- und Seestreitkräfte* – воздушные и морские силы, *die Kampf- und Unterstützungsflugzeuge* – боевые и вспомогательные самолеты, *die Panzer- und Infanterietruppen* – танковые и пехотные войска; 3) сложносинтаксические слова, представляющие собой языковые единицы, сходные по форме с предложениями или словосочетаниями, ср.: *glücklicherweise* – по счастливой случайности, *beispielgebend* – образцово-показательно.

По структурно-генетической связи, согласно концепции А. Л. Зеленецкого, сложные слова дифференцированы на полносложные и неполносложные (в зависимости от наличия / отсутствия соединительного элемента между компонентами сложного слова), также слова-сдвиги [Зеленецкий, 2003: 241]. Например, слово *der Sanitätsdienst* – медико-санитарная служба представляет собой неполносложное соединение двух основ с соединительным компонентом -s: *Sanität*+s+*Dienst*. Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров: *der Brückenknopf* (*Brücke*+n+*Kopf*) – плацдарм, *das Streifenpulver* (*Streifen*+n+*Pulver*) – ленточный порошок. В то же время, например, термин *das Sturmgewehr* (*Sturm*+*Gewehr*) – штурмовая винтовка демонстрирует использование полносложного типа через сочетание двух корней без соединительного компонента. Приведем несколько примеров полносложных слов: *die Kesselschlacht* (*Kessel*+*Schlacht*) – сражение с врагом, оказавшимся в кольце окружения, *die Kommandeurbesprechung* (*Kommandeur*+*Besprechung*) – совещание командования, *der Stützpunkt* – база. В корпусе военной терминологической лексики выявлено единичное явление, являющееся собой по способу производства словомсдвигом: *die Inbesitznahme* (*in*+*Besitz*+*nehmen*/*Nahme*) – захват. По морфолого-синтаксическому оформлению данная языковая единица совпадает с застывшей формой устойчивого словосочетания *in Besitz nehmen*.

Основываясь на классификации по синтаксическим и/или морфологическим признакам, можно выделить два вида сложных слов: эндоцентрические и экзоцентрические. Эндоцентрические слова – это такие термины, значение которых выводится из компонентов, например: *das Kampfflugzeug* – боевой самолет, *das Feldlager* – полевой лагерь, *der Lufttransport* – воздушный транспорт, *die Sturmabteilung* – штурмо-

вой отряд, *der Pionierhandkarren* – сапёрная ручная тележка. Экзоцентрические сложные слова отличаются тем, что их значение не может быть выведено только из значений отдельных компонентов; они могут иметь другую грамматическую функцию или смысловую нагрузку без прямой связи между частями слова, например: *der Schwerpunkt* – направление главного удара, *der Zweiweg-Gurtzuführer* – механизм подачи патронной ленты с двух направлений, *die Schlachtgruppe* – штурмовая авиационная группа.

По структуре словообразовательных моделей выделим двухкомпонентные, трехкомпонентные сложные слова, сложные слова с четырьмя и более компонентами. По характеру частеречной принадлежности двухкомпонентные сложные слова разделяются по следующим типам словообразовательных моделей: N+N (*der Granatwerfer*), N-N (*Südosten*), A+N (*die Schwerartillerie*), Adv+N (*die Vorwärtsbewegung*), Pr+N (*das Zwischenfeld*), Pron+N (*das Niemandsland*), N-A (*pioniertechnisch*), A+A (*frühzeitig*), V+A (*glaubwürdig*), Adv+A (*wohlätig*), Pron-A (*jederzeitig*), Z+A (*vierrädrig*), Pr+A (*außergewöhnlich*), N+V (*achtgeben*), A+V (*sicherstellen*), V-V (*stehenbleiben*), Adv+V (*vorhersehen*), P+V (*gefangennehmen*), Pron+A (*selbstständig*).

Трехкомпонентные сложные слова дифференцируются по следующим структурным типам: N+N+N (*der Kriegsberichterzug*), N-(K)-N+N (*der Orts- und-Waldkampf*), N+A+N (*der Kraftkleinwagen*), N+V+N (*die Kradschützenschwadron*), A+V+N (*die Fernsprechverbindung*), N-N+A (*nordostwärtig*).

Сложные слова, состоящие из четырех и более компонентов, т. н. полиморфные (по В. Фляйшеру) [Fleischer, 2012: 138] образования, представлены следующими моделями: N+A+N+N (*der Donez-Altwasserarm*), N-(K)-N-(K)-N+N (*die Rgt. – und Btl., bzw. Abt.-Kommandeure*), N-N-(K)-N+N (*das Bereitschafts-, Ruhe- und Stellungen-Btl.*); N-(K)-N+N+N+N (*das Artillerie-und-Granatwerferstörungsfeuer*), N-(K)-N+N+N+N (*die Mun.- und Betriebsstoffausgabestelle*).

Учитывая характерное для военных текстов архивных документов периода ВОВ структурное разнообразие и семантическую емкость сложных слов, корпус военной терминологической лексики можно типологизировать по:

- 1) наименованиям организационной структуры вооруженных сил: – воинские части (подразделения): *die Panzerdivision* – танковая дивизия, *das Gebirgsartillerieregiment* – горно-артиллерийский полк и др.;

– воинские должности: *der Stabsfeldwebel* – старший сержант штаба, *der Prüflmeister* – старший технический контролёр и др.;

2) номинациям военной техники: *der Kampfpanzer* – боевой танк, *die Kavalleriekraftwagenkolonne* – кавалерийская автотранспортная колонна, *das Kesselkraftwagen* – автоцистерна и др.;

3) номинациям орудий: *die Fliegerabwehrkanone* – зенитная пушка, *das Maschinengewehr* – пулемет, *das Infanteriegeschütz* – пехотное орудие и др.;

4) названиям документов: *der Einsatzbefehl* – боевой приказ, *der Lagebericht* – донесение об обстановке, *die Dienstgeschäftsordnung* – положение о служебном делопроизводстве и др.;

5) топографическим терминам / номинациям с локативным и временным обозначением: *das Einsatzgebiet* – район боевых действий, *das Niemandsland* – нейтральная зона, *der Zeitplan* – временная диаграмма (график) и др.;

6) обозначению боевых действий: *der Flammenangriff* – огнеметная атака, *die Gefechtsbereitschaft* – боевая готовность, *granatenwerfen* – метать гранаты и др.;

7) обозначению средств связи: *das Funkgerät* – радиостанция, *das Fernmeldemittel* – средство связи, *der Nachrichtendienst* – служба связи, *die Meldewurfgranate* – сигнальный снаряд и др.;

8) организационным терминам: *die Truppenstärke* – численность войск, *der Kampfbestand* – боевой состав, *die Disziplinarstrafe* – дисциплинарное взыскание и др.

Согласно данным количественного анализа, в общем корпусе сложных слов широко представлены эндоцентрические слова: такие образования составили 80 % (201 единица). Количество определительных, сочинительных и сложно-синтаксических сложных слов оказалось практически одинаковым: 33 % (82 единицы) и 32 % (80 единиц), сложно-синтаксических – 35 % (88 единиц). Наиболее распространены неполносложные соединения – 56 % (141 единица); реже встречаются полносложные слова – 44 % (109 единиц). Большая часть сложных слов представлена существительными – 89 % (223 единицы), меньшую долю составили сложные прилагательные – 5 % (13 единиц), сложные глаголы – 5 % (12 единиц), сложные местоимения – 1 % (2 единицы). Это, как правило, двух- и трехкомпонентные сложные слова – 56 % (140 единиц) и 26 % (64 единиц); доля четырехкомпонентных слов составила 18 % (46 единиц). Выявлены два

пятикомпонентных слова. При этом, деривационная база многокомпонентных сложных слов представлена сложением полных, неполных и усеченных (сокращения, аббревиатуры) основ.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания: Учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / А. Л. Зеленецкий, О. В. Новожилова. – М.: Академия, 2003. – 400 с.
3. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва: Просвещение, 1985. – 544 с.
5. Степанова М. Д. Чернышева И. И. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache : Лексикология современного немецкого языка: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
6. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Berlin: De Gruyter Verlag, 2012. – 484 S.,

УДК 378.147:81

Г. А. Ораев, М. Н. Гарягдыев, Д. Ш. Шохрадова
(Туркменский сельскохозяйственный институт)

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РОДНОГО И ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В СРЕДНИХ И ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В данной статье рассматриваются инновационные технологии в преподавании родного и иностранных языков в средних и высших учебных заведениях. Особое внимание уделяется использованию мультимедийных средств, онлайн-платформ, интерактивных технологий и профессионально ориентированного обучения. Описаны преимущества цифровых инструментов в повышении эффективности языкового образования и примеры их применения в вузах.

Ключевые слова: инновационные технологии, обучение языкам, мультимедийные ресурсы, цифровые платформы, интерактивное обучение, профессиональная терминология.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING NATIVE AND FOREIGN LANGUAGES IN SECONDARY AND HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

This article examines innovative technologies in teaching native and foreign languages in secondary and higher education institutions. Special attention is given to the use of multimedia resources, online platforms, interactive technologies, and profession-oriented learning. The advantages of digital tools in enhancing language education efficiency and examples of their application in universities are discussed.

Keywords: innovative technologies, language learning, multimedia resources, digital platforms, interactive learning, professional terminology.

Современная система образования требует активного внедрения инновационных технологий. На всех уровнях обучения, особенно в средних школах и высших учебных заведениях, актуальна необходимость применения новых подходов к преподаванию родного и иностранных языков. Инновационные образовательные технологии создают благоприятные условия для развития языковых навыков учащихся и студентов, помогая им учиться в интерактивной и творческой среде. Использование этих технологий в образовательном процессе не только повышает эффективность изучения языков, но и способствует их более глубокому усвоению.

На сегодняшний день изучение языков выходит за рамки простого запоминания грамматических правил. Оно охватывает навыки восприятия речи, говорения и письма. В этом контексте инновационные технологии играют важную роль:

Во-первых, мультимедийные ресурсы оказывают значительное влияние на процесс обучения. Применение видео- и аудиоматериалов, цифровых словарей, переводческих программ, интерактивных учебников и онлайн-платформ помогает учащимся быстрее усваивать информацию и использовать языки на практике.

Во-вторых, онлайн-курсы и мобильные приложения становятся важными инструментами в изучении языков. Программы, такие как

Coursera, Duolingo, Memrise, значительно способствуют развитию языковых компетенций. Кроме того, специализированные онлайн-курсы для средних и высших учебных заведений позволяют адаптировать обучение под нужды конкретных дисциплин.

В-третьих, использование интерактивных досок и цифровых классов увеличивает вовлеченность учащихся в процесс изучения языков. Электронные доски помогают сделать занятия более наглядными, а цифровые платформы позволяют проводить обмен сообщениями и видеозанятия. Кроме того, технологии виртуальной реальности и моделирования ситуаций помогают учащимся лучше понимать языковые конструкции и применять их в реальной жизни.

Применение игровых элементов также положительно влияет на обучение. Включение в образовательный процесс театральных постановок, групповых проектов, ролевых игр и творческих заданий способствует развитию коммуникативных навыков и закреплению нового материала.

В высших учебных заведениях изучение иностранных языков зачастую связано с профессиональной терминологией. Поэтому инновационные методы направлены на интеграцию языкового обучения с профильными дисциплинами. Виртуальные деловые переговоры, специализированные тесты по профессиональной терминологии, цифровые базы данных с материалами по разным специальностям помогают студентам овладевать языками более глубоко.

Например, в нашем Туркменском сельскохозяйственном институте обучение будущих специалистов ведется с применением различных программных средств. Так, студенты инженерных направлений активно используют AutoCAD, где термины представлены на русском и английском языках. Это способствует быстрому освоению профессиональной лексики. Кроме того, программы, связанные с ГИС-технологиями в сельском хозяйстве, также дают возможность более эффективно изучать иностранные языки в профессиональном контексте.

В заключение можно отметить, что инновационные технологии делают процесс преподавания языков в средних и высших учебных заведениях более эффективным и удобным для освоения. Использование цифровых инструментов и интерактивных методов повышает мотивацию учащихся и студентов, создавая для них благоприятные условия для практического применения языка. Таким образом, инновационные технологии продолжают играть ключевую

роль в системе образования и открывать новые перспективы в обучении языкам.

Литература

1. *Kukulska-Hulme A., & Shield, L.* An overview of mobile-assisted language learning. *ReCALL*, 20 (3), 2008. – 271–289 с.
2. *Соловова Е. Н.* Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. Москва: Академия, 2006. – 239 с.
3. *Полат Е. С.* Метод проектов на уроках иностранного языка. *ИЯШ*, (2), 2000. – 6–15 с.
4. *Зимняя И. А.* Психология обучения иностранным языкам в школе. Москва: Владос, 2001. – 222 с.
5. *Гальскова Н. Д., & Гез Н. И.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. Москва: Академия, 2004. – 336 с.
6. *Богомолова Н. Н.* Использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам. *Вестник МГПУ*, (4), 2012. – 112–118 с.

УДК 81

А. И. Павленко

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

КОГНИТИВНЫЕ ПРОТОТИПЫ ПОНИМАНИЯ ПЕРЕВОДА

В настоящей статье рассматривается эволюция когнитивных прототипов перевода, отражающих исторические, культурные и эпистемологические изменения. Проанализированы различные подходы к переводу, начиная от теологического и научного мышления до постмодернистского подхода, который акцентирует внимание на деконструкции смысла. Автор предлагает классификацию, ориентированную на типы мышления, которые формировали представления о переводе в разные исторические эпохи. Особое внимание уделено взаимосвязи между когнитивными установками эпохи и функциональными требованиями к переводу, таким как точность, творческая интерпретация и деконструкция.

Ключевые слова: когнитивные прототипы, эпистемологические сдвиги, типы мышления, историческая эволюция перевода, деконструкция, перевод.

COGNITIVE PROTOTYPES OF TRANSLATION UNDERSTANDING

This article explores the evolution of cognitive prototypes of translation, reflecting historical, cultural, and epistemological shifts. Various translation approaches are analyzed, ranging from theological and scientific thinking to the postmodern approach, which focuses on deconstructing meaning. The author proposes a classification based on types of thinking that shaped translation concepts in different historical periods. Special attention is given to the connection between cognitive paradigms of the era and functional requirements for translation, such as accuracy, creative interpretation, and deconstruction.

Keywords: cognitive prototypes, epistemological shifts, types of thinking, historical evolution of translation, deconstruction, translation.

Концепция перевода на протяжении истории претерпевала существенные изменения, отражая эпистемологические сдвиги, обусловленные доминирующими научными парадигмами [Кун, 2003: 605], а также структурами власти и знания, формирующими дискурсивные практики [Фуко, 1994: 408]. Понимание перевода варьировалось в зависимости от идеологических и когнитивных установок эпохи.

Изменение способов осмысления перевода в разные исторические периоды можно интерпретировать сквозь призму категории когнитивного прототипа – фундаментального понятия когнитивной лингвистики, отражающего характерные черты ментальных репрезентаций, структурирующих опыт. Когнитивный прототип – это не фиксированное определение, а скорее идеализированная модель, репрезентирующая наиболее типичный экземпляр категории, с которым соотносятся другие, менее характерные элементы. В теории прототипов [Rosch, 1975: 192–233; Lakoff, 1987: 648] подчеркивается, что концептуальные категории не являются гомогенными или строго логическими, а организуются вокруг центрального, наиболее узнаваемого образца, от которого расходятся периферийные смыслы. Таким образом, прототипы играют ключевую роль в формировании концептов, определяя границы категорий и способ интерпретации реальности. В контексте перевода это означает, что каждое историческое или культурное представление о переводе опиралось на свой «прототип перевода» – типичный образ или модель, определяющую то, что считалось переводом, кто считался переводчиком, и какие цели и нормы определяли переводческую деятельность.

Перед тем, как перейти к модели, включающей типичные когнитивные прототипы перевода, уместно рассмотреть методологическое основание для применения теории прототипов в исследовании перевода как когнитивной и социокультурной практики. Когнитивная лингвистика, в рамках которой развивается теория прототипов, исходит из предположения, что язык и мышление взаимосвязаны, а концептуальные структуры, включая категории и их прототипы, отражают обобщённый опыт взаимодействия человека с миром. Прототипизация в переводоведении позволяет выявить не столько формальные определения перевода, сколько типичные представления, складывающиеся в разных культурно-исторических контекстах. Это смещение фокуса от нормативных моделей к описанию эмпирически закреплённых образцов способствует более гибкому пониманию природы перевода. Кроме того, применение прототипной модели открывает возможность для сравнения различных «переводческих миров», в которых одни аспекты переводческой деятельности (например, буквальность, верность, адаптация, интерпретация) выступают как центральные, а другие – как периферийные. Такой подход особенно важен в условиях постструктуралистского поворота в гуманитарных науках, где отказ от универсалистских категорий делает необходимым анализ локальных, контекстуальных форм знания – в том числе знания о переводе.

Прототипный подход к исследованию перевода акцентирует внимание не на поиске универсального определения перевода, а на стремлении охватить как можно более широкий спектр представлений о том, каким, согласно различным эпохам и традициям, считался «настоящий» или «надлежащий» перевод. Он позволяет реконструировать ментальные модели, лежащие в основе переводческой практики и теории, выявляя, какие характеристики в конкретный исторический момент воспринимались как центральные – например, буквальная точность в схоластической традиции, творческая свобода в эпоху романтизма или функциональная эквивалентность в XX веке. Такой подход не стремится к построению иерархии или оценке – он не утверждает, что один прототип «лучше» или «ближе к истине», чем другой. Вместо этого он объективирует разнообразие когнитивных установок, фиксируя их эволюцию в зависимости от культурных, политических, религиозных и научных факторов. Это особенно ценно в современных исследованиях, нацеленных на деконструкцию нормативных пред-

ставлений о переводе как о чём-то единообразном и универсальном. Прототипизация, таким образом, становится методологическим инструментом для историко-критического анализа, позволяющим рассматривать перевод как динамическую категорию, сформированную в диалоге между знанием, властью и языковыми практиками.

В рамках настоящего исследования предлагается прототипная модель понимания перевода, представляющая собой типологизацию доминирующих когнитивных представлений о переводческой деятельности в разные исторические периоды. Данная модель не претендует на исчерпывающий или универсальный характер: она осознанно избегает редукционизма и фиксированности; понимается как открытая и развивающаяся система, подлежащая уточнению и дополнению. Целью модели является не создание окончательной классификации, а демонстрация того, как исторически сменяющиеся типы мышления – эпистемологические парадигмы – обуславливают доминирующие прототипы перевода, определяя, что именно воспринимается как перевод и какие качества считаются для него существенными.

На основе анализа соответствия между историко-культурными типами мышления и когнитивными прототипами перевода мы предлагаем следующую последовательность:

1. Теологическое мышление – прототип перевода как откровения.
2. Схоластическое мышление – прототип перевода как буквальной передачи формы.
3. Рационалистическое мышление – прототип перевода как логически выверенного эквивалента.
4. Просветительское мышление – прототип перевода как инструмента цивилизации и нормализации.
5. Романтическое мышление – прототип перевода как интерпретации и вдохновенного воссоздания.
6. Модернистское мышление – прототип перевода как научно-функционального соответствия.
7. Постмодернистское мышление – прототип перевода как акта интерпретации и деконструкции смысла.

Несмотря на сильные стороны историко-эпистемологического подхода, основанного на смене типов мышления и соответствующих им когнитивных прототипов перевода, важно отметить, что выбор классификационного основания зависит от цели исследования и его методологических задач. В зависимости от того, на какой аспект пере-

водческой деятельности делается акцент – социальный, функциональный, когнитивный, институциональный и т. д. – могут быть предложены иные типологии, в которых в качестве базиса будет выступать не историко-философская парадигма, а иные категории анализа.

Так, например, при акценте на социальной функции перевода возможна типологизация, основанная на функциях перевода в обществе: ритуальная (религиозные переводы, сакральные тексты), учебная (дидактические переводы), художественная (литературные переводы), политическая (переводы, обслуживающие идеологические цели) и т. д. В этом случае прототип определяется через его функцию, а не через способ мышления, из которого он проистекает.

Аналогично, если в центре внимания находится позиция переводчика в коммуникативной и социальной структуре, то можно выстроить классификацию по ролевым моделям: переводчик как невидимый посредник, как авторитетный интерпретатор, как соавтор оригинала, как медиатор между культурами и т. д. Здесь на первый план выходит субъектная конфигурация переводческой деятельности.

Наконец, в рамках анализа трансформаций текста в переводе можно опираться на доминанты процесса, к примеру: буквальность, функциональность, интерпретативность, деконструктивность. В этом случае прототип переводческой деятельности конституируется через приоритет того или иного подхода к соотношению оригинала и перевода.

Таким образом, предложенная нами модель – лишь один из возможных ракурсов, при этом она сохраняет ценность как метапозиция, позволяющая интегрировать другие оси анализа.

Для более глубокого анализа когнитивных прототипов перевода важно рассмотреть, как различные историко-культурные контексты влияли на понимание перевода как концепта. Каждый исторический этап привносил в переводческие практики новые акценты, ценности и идеалы. Анализ специфики данных аспектов переводческой деятельности позволяет выделить несколько ключевых когнитивных прототипов. Они отражают доминирующие способы мышления, типичные для каждой исторической эпохи, и соответствуют изменениям в эпистемологии, культуре и философии. Рассмотрим далее упомянутые ранее когнитивные прототипы понимания перевода в их соотношении с важнейшими типами мышления, характерными для различных периодов истории.

1. Теологическое мышление – прототип перевода как откровения.

В средневековье, когда теология и религиозные догматы играли ведущую роль в общественной жизни, перевод рассматривался как акт передачи божественного откровения. Перевод был не столько творческим процессом, сколько актом воссоздания священных текстов с максимальной точностью и верностью оригиналу. Важнейшей задачей переводчика было сохранение «святости» текста и точности в передаче божественного послания. Это означало, что любые изменения в форме текста воспринимались как греховные и недопустимые. Переводчик здесь становился не автором, а посредником между божественным источником и человеческим пониманием. Такой подход также подчёркивал необходимость перевода как канала для получения истинного знания, где любые отклонения от оригинала могли привести к искажению божественного замысла.

2. Схоластическое мышление – прототип перевода как буквальной передачи формы.

С развитием схоластики в Средние века и раннем Новом времени перевод приобрёл новый акцент: теперь важнейшим становилось не только сохранение божественного послания, но и точность в передаче формы текста. Схоластическое мышление, основанное на строгом логическом анализе, требовало от переводчика предельной точности в выражении мысли. Буквальность стала важнейшим принципом, поскольку считалось, что лишь буквальное следование оригиналу обеспечит правильность перевода. Перевод в этот период рассматривался как процесс, где каждый элемент текста должен был быть точно перенесён с одного языка на другой, без изменений структуры и формы.

3. Рационалистическое мышление – прототип перевода как логически выверенного эквивалента.

В эпоху рационализма XVII–XVIII веков акцент на точности был дополнен логической выверенностью перевода. Прототип перевода как логически выверенного эквивалента предполагает, что переводчик должен не только точно передавать смысл, но и обеспечивать логическую последовательность и ясность текста на целевом языке. В этот период перевод рассматривался как процесс, в котором необходимо обеспечивать соответствие оригинала и перевода на уровне структуры и логики. Прототип перевода как логически выверенного эквивалента также подразумевает, что переводчик должен быть специалистом не только в сфере языка, но также и в области логики и философии.

4. Просветительское мышление – прототип перевода как инструмента цивилизации и нормализации.

В XVIII веке, в эпоху Просвещения, перевод стал рассматриваться как важный инструмент распространения знаний и идей. Переводчики того времени видели свою задачу в том, чтобы цивилизовать и просвещать общества, распространяя научные, философские и социальные идеи. Перевод рассматривался как важный инструмент социальной и культурной нормализации, где задачи точности уступали место более широким культурным и образовательным целям. Переводчик становился посредником не только между языками, но и между культурами, играя роль «мостика» между различными мировоззрениями. Важнейшим аспектом здесь было не столько буквальное соответствие оригиналу, сколько адаптация текста для новой аудитории, чтобы сделать знания доступными и понятными для широкой публики.

5. Романтическое мышление – прототип перевода как творческого акта.

В эпоху романтизма (конец XVIII – начало XIX века) перевод стал рассматриваться как творческий процесс, в котором переводчик обретал независимость от оригинала. Это был период, когда важность индивидуальной интерпретации и субъективности мыслителя стала преобладать над точностью и буквальностью. Романтическое мышление акцентировало внимание на роли переводчика как творца, который может привнести собственный стиль и эмоции в текст. В этом контексте переводчик не ограничивался простым воспроизведением оригинала, а стремился к передаче его духа, настроения и эстетической ценности. Прототип перевода как творческого акта позволял переводчику быть более гибким в своей практике, подстраивая текст под культурные и языковые особенности целевой аудитории.

6. Научное мышление – прототип перевода как точной и функциональной передачи.

С развитием науки в XIX веке акцент на точности и систематичности перевода усилился. Прототип перевода как точной и функциональной передачи стал характерен для перевода научных и технических текстов. Переводчик в этом случае не стремился к художественному воссозданию, а ориентировался на функциональную эквивалентность, обеспечивая точную передачу терминов и научных понятий. Задача заключалась в том, чтобы перевести материал таким образом, чтобы он оставался понятным и применимым в контексте другой научной

или технической традиции. Этот подход подчеркивает прагматичную сторону перевода, где главной целью является передача информации с минимальными искажениями.

7. Постмодернистское мышление – прототип перевода как деконструкции.

С конца XX века, в эпоху постмодернизма, перевод стал рассматриваться как акт деконструкции, где переводчик занимает активную позицию не только в передаче смысла, но и в разрушении и трансформации оригинала. В этом контексте прототип перевода как деконструкции акцентирует внимание на нестабильности смыслов, их многозначности и субъективности восприятия. Перевод становится способом разоблачения скрытых смыслов, критики авторитетов и традиций. Переводчик уже не является лишь посредником, но и активным участником в создании нового смысла, внося в текст элементы личной интерпретации и даже разрушая его исходную структуру.

Таким образом, рассмотрение когнитивных прототипов перевода на протяжении истории позволяет выявить, как менялись представления о переводе в зависимости от культурных и философских контекстов. Каждый из прототипов отражает ключевые ценности и мировоззрения своей эпохи: от сакрального и буквального подхода средневековья до творческого и деконструктивистского подходов постмодернизма. Эти изменения показывают, как перевод был не только средством коммуникации, но и активно формировал культурные и интеллектуальные представления. Важно подчеркнуть, что каждый из этих прототипов не претендует на универсальность, а лишь отражает исторический контекст и задачи, стоявшие перед обществом в тот или иной период. В этом смысле когнитивные прототипы служат ценным инструментом для понимания эволюции переводческой практики и роли переводчика в изменяющемся мире.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 605 с.
2. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сad, 1994. – 408 с.
3. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. –University of Chicago Press, 1987. – 648 p.

4. Rosch E. Cognitive representations of semantic categories. Journal of Experimental Psychology: General, 104 (3), 1975. – P. 192–233.

УДК 81`42

И. Н. Пинегина

(Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева (ИЭУП))

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ПЕРСОНАЖА-МАФИОЗИ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ И ИХ РОЛЬ
В СОЗДАНИИ КИНООБРАЗА
(на материале сериала «Клан Сопрано»)**

Статья посвящена исследованию лексических особенностей, служащих для создания образа главаря мафии сериала «Клан Сопрано» – Тони Сопрано. Проводится анализ заимствований, жаргонных и сленговых выражений, а также обценной лексики, используемых главным персонажем.

Ключевые слова: лингвистика текста, кинодискурс, кинообраз, мафия, лексические особенности, заимствования, жаргон, сленг.

**LEXICAL FEATURES OF THE SPEECH OF THE MAFIA CHARACTER
IN THE ENGLISH-LANGUAGE FILM DISCOURSE
AND THEIR ROLE IN CREATING THE FILM IMAGE
(based on the TV series “The Sopranos”)**

The article is devoted to the study of linguistic means used to create the image of the mafia boss Tony Soprano in the TV series “The Sopranos”. The analysis of borrowings, jargon and slang expressions, as well as obscene vocabulary used by the main character is carried out.

Keywords: text linguistics, film discourse, film image, mafia, lexical features, borrowings, jargon, slang.

Кинематограф, как вид искусства, является неотъемлемой частью жизни общества, оказывая влияние на культурные, социальные и эмоциональные аспекты жизни людей. Безусловно, фильмы и сериалы способны отражать реалии жизни, поднимать важные вопросы, формировать общественное мнение, менять восприятие мира и объединять людей. Кино оказывает влияние на зрителя целостностью сло-

весно-визуального оформления. Кинотекст, как одна из важнейших особенностей произведений кинематографа, является выразительным проявлением мировоззрения.

В лингвистике исследования языка кино принято осуществлять в контексте кинодискурса, где вербальный компонент анализируется вместе с невербальными составляющими – аудиовизуальными средствами фильма и другими экстралингвистическими факторами [Зарецкая, 2012: 32].

При изучении кинообраза принципиальное значение имеют языковые средства, использованные для его воплощения. В данной статье проводится анализ лексических особенностей речи главного персонажа и главаря мафии англоязычного сериала «Клан Сопрано» – Тони Сопрано.

«Клан Сопрано» относится к жанру криминальной драмы с элементами черной трагикомедии. Неоднократно отмечалось, что данный сериал многослоен, где лишь один из сюжетно-смысловых уровней посвящен криминальной теме. На самом же деле «Клан Сопрано» представляет собой не просто драму о гангстерах и насилии, это также история о кризисе среднего возраста, о деградации американских и семейных ценностей, о ментальном и физическом здоровье, о верности и предательстве, о трудностях национальной интеграции, о борьбе с внутренними демонами и проблемах взаимоотношений между людьми. Сюжет сериала разворачивается вокруг главного персонажа – Тони Сопрано, выходца из итало-американской семьи, босса мафиозной семьи из Нью-Джерси, и повествует о его жизни, в которой переплетаются семейные конфликты и дела мафии. Стремясь сохранить влияние над своей преступной империей, он пребывает в состоянии тревоги и панических атак, вызванных постоянным стрессом и напряжением от двойной жизни.

Речь гангстеров в голливудских фильмах примечательна для жанра в целом. Обильное включение жаргонизмов и сленговых выражений, а также вернакуляра в кинотекст придает завершенность образу, а использование нецензурной лексики и угроз помогает достичь вербальной агрессии и словесного насилия.

Жаргонные выражения выступают, своего рода, атрибутом речи мафии [Kozloff, 2000: 205]. Кроме того, жаргонизмы имеют функцию конспиративной коммуникации. Считается, что жаргонизмы представляют собой, так называемую, «зашифрованную речь» [Швейцер, 1963: 158].

Еще одна немаловажная категория речи гангстеров в фильме – сленг [Parini, 2016: 89]. Сленг также характеризуется социальной ограниченностью, но не определенной групповой, как в случае с жаргонизмами, а интегрированной: он не имеет четкой социально-профессиональной ориентации, его могут использовать представители разных статусов.

Кинотекст сериала «Клан Сопрано» представляет собой сложный комплекс итальянских заимствований, различных диалектов, видов жаргона, сленга и обценной лексики. Сочетание данных лексических единиц, в общем и целом, отражает образ жизни и культуру итало-американской мафии. Рассмотрим некоторые из них.

Восклицание *“Oh, Madonna”* в сериале обладает яркой эмоциональной окраской. Данное заимствование от итальянского *“Madonna”* означает «госпожа» и нередко ассоциируется с католической верой и итальянской культурой. Использование данного выражения подчеркивает итальянские корни персонажа. Данное восклицание используется персонажем во время испытывания сильных эмоций, таких как удивление, восхищение или раздражение. Все это помогает продемонстрировать, что герой ведет жизнь, полную страстей и конфликтов, что является типичным для мафиозной среды.

Нельзя не выделить заимствования, являющиеся также единицами жаргона для обозначения иерархических отношений внутри мафии, среди которых *“Don”* (босс), *“Consigliere”* (консильеры, советник) и *“Capo”* (капитан). В речи Тони Сопрано и других героев они встречаются в своем первоизданном виде – на итальянском языке, что говорит о сакральных чувствах, испытываемых членами итало-американской мафии к их исторической родине. По отношению к чересчур болтливым «коллегам по цеху», Тони не раз высказывает недовольство, называя их *“cagherone”* (итал. *chiacchierone* – болтливый): *“He’s my friend, but Jesus, what a f***** cagherone.”*

Одной из наиболее значимых особенностей речи Тони Сопрано является использование мафиозного жаргона, целью которого всегда было служить, своего рода, отвлекающим маневром от представителей законопорядка и прослушки телефонов. Неудивительно, что слово «мафия» упоминается во всем сериале всего пару раз. Вместо этого все, включая и главного героя, используют *“this thing of ours”*, зашифровывая под этим «делишки мафии». Говоря об источниках дохода, Тони

Сопрано упоминает, что занимается «утилизацией отходов», употребляя *“a waste management consultant”*.

Члены преступной группировки, связанные клятвой верности мафии, называют свою организацию *“family”*, а друг друга *“friends of ours”*. Однако, чтобы стать полноправной частью «семьи», будущий гангстер должен пройти обряд посвящения и поклясться в верности, став, так называемым *“a made man”*: *“Family comes before anything else. You’re a made man now.”* К чужакам же относятся с недоверием и скептицизмом: *“Friend of a friend, not friends of ours.”*

Однако вакантные места для вступления в «семью» бывают не всегда. *“The books are closed”*, употребляемое Тони Сопрано в одном из диалогов, используется, конечно же, не в прямом значении, где книга – произведение печати, а для указания, что новички не принимаются.

Можно заметить, что часто в речи Сопрано используется жаргонизм *“mobster”*, или сокращенно *“mob”*, обозначающий человека, занимающегося незаконной преступной деятельностью.

Для обсуждения текущих моментов, «семья» собирается на *“a sit-down”*, являющееся, своего рода, «сходкой», «встречей» или «переговорами», где обсуждаются споры между членами организации, а босс принимает решение, обязательное для исполнения. Подобное собрание может проходить как в кругу «семьи», так и с представителями других организаций.

Важной частью любой «сходки» является обсуждение прибыли. В целях шифрования, Тони Сопрано, как и другие члены «семьи», использует *“a box of ziti”*, где одна коробка зити (разновидность итальянских макаронных изделий) эквивалентна 1000 долларов.

Тони Сопрано, как и многие члены мафии, любит проводить время не только с семьей, но и с другими женщинами – *“a goomah”*, используемое для обозначения девушки, состоящей в любовных отношениях с женатым мафиози: *“Used to be the men would take out their wives on Fridays and their goomahs on Saturdays.”*

Главный герой на пути становления боссом «семьи» встречается с множеством предателей, которые «переобувшись» (*“flip”*) стали информаторами ФБР: *“What if Carlo flipped?”* Предателей и стукачей, ставших осведомителями органов спецслужб, главный герой называет *“the rat”* и *“the wire”*, где последнее свидетельствует о прослушке через проводной нательный микрофон: *“The rat...it’s f***** Jimmy!”* В сериале используются различные жаргонизмы для выражения лишения жизни

персонажей, ставших предателями и стукачами. Среди них “*wratch*”, “*hit*”, “*clip*”, “*pop*”, “*wet*” и др.: “*You’re thinking I clipped your uncle.*”

Сленговые выражения в «Клан Сопрано», чаще всего, имеют заимствованный из итальянского языка, но «американизированный» по звучанию характер. Так, например, довольно часто в речи Тони и других мафиози встречается выражение “*oogatz*”, являющееся примером обценной лексики в итальянском языке. Данной выражение довольно часто используется итало-американцами в значении «ничего»: “*Oogatz fair, they don’t give a s*** about fair.*” Также нередко используется сленговое выражение “*oobatz*” в значении «сумасшедший, бешеный»: “*He looked at me like a I was a f***** oobatz.*” Кроме того, Тони использует выражение “*baccalà*” в значении «дурачок, идиот»: “*I thought you were a baccalà man, Uncle Jun.*”

Наряду с жаргонными и сленговыми выражениями, речь Тони Сопрано насыщена различного рода обценной лексикой, например, f***, sh*** и их вариации, как уже было упомянуто выше. Кроме того, встречаются и итальянские нецензурные выражения. Так, например, в разговоре с представителем ФБР Тони использует фразу “*Ti faccio un c*lo così*”, означающее «Я надеру тебе з***». Произнося данную фразу, Сопрано делает определенный жест руками, показывая указательными пальцами вниз, что считается вульгарным и оскорбительным в Италии, в том числе и среди итало-американцев. Следует также упомянуть и выражение “*Va fa Napoli*”, что дословно переводится как «отправляйся в Неаполь», однако в некоторых итальянских диалектах имеет значение «Пошел к черту!»

Помимо этого, главный герой часто использует в своей речи итальянское нецензурное выражение “*vafangool*”, заимствованное из итальянского (vaffanc*lo) и американизированное, имеющее значение «иди ты на***».

Чтобы показать негативное отношение к афроамериканцам, герой использует различного рода расистские выражения по отношению к ним, среди которых заимствованное из итальянского и американизированное “*mulignan*” (melanzana), которое дословно переводится как «баклажан».

Нельзя не отметить то, что в «Клан Сопрано» еда играет существенную роль не только как элемент быта, но и как культурный символ. Еда в сериале служит, своего рода, связующим элементом между обществом мафии, семьей и традициями. Герои нередко собираются за столом, что подчеркивает ценность совместного приема пищи как

части итальянской культуры. В сериале мы не раз слышим упоминание главным героем “cannoli”, “gabagool”, “mozzarella”, “ricotta” и “ziti”, что добавляет большей аутентичности и является важным компонентом нарратива.

Таким образом, заимствования, жаргонные и сленговые выражения, а также обценная лексика в сериале «Клан Сопрано» играют ключевую роль в создании многогранного образа мафиози. Они не только создают определенную атмосферу, но и раскрывают внутренний мир главного героя. Речь Тони Сопрано отражает как его социальный статус, так и личностные качества. Совмещение разговорной лексики с элементами выразительности позволяет продемонстрировать криминальную и культурную реальность жизни мафиози, обременённую своими традициями и моральными дилеммами.

Литература

1. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Монография. – Челябинск: Абрис, 2012. – 192 с.
2. Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. – М.: Высшая школа, 1963. – 202 с.
3. Kozloff S. Overhearing film dialogue. – University of California Press, 2000. – 335 p.
4. Parini I. “You got out of line, you got whacked”: slang in Hollywood mafia movies and Italian dubbing. – URL: https://www.academia.edu/18528901/_You_got_out_of_line_you_got_whacked_slang_in_Hollywood_mafia_movies_and_Italian_dubbing (дата обращения 11.03.2025)

УДК 372.881.111.1

Н. Г. Пирогова

(Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет)

АСИНХРОННЫЕ КУРСЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются особенности внедрения асинхронных курсов английского языка в университете. Исследование показало как преимущества, так и проблемы реализации асинхронных курсов по иностранному

языку в высших учебных заведениях. В работе даются рекомендации по оптимальной разработке и проведению курсов.

Ключевые слова: асинхронное обучение, английский язык, высшее образование, онлайн курс, образовательные технологии.

ASYNCHRONOUS ENGLISH LANGUAGE COURSES IN HIGHER EDUCATION: IMPLEMENTATION, PROBLEMS AND STUDENT LEARNING OUTCOMES

The article deals with the peculiarities of implementing asynchronous English language courses at the university. The study shows both advantages and problems of implementing asynchronous foreign language courses in higher education institutions. The paper gives recommendations on the optimal design and implementation of the courses.

Keywords: asynchronous learning, English language, higher education, online course, educational technology.

Стремительное развитие образовательных технологий и растущий спрос на гибкие варианты обучения привели к тому, что университеты в России стали внедрять асинхронные курсы английского языка. Эта тенденция стала распространенной в последнее время, что потребовало более глубокого понимания эффективных методик преподавания языка в режиме онлайн.

Исследования некоторых авторов продемонстрировали различную степень эффективности асинхронных языковых курсов. Работы О. Н. Анюшенковой и Л. С. Есиной показывают, что успешное внедрение в значительной степени зависит от дизайна курса, используемой образовательной платформы и систем поддержки студентов [Анюшенкова, 2024: 12–15; Есина, 2023: 47–50]. Основные выводы свидетельствуют о том, что интерактивные платформы представления контента повышают вовлеченность студентов. Регулярные механизмы обратной связи имеют решающее значение для развития языковых навыков обучающихся, а самостоятельное обучение позволяет индивидуально подходить к совершенствованию умений [Пирогова, 2024]. Важно отметить, что цифровые инструменты должны поддерживать все четыре языковых навыка (чтение, письмо, говорение, аудирование).

В проведенном исследовании использовался смешанный метод, в рамках которого были проанализированы количественные данные,

полученные из показателей успеваемости студентов. Также была дана оценка эффективности использования электронной платформы для организации асинхронного обучения.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов. Модульная структура асинхронного курса по содержанию оказалась наиболее эффективной для студентов. Студенты осваивали один модуль за месяц, с сентября по декабрь 2024 г. студенты прошли 4 модуля по дисциплине «Иностранный язык». Мультимедийные ресурсы, используемые в асинхронном курсе, к примеру, подкасты, видео-презентации, улучшили усвоение английского языка.

Регулярные контрольные точки оценки поддерживали прогресс студентов на протяжении всего курса обучения. При этом автоматизированные системы обратной связи, используемые в ЭИОС (Электронной информационно-образовательной системе), в которой размещен курс, дополняли работу преподавателей иностранного языка.

Результаты исследования показали, что более высокие показатели по окончании асинхронного курса обучения коррелировали с интерактивным контентом. Возможности взаимодействия со сверстниками в ходе прохождения курса были положительно оценены самими обучающимися.

Тем менее при организации асинхронного обучения, преподавателю необходимо учитывать важные технические моменты. Во-первых, надежность платформы, на которой размещен асинхронный курс обучения по английскому языку, напрямую влияет на удовлетворенность студентов. Во-вторых, доступность мобильных устройств повышает уровень вовлеченности студентов. В-третьих, интеграция асинхронного курса с существующими университетскими системами имеет важное значение.

В процессе реализации асинхронных курсов педагогам английского языка важно учитывать возможные трудности, такие как обеспечение академической честности, необходимость постоянной поддержки обучающихся, что может сказаться на увеличении нагрузки преподавателя.

Практический опыт показывает, что создание возможностей для совместного обучения, установка регулярного мониторинга успеваемости студентов, использование адаптивных технологий помогает сделать асинхронный курс более эффективным и мотивировать обучающихся к самостоятельной работе по английскому языку.

Подводя итоги, отметим, что при правильной реализации асинхронные курсы английского языка являются достойной альтернативой традиционному обучению в аудитории. Успех зависит от продуманного дизайна курса, выбора соответствующей технологии и комплексной системы поддержки студентов. Будущие исследования могут быть направлены на развитие навыков разговорной речи и расширение возможностей автоматизированной оценки при организации асинхронного обучения.

Литература

1. *Анюшенкова О. Н.* Совершенствование речевых навыков на иностранном языке: возможности асинхронной интерактивной системы обучения / О. Н. Анюшенкова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 12–15.
2. *Есина Л. С.* Синхронное и асинхронное онлайн-обучение иностранному языку / Л. С. Есина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № S1. – С. 47–50.
3. *Пирогова Н. Г.* Проблемы оценивания студентов при обучении иностранному языку в онлайн формате / Н. Г. Пирогова // Теоретико-практические аспекты обучения иностранным языкам в неязыковых вузах: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 31 января 2024 года. – Пермь: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2024. – С. 207–214.

УДК 81'27

Е. А. Погорелая

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

СОВРЕМЕННАЯ ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

В статье рассматривается проблема трансформации классической модели языковой личности в коммуникативном интернет-пространстве; описываются факторы влияния на репрезентацию человека как цифровой личности; выявляются коннотативные смыслы феномена цифровой личности; оцениваются лингвистические параметры гипертекстового пространства.

Ключевые слова: гипертекст, идентификация, интернет-пространство, цифровая личность, цифровая культура, цифровая трансформация, языковая личность.

MODERN DIGITAL CULTURE AND LINGUISTIC PERSONALITY

The article examines the problem of transformation of the classical model of linguistic personality in the communicative Internet space; describes the factors influencing the representation of a person as a digital personality; identifies the connotative meanings of the phenomenon of digital personality; evaluates the linguistic parameters of the hypertext space.

Keywords: hypertext, identification, Internet space, digital personality, digital culture, digital transformation, linguistic personality.

Проблема реализации в тексте тех или иных аспектов личности традиционно привлекала внимание исследователей уже в классическом языкознании, о чём свидетельствует функционирование таких сложных концептов, как *образ автора, авторское «Я», идеостиль автора, речевой портрет*, каждый из которых стал со временем приобретать несколько размытое, но всё же близкое к терминологическому значение.

Традиционные представления о том, как личность отражается в создаваемых ею текстах, были унифицированы в учении академика Ю. Н. Караулова, разработавшего теорию языковой личности в русской картине мира, хотя сам концепт «языковая личность» и без терминологического определения был ранее уже использован в работах академика В. В. Виноградова.

Широкое распространение данного концепта в трудах отечественных языковедов приходится на 80 гг. XX века, но на рубеже столетий он приобретает уже *целый ряд новых коннотативных смыслов*, которые обусловлены, с одной стороны, факторами закрепления в науке о языке антропоцентрической парадигмы, концентрирующей внимание исследователей языка на личности говорящего, а с другой, процесс синергичного взаимодействия лингвистики с другими дисциплинами гуманитарного цикла предопределил новый аспект рассмотрения языка в целом и основных свойств её категорий. Такой методологический сдвиг в науке о языке обусловил новые акценты в рассмотрении концепта «языковая личность»: выступая базовой

лингвистической категорией, постепенно стала приобретать черты *междисциплинарной категории*. Вот почему становятся возможными своеобразные «надстройки», которые проявляются в появлении новых сложных концептов, получивших признаки дополнительной коннотации. Так появляется дискурсивная личность, коммуникативная, социологическая, переводческая, музыкальная, искусствоведческая и, наконец, цифровая.

Что же представляет собой феномен новой *цифровой (виртуальной) личности*?!

Как известно, среда в любом её измерении (культурная, социальная, коммуникативная и т. д.) всегда выступала мощным фактором, *объективно* определяющим поведение человека, его адаптацию к новой реальности своего функционирования. С другой стороны, не менее важным выступает *субъективный* фактор, отражающий способность личности формировать информационную среду своего комфортного существования. *Сочетание этих объективных и субъективных параметров неизбежно влечёт формирование новых алгоритмов самореализации личности, получившей возможность проявлять себя, доказывая свою состоятельность в качественно новом цифровом пространстве.*

Принципиально важно понимать, что идентификация участников речевой коммуникации в этом коммуникативно и технологически ином пространстве традиционно происходит только через создаваемый текст. При этом следует подчеркнуть, что виртуальная реальность диктует свои правила коммуникативного поведения цифровой личности, требует формирования особых стратегических и тактических вариантов выстраивания своих взаимоотношений с другими участниками коммуникации, накладывает особый отпечаток на этикетные, ценностные и нравственные нормы языкового поведения личности в пространстве интернет-культуры.

Современная тенденция максимально мимикрировать в кардинально новых условиях общения, отказываясь от естественной самоидентификации, уже не требует от цифровой личности освоения норм литературного языка, правильного их соблюдения, важности сохранения риторического и стилистического канона. Главной ценностью в процессе создания текста становится возможность *быть услышанным в цифровом информационном пространстве независимо от речевой формы своей самопрезентации*. В результате меняется ментальное

состояние личности, а значит, и язык создаваемых ею текстов, нередко до крайности креализованных. В них, как правило, и можно наблюдать основную тенденцию цифровой культуры – создавать новые виды коммуникации, отражающие возможности языковой личности адаптироваться к технологически и коммуникационно новой среде, новому состоянию языковой культуры общества в эпоху цифровой трансформации. Эта новая тенденция проявляется в своеобразной надстройке над целостностью семантического поля языка цифровой личности, оказавшейся в мире новых формулировок и культурных смыслов, точнее, в мире симулякров виртуальной реальности.

Специфическая форма функционирования языковой личности в цифровом пространстве позволяет ей реализовать в этом коммуникационно и технологически заданном формате особые этические и нравственные ценности, которые меняют уровни структуры самой личности, нормы пространственной и временной организации её речи, стимулируют возможность конструирования множества личных идентичностей. Эти возможности ведут к деформации языкового сознания личности, для которой становится важным формировать свой или активно принимать чужой *интернет-словарь*, статус которого в последнее время существенно расширяется уже до особой формы, так называемого *веб-языка*.

Отдельные специалисты, исследуя эту форму существования языка, утверждают, что длительное пребывание в виртуальной среде может привести цифровую личность к определённой степени мутации её сознания, она может дезадаптироваться в социуме, потеряв возможность адекватного видения всей полноты картины реального мира.

Культивируя признание таких слотов во фрейме сложного концепта, *цифровая личность*, как «я чувствую своё одиночество, меня не удовлетворяет возможность самовыражения в реальном мире» или «я гениален» и т. д., цифровая личность, по сути дела, ищет психологической безопасности в мире виртуальной коммуникативной среды. Однако иллюзия о возможности абсолютного управления впечатлением о себе других, активная сетевая аккультурация лишь деформирует речевые способности личности, которая уже не всегда может выйти за рамки специфики виртуального общения в процессе реального взаимодействия. Доказано, что игнорирование заглавных букв, знаков препинания, незнание правил орфографии и пунктуации, неправиль-

ного структурирования предложений, стилистических тонкостей синтаксиса письменной речи, а также многочисленные компьютерные жаргонизмы, технический сленг, общенная лексика, бессистемные англоязычные вкрапления, преобладание паратаксиса над гипотаксисом, нарушение синтаксической и стилистической связности предложений ведут к повествовательному хаосу. Паралингвистические элементы в форме буквенных и цветовых выделений, графических символов, смайликов и т. д. лишь увеличивают степень смысловой хаотизации создаваемых текстов.

Желание быть своим, быть услышанным в любом жанре создаваемого текста в разнообразных формах соцсетей ведёт к изменению личностной идентификации по разным основаниям, что постепенно завершается формированием *полиидентичной цифровой личности*, для которой уже не существует границ не только языкового, но и морально-нравственного императива.

Коммуникативные процессы нового типа, формирующиеся под влиянием цифровых технологий в современном информационном пространстве, можно осознать в полном объёме лишь привлекая результаты исследований целого ряда гуманитарных областей – филологии, психологии, культурологии, лингвистики. Только благодаря их синергетическому комплексу становится возможным понять особенности современных коммуникативных процессов в виртуальной цифровой среде, предоставляющей неограниченные возможности цифровой личности, тексты которой становятся *гипертекстом с нелинейной структурой*. Это особый вид дискурса, который обладает свойствами и устного, и письменного дискурса, главные признаки которого – дистантность, опосредованность, открытость, вариативность.

Обобщая исследования ряда современных лингвистов по проблеме коммуникации в цифровом пространстве (подробнее см., к примеру, работы Н. Н. Казновой [1], И. В. Курьяновой [2], Ю. А. Гусаковой [2], О. В. Лутовиновой [3], Д. А. Поповой [4] и др.), можно констатировать, что гипертекст представляют собой особую форму семантической организации высказывания, в котором литературные речевые образцы свободно сочетаются с обилием элементов разговорно-бытового характера. Я-концепция, необходимая цифровой личности для самопрезентации и самоидентификации реализуется в её ценностной картине мира, отражённой с помощью лингвистических и паралинг-

вистических средств коммуникации. Коммуникативное пространство цифровой личности, как правило, существенно отличается от реального, потому что общий фон виртуальной коммуникации задаётся организацией гипертекста, а цели и ценности предопределяют его виртуальная структура. В результате рождается так называемая «третичная» социализация, маскирующая реальную языковую личность и её коммуникативное поведение. Ник, ориджин, блог, страница, аватар – всё это формальные средства самопрезентации цифровой личности, позволяющие ей экспериментировать не только с жанрами «устно-письменной» разновидности речи, но и задавать вектор интерпретации своей личной идентичности, превращая её в полиидентичность.

Реалии цифровой глобализации меняют сложнейший узор современного информационного пространства, в который вовлечены представители разных национальных культур, обеспечивающих участников виртуального мира многочисленными образцами новых коммуникативных и ценностных смыслов. Именно поэтому в рамках интернет-общения происходит гибридизация норм общения, смешения форм и видов коммуникации, которая, по сути дела, стала *трансграничной, что в значительной степени нивелирует национально-культурный компонент процесса межкультурного взаимодействия.*

Многоплановость экспликаций языковой личности в современной науке о языке свидетельствует о растущем влиянии цифровых технологий на язык как социально-коммуникативную систему, так и её носителя – языковую личность, ментальный портрет которой под таким мощным воздействием заметно меняется. Как показывает практика, в современном мире сложился определённый стереотип цифровой личности, базовым компонентом самопрезентации которой под влиянием фактора *свободы самореализации* выступает максимальная степень обезличивания, нивелирующая личную идентификацию.

Двойственный процесс модификации цифровой языковой личности состоит не только в изменении границ её идентичности, он охватывает каждый из её структурных уровней: так, уже на *вербально-семантическом уровне*, на котором, как известно, личность овладевает основами языковой системы родного языка, практически начинается разрушение привычных системно-структурных связей, и происходит это за счёт появления новых ассоциативных связей между образом слова и его значением, закреплённом в практике реальной коммуни-

кации. У целых групп слов, функционирующих в цифровой культуре общения, формируются своеобразные *семантические надстройки*, что продиктовано технологически-обусловленными смыслами, отражающими элементы общепринятой практики в социальном и культурном контексте цифровой коммуникации.

Лингвокогнитивный и прагматический цифровой уровни в структуре языковой личности также меняются и зависят от концептуальной и языковой картины мира личности, реализующей свои мотивы и цели в новом коммуникативном сообществе.

Завершая свои рассуждения о состоянии современной цифровой культуры, необходимо констатировать, что специфический формат репрезентации говорящего как цифровой личности является отражением качественно иного уровня её функционирования в современном информационном интернет-пространстве. Особенности процесса адаптации языковой личности к технологически новой платформе цифровой коммуникации создаёт для специалистов дискуссионное поле, в рамках которого важно решать многочисленные проблемы, связанные с реализацией потенциальных возможностей цифровой личности в новых условиях дальнейшего технологического развития современного общества.

Наконец, уже сегодня лингвистам важно осознавать, что смена парадигмы коммуникативной стратегии поведения личности в цифровом пространстве предполагает детальное рассмотрение жанровой специфики создаваемых текстов, образующих многоуровневое гипертекстовое пространство, для осознания тонкостей которого нужны не только новые коммуникативные компетенции в форме компьютерного сленга, но и иные языковые средства для полноценной, но специфической самопрезентации личности в цифровом интернет-пространстве. Универсальная тенденция быть услышанным в любой форме, как представляется, ещё долго будет определять вектор языкового совершенствования современной цифровой культуры, позитивный и негативный эффект воздействия которой на языковое состояние личности предстоит оценить уже в процессе новых научных исследований.

Литература

1. Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2011. – 238 с.

2. Курьянова И. В., Гусакова Ю. А. Интернет-коммуникация как особая разновидность дистантного опосредованного дискурса / И. В. Курьянова, Ю. А. Гусакова // Вестник Московского государственного лингвистического ун-та. Гуманитар. науки. – Москва, 2020. – № 9 (838). – С. 83–92.

3. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2013. – 42 с.

4. Попова Д. А. Способы репрезентации субъектности цифровой личности в жанре интернет-комментария: дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2017. – 217с.

УДК 8.80

С. С. Полежаева

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

КОНТЕНТ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В МНОГОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

Представлен обзор контента учебной литературы по русскому языку и литературе для начальной школы приднестровских организаций образования с молдавским языком обучения. Анализируется материал на предмет отражения в нем русско-молдавских (и иных) связей как показателей взаимодействия культур народов разных национальностей. Автор заключает, что русский язык как часть русской культуры выступает важным объединительным инструментом в образовательной политике полилингвистического сообщества.

Ключевые слова: учебник, хрестоматия, молдавский язык, русский язык, культура.

THE CONTENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHING MATERIAL AND LITERATURE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF INTERCULTURAL RELATIONS IN A MULTILINGUAL SOCIETY

The review of the content of educational literature on the Russian language and literature for primary schools of Pridnestrovian educational organizations with the Moldovan language of instruction is presented. The material is analyzed to reflect Russian-Moldovan (and other) ties as indicators of the interaction of

cultures of peoples of different nationalities. Russians Russian language, as a part of Russian culture, is an important unifying tool in the educational policy of the multilingual community, the author concludes.

Keywords: textbook, textbook, Moldovan language, Russian language, culture.

В многонациональном, поликультурном Приднестровье инструментом международной (межнациональной) коммуникации является русский язык. В образовательной сфере, где русский язык изучается как официальный наряду с молдавским и украинским языками, важной становится подготовка мультилингвальной, мультикультурной языковой личности. Это одна из **актуальных** задач, определенных нормативными документами в сфере просвещения республики, а также разработанными учебниками, учебными пособиями, хрестоматиями, книгами для чтения и подобной учебно-методической литературой. В ней отражаются русско-молдавские, русско-украинские связи, проявляемые в том числе в подборе текстов из произведений фольклора и художественной литературы.

Анализ интернет-ресурса «Электронная школа Приднестровья» [Электронная школа Приднестровья], предназначенного для педагогов и учащихся образовательных учреждений республики, показал, что на сегодняшний день разработана база учебной и методической литературы, комплекс дидактических материалов, в которых русскому языку отводится ведущее место как языку изучения в рамках преподавания его как родного и как одного из трех существующих в Приднестровье официальных языков (наряду с молдавским и украинским языками). Иными словами, учащиеся, изучая свой родной язык, могут свободно общаться на русском языке, постигать его лексическое богатство, вникать в суть грамматического строя, выстраивать коммуникативные ситуации по имеющимся в русском языке языковым и речевым моделям – все эти и иные лингво-прагматические установки приводятся в учебниках и учебных пособиях «в параллели»: как они проявляются в родном для учащихся языке и в русском языке. Более того, составителями учебной литературы нередко приводятся факты русской и других культур (текстовые фрагменты из фольклора, художественной литературы, иллюстрации полотен живописи, тексты музыкальных произведений и др.) – тот необходимый «багаж» фоновых знаний, которые делают человека образованным, эрудированным коммуникантом в современном мире. Все это способствует гармонич-

ному развитию языковой личности, испытывающей гордость за свою родную культуру, осознающей свою причастность к ней, а также уважительно и достойно относящейся к иным языкам и культурам.

Покажем, как изложенные мысли воплощаются в учебной литературе, активно издаваемой приднестровскими методистами-филологами: преподавателями ПГУ им. Т. Г. Шевченко и учителями школ.

Цель – проанализировать контент учебной литературы по русскому языку и литературному чтению для начальной школы (с 1-го по 4-й класс) приднестровских организаций образования с молдавским языком обучения, которые входят в фонд «Электронной школы Приднестровья», на предмет отражения в ней русско-молдавских (и иных) связей как показателей взаимодействия культур народов, проживающих на территории многонационального Приднестровья. **Гипотеза:** русский язык как часть русской культуры представляет собой инструмент, объединяющий приднестровских учащихся разных национальностей, для которых он (язык) не является родным по рождению, но изучается в школах как официальный.

Материалом исследования стал сегмент «Электронной школы Приднестровья», содержащий учебники по русскому языку, а также книги для чтения и хрестоматии, предназначенные для начальной школы организаций образования с молдавским языком обучения. Сайт был разработан специалистами ГОУ ДПО «ИРОиПК» и особенно активно использовался в период пандемии и используется в после-пандемийное время.

В учебнике *русского языка для 1-го класса* [Демченко, Штанская, 2011] представлены фрагменты текстов на русском языке, отражающие факты разных культур: по преимуществу – **русской**, а также **молдавской, французской** и др. Это строки из произведений **Ф. Тютчева, С. Михалкова, С. Маршака, А. Барто, К. Чуковского**, молдавского поэта **Г. Виеру**. Иллюстрации к **русским** сказкам «Три медведя», «Лиса и Журавль», «Кот-рыболов», «Снегурочка», «Два жадных медвежонка», «Лиса и волк», **молдавской** сказке «Андриеш», **французским** сказкам **Ш. Перро** «Красная шапочка» и «Кот в сапогах», русскому мультфильму «Ну, заяц, погоди!...». Тексты снабжены дидактическими материалами с познавательным и воспитательным значением.

В учебнике *русского языка для 4-го класса* [Демченко, Матрёницкая, 2010] отражены тексты, написанные на русском языке, повествующие о фактах, как правило, русской культуры – литературы,

науки (однако приводятся сведения и из других культур – молдавской, украинской). Они сгруппированы тематически (темы: «Наша Родина – Приднестровье!», «Здравствуй, школа!», «Спешите делать добро...», «Культура поведения и речевой этикет», «Книга – источник знаний», «Трудом славен человек», «Человек в ответе за все живое на Земле» и др.). Здесь представлены тексты о М. В. Ломоносове, Н. Н. Миклухо-Маклае, Афанасии Никитине, Христофоре Колумбе, Леонардо да Винчи и др. В дидактическом материале – комплекс лексических единиц русского языка с переводом на молдавский язык. Отражены такие имена, как **А. Пушкин, С. Аксаков, И. Соколов-Микитов, А. Дементьев** и др. Кроме того, представлены тексты о Приднестровье, написанные на русском языке приднестровскими авторами – **А. Вырвичем, В. Караджовым, Л. Кудрявцевой**.

В учебнике **для 1-го класса** [Лектury литературы, 2019] на молдавском языке представлены фрагменты текстов, отражающих факты литературы (и шире – культуры) разных народов, населяющих Приднестровье. Большая часть текстов написана молдавскими авторами на молдавском языке (**В. Александри, Л. Делеану, Г. Виеру, С. Вангели** и др.), однако широко представлены и тексты, данные в переводе. Есть в учебнике и фрагменты текстов, написанных известными русскими педагогами – **К. Д. Ушинским** («*Соареле и вынтул*» («Солнце и ветер»)) и **В. А. Сухомлинским** («*Панталоний ной*» («Новые штаны»), «*Суб раза луний*» («Как зайчик грелся при луне»)). Составители учебника представили в переводе на молдавский язык народные сказки – **русские** («*Ридикия уриашэ*» («Репка»)), **украинские** («*Пан Котофей*», «*Соаре, Жерул ши Вынтул*» («Солнце, Мороз и Ветер»)), а также отразили полный оригинальный текст **молдавской** народной сказки «*Де че н-аре урсул коадэ*» («Почему у Медведя нет хвоста»). С украинской культурой знакомятся учащиеся и на базе поэтических текстов (переведенных на молдавский язык), написанных украинскими авторами: **Т. Шевченко** («*Сателе*» («Село»)) и **Л. Украинкой** («*Унде-с вишиний ын флоаре*» («Где вишни в цвету»)).

Учебник **для 2-го класса** [Мазуряк, 2004] формирует у учащихся грамотность (лингвистическую и литературную), воспитывает гармоничную языковую личность в уважительном отношении к личностям с другими языками, отражая русскую и иные культуры посредством произведений (фрагментов произведений) из фольклора и художественной литературы. Знакомство учащихся с иными культурами происходит

через изучение текстов: **К. Ушинского** «Челе динтый разе» («Первые лучи»), **Г.-Х. Андерсена** «Крэяса зэпезий» («Снежная королева»), **Ш. Перро** «Скуфица рошие» («Красная шапочка»), **Р. Киплинг** «Картя жунглей» («Книга джунглей»), **Дж. Лондон** «Коц алб» («Белый клык»), **братья Гримм** «Фрумоаса дин пэдуря адормитэ» («Спящая красавица»).

В учебнике **для 3-го класса** [Гуцан, Гантя, 2000] представлены тексты **Л. Толстого** «Лебеделе» («Гуси-лебеди»), **К. Паустовского** «Насул бурсукулуй» («Барсучий нос»), **Дж. Родари** «Че мирос ау ме-серииле» («Чем пахнут ремесла?»). Кроме того, авторы-составители представляют сказки разных народов мира: **русская** народная сказка «Дин порунка штючий» («По шучьему велению»), **украинская** сказка «Чобэнашул» («Пастушок»), **узбекская** сказка «Ымпэратул ши бэтрынул ынцелепт» («Император и мудрый старик»), **словацкая** сказка «Повестя ку трей бэнуць» («Жизнь с тремя монетками»), **эфиопская** народная сказка «Деспре омул пе каре нимень ну-л а пугут ыншела» («Про человека, которого никто не мог обмануть»), **болгарская** сказка «Петру-истецул ши Хожя Насредин» («Хитрый Петр и Ходжа Насреддин»).

В учебнике **для 3-го класса** М. В. Мазуряк и Н. Г. Кодымской [Картя де читире, 2011] представлены в переводе на молдавский язык тексты (фрагменты текстов) **В. Жуковского** («Бэецел-дежецел» («Мальчик с пальчик»)), **А. Пушкина** («Ярна» («Зима»)), «Диминяца де ярнэ» («Зимнее утро»)), **И. Крылова** («Маймуца ши океларий» («Мартышка и очки»)), **С. Есенина** («Местякэнул» («Береза»)) и др.

В учебнике **для 4-го класса** Д. А. Габужа и П. Г. Чентолой [Картя де читире, 2011] авторы-составители продолжают развивать установку на изучение текстов, отражающих литературу разных народов, в том числе русскую. Так, представлены тексты **Е. Шварца** «Повестя деспре время пьердутэ» («Сказка о потерянном времени»), **М. Пришвина** «Урсул» («Медведь»), **П. Бажова** «Копита де аржинт» («Серебряное копытце»), **К. Паустовского** «Бэтрынул букэтар» («Старый повар»). Отражены также тексты французского писателя **Ш. Перро** «Ченушэряса» («Золушка»), итальянского писателя **Дж. Родари** «Кэ-лэтория луй Жованино Перижорно» (Путешествия Джованнино-Бездельника), датского писателя **Г.-Х. Андерсена** «Вешммынтул чел ноу ал режелуй» («Новое платье короля»).

В учебнике **для начальных классов** [Изворащ, 2005] составители предлагают учащимся молдавской школы свод произведений – тексты

фольклора и художественной литературы как молдавских авторов, так и авторов из других стран. Это **русские, болгарские, молдавские, ненецкие, литовские, армянские, кубинские** и другие сказки в переводе.

Для формирования поликультурной языковой личности учащихся организаций образования с молдавским языком обучения составители проанализированной учебной литературы предлагают учителю-филологу и учащимся разнообразные формы работы: обогащение словарного запаса, уместное использование языковых средств (лексических, грамматических), позволяющих вступать в процесс общения на родном языке в соответствии с духовно-нравственным, морально-этическим и эстетическим потенциалом национальной культуры, работу с текстом в различных аспектах. В орбиту нашего рассмотрения вошли тексты, написанные авторами разных национальностей на родном для них языке и переведенные на молдавский язык. В настоящем материале мы апеллировали именно к таким текстам (оригинальные тексты, написанные авторами на молдавском языке, могут стать заслуженным объектом внимания в дальнейших исследованиях). Полагаем, что высокий рейтинг представленности в проанализированных источниках фактов русской литературы, русских народных сказок, русских мультфильмов, иллюстраций к сказкам русских художников и др. в соотношении с фактами целого ряда иных культур ближнего и дальнего зарубежья подтверждает нашу гипотезу о важности именно русского языка как компонента мультилингвальной образовательной среды Приднестровья. Вместе с тем представляется, что целесообразно активизировать разработку и издание новых (обновленных) учебников, книг для чтения, хрестоматий с включением текстов (фрагментов текстов) из российской литературы новейшего времени, а также текстов приднестровских авторов, пишущих на молдавском языке, а также на русском языке (с переводом на молдавский язык).

В перспективе данный учебный материал может быть исследован в ракурсе выявления текстов-доминант (наиболее часто используемых), для составления рейтинга авторов текстов произведений по всей линии учебников с целью определения «лица» русской культуры и иных культур, формируемого с помощью текстов фольклора и литературы. В результате может быть составлено представление, каким видят мир (по мысли разработчиков учебной литературы) со-

временные приднестровские учащиеся младшего звена организаций образования с молдавским языком обучения.

Литература

1. Демченко Л. И., Матрёницкая Н. П. Русский язык: учебник для 4 класса организаций общего образования с молдавским языком обучения. Изд. 2-е, изд. и доп. – Тирасполь: ГОУ «ПГИРО», 2010. – 304 с.

2. Демченко Л. И., Штанская А. В. Русский язык. Устный курс. Учебник для 1 класса организаций общего образования с молдавским языком обучения. Изд. 2-е, изд. и доп. – Тирасполь: ГОУ «ПГИРО», 2011. – 120 с.

3. Гуцан Е. П., Гантя И. С. Карте де читире: мануал пентру класа а III-я. – Тираспол, ИСПК, 2000. – 200 паж. (Книга для чтения: для учащихся 3 класса на молдавском языке).

4. Изворах: Крестоматие пентру класеле примаре / Алкэтуиторь: Чесмортан С. М., Габужа Д. А. – Едиция II. – Тираспол, ИСПК, 2005. – 464 паж. (Родничок: Хрестоматия для начальных классов)

5. Карте де читире: Мануал пентру класа а 3-я / Ауторь-алк. Мазуряк М. В., Кодымская Н. Г. – Тираспол, ИСНДЫ, 2011. – 272 паж. (Книга для чтения: учебник для учащихся 3 класса организаций образования с молдавским языком обучения).

6. Карте де читире: Мануал пентру класа а 4-а / Ауторь-алк. Габужа Д. А., Чентолой П. Г. – Тираспол, ИСНДЫ, 2011. – 288 паж. (Книга для чтения: учебник для учащихся 4 класса организаций образования с молдавским языком обучения).

7. Лектурь литераре: Мануал пентру класа 1 а школилор де културэ жeneralэ / Аут.-алк.: Е. К. Опря, В. В. Улитко, Л. М. Кулибаба, Т. А. Сайдакова. – Тираспол: ИСЫ ЫПС «ИДЫ ши ПК», 2019. – 188 паж. (Учебник для учащихся 1 класса общеобразовательных школ).

8. Мазуряк М. В. Картя де читире: Мануал пентру класа а 2-а. – Тираспол, ИСПК, 2004. – 272 паж. (Книга для чтения: учебник для учащихся 2 класса на молдавском языке).

9. Электронная школа Приднестровья. – Режим доступа: <https://edu.gospmr.org/course/view.php?id=19§ion=2> (дата обращения – 10.03.2025)

В. Ф. Попова

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ВИДЫ УПРАЖНЕНИЙ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ОБУЧЕНИИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ

Метод упражнений – это метод закрепления знаний, формирования навыков и умений правильного, устного или письменного выражения, распознавания и анализа ранее изученных грамматических понятий. В статье представлены виды упражнений, используемых при обучении, оценке числительного.

Ключевые слова: метод фиксации, письменное выражение, грамматическое понятие, числительные.

TYPES OF EXERCISES USED IN TEACHING, IN EVALUATING NUMERALS

The exercise method is a method of consolidating knowledge, forming skills and abilities of correct, oral or written expression, recognition and analysis of previously studied grammatical concepts. The article presents the types of exercises used in teaching and evaluating numerals.

Keywords: fixation method, written expression, grammatical concept, numerals.

ТИПУРЬ ДЕ ЕКЗЕРЧИЦИЙ УТИЛИЗАТЕ ЫН ПРЕДАРЯ, ЕВАЛУАРЯ НУМЕРАЛУЛУЙ

Метода екзерчициилор есте о методэ де фиксаре а куноштинцелор, де формаре а причеперилор ши деприндерилор де експримаре коректэ, оралэ сау скрисэ, де рекуноаштере ши анализэ а ноциунилор граматикале ынсушите антериор. Артиколул презинтэ типурь де екзерчиций утилизаате ын предаря, евалуаря нумералулуй.

Кувинте-кее: методэ де фиксаре, експримаре скрисэ, ноциуне граматикалэ, нумералеле.

Метода екзерчициулуй констэ ын ефектуаря репетатэ а унор сарчинь, операций, акциунь. Екзерчициул репрезинтэ о активитате атрактивэ, каре култивэ ши едуке ын ачелашь тимп експримаря оралэ

ши скрисэ. Метода екзерчициулуй есте уна дин челе класиче, еа се фолосеште май алес ын лекцииле де фиксаре ши челе де рекапитуларе. Елевийй сынт пушь ын ситуация сэ апличе регуль ши дефиниций ынвэцате ла ситуаций ной ши сэ ле утилизезе ка ындрептар ал проприей активитець. Ачастэ методэ се асочиазэ ку анализа граматикалэ ши конверсация. Вом презента унеле типурь де екзерчиций утилизате ын предаря, евалуаря нумералулуй (класа 7).

I. Екзерчиций де рекуноаштере – а рекуноаште ун фапт де лимбэ, а аплика дефиницииле, регулиле ши ноциуниле ынвэцате антериор.

а. Екзерчиций де рекуноаштере симплэ – пресупун идентификаря унуй сингур фапт де лимбэ, пе база рапортэрий луй ла куноштинцеле теоретиче ынсушите.

Де екземплу: **Рекуноаштець нумералеле дин енуңцуриле де май жос:**

1. Шапте пе унул ну-л аштяптэ. (*проверб*) 2. Патру окь вэд май бине декыт дой. Ши скургтэ ворбэ: унде ерау трей, еу ерам ал патруля. (*И.Крянгэ*) 3. Сетилэ атунч се я дупэ Харап-Алб ши порнеск туспатру ынаинте. (*И.Крянгэ*)

б. Екзерчиций де рекуноаштере ши карактеризаре – урмэреск индикаря трэсэтурилор прин каре ун фапт де лимбэ се дефинеште ка унитате сепаратэ де алте унитець.

Де екземплу: **Рекуноаштець ши карактеризаць нумералеле дин текстул урмэтор, фэкынд реферире ла асемэнэриле динтре ачестя:**

1. Онаке Кэрбуш фусесе де патру орь рэнит, де трей орь луат при-зониер ши де доуэ орь декорат. (*И. Друцэ*) 2. Акум сэ не ынтоарчем ку мулць ань ын урмэ ши сэ не кобором ын цэришоара чя ку шапте ымпэраць. (*С. Вангели*) 3. Мусафирий ау плекат дой кыте дой. (*В. Бешлягэ*)

в. Екзерчиций де рекуноаштере ши групаре – дупэ че с-а реализат идентификаря фаптелор де лимбэ, се трече ла групаря лор ын функции де анумите критерий. Ли се чере елевилор идентификаря пэрций де ворбире (нумерал) динтр-ун текст ши апой групаря ачестора ын функции де типул сау валоаря лор.

Екзерчиций де групаре

Де екземплу: **Групаць нумералеле дате ын функции де структура лор (симпле сау компусе):** трей, миллион, дойспрезече, дублу, патру-зечь ши опт, доуэ мий, де доуэ орь, ынсутит.

г. Екзерчиций де рекуноаштере ши мотиваре – а мотива ун фапт де лимбэ ынсямнэ а фолоси аргументе прин каре сэ се експличе рекуноаштере сау утилизаря ачестуя.

Де екземплу: **Идентификаць грешелиле дин текстул урмэтор ши коректаци-ле, мотивынд рэспунсул дат (нумералул).**

1. Ын класэ авем дойспрезече фете ши патруспрезече бэець. 2. Ша-сезечь де фете ау партичипат ла конкурс. 3. Аурел с-а ымбогэцит ын-миитэ.

д. Екзерчиций де рекуноаштере ши дисочиере

Ын прочесул де ынвэцаре апар конфузий ынтре фапте де лимбэ каре сямэнэ ынтре еле ши а кэрор диференциере ну есте ынтотдяуна ушор де фэкут. Феноменул се нумеште *интерференца деприндерилог*. Се фолосеск екзерчиций де релеваре а деосебирилор динтре фаптеле де лимбэ апропияте, рекургынд ла компарацие.

Де екземплу: **Идентификаць валориле морфоложиче але кувинтелор скрисе ынгрошат:**

- Ам пе масэ **ун** кает, **о** карте ши доуэ крейоане.
- **Ун** приетен мъ-а оферит **о** карте интересантэ.
- **О** елевэ вине, алта плякэ.
- **О**, яр е фриг!
- Ам вэзут-**о** ла театру.

е. Екзерчиций ку карактер креатор

Утилизаря екзерчициилор каре соличитэ интервенция персоналэ а елевулуй, ын конформитате ку експериенца де вяцэ, ку нивелул атинс дин пунктул де ведере ал комуникэрий.

Де екземплу: **Конструиць 3 енунцурь ын каре нумералул адвербиал сэ детермине ун верб, ун аджектив, ун адверб.**

ж. Екзерчиций де модификаре – а модифика дин пункт де ведере граматикал пресупуне а опера скимбэрь ын функции де черинца формулатэ ын енунц.

Де екземплу: **Трансформаць нумералеле кардинале динтре парантезе ын нумерале адвербиале.**

1. А читит лекция (1), ну де (2) орь. 2. Й-ам спус де (1000) де орь. 3. Карта ачаста есте де (10) орь май скумпэ декыт дикционарул.

з. Екзерчиций де комплетаре Е нечесар де а дескопери фаптул де лимбэ каре липсеште, де-л пропус ши де-л адаптат контекстулуй ын каре урмязэ сэ фие интродус.

Де екземплу: **Комплетаць текстул де май жос ку нумералеле потривите:**

Салут! Азь дореск сэ вэ спун кыте чева деспре вяца мя де школар. Май ынтый вяру сэ штиць кэ ам ... ань ши сынт нэскут ла дата де анул Ынвэц ын класа ... , ла шкоала Ынвэц аич де ... ань. Класа мя есте ла етажул Стау ын банка а

к. Екзерчиций де екземплификаре – констау ын илустраря унор ноциунь сау регуль прин фапте де лимбэ.

1. Екзерчиций де екземплификаре либерэ – се илустразэ ун анумит фапт де лимбэ прин еунцаря ексклусивэ а луй.

– се поате пропуне материал лингвистик: **Формулаць трей еунцурь ын каре нумералул мултипликатив «ындоит» сэ айбэ валоаре адвербиалэ, субстантивалэ ши аджективалэ.**

– фэрэ материал лингвистик пропус: **Формулаць трей еунцурь ын каре сэ авець нумерале ку функция синтактикэ де: субъект, атрибут, комплемент.**

2. Екзерчиций де екземплификаре прин аналожие – ын база унор моделе.

Де екземплу: **Стабилиць пэрциле де пропозицие, пэрциле де ворбире прин каре сынт експримате ачестя ши алкэтуиць о ноуэ пропозицие, ку ачешь структурэ ши ордине а кувинтелор:**

– Ынкэркат ынзечит а плекат ын кэлэторие ку пэринций.

л. Екзерчиций де конструкие

1. Екзерчиций де конструкие пе базэ де материал лингвистик дат – сунет, силабэ, кувинт.

Де екземплу: **Конструеште о пропозицие ын каре нумералул трей сэ айбэ о алтэ валоаре декыт чя дин текст.**

– Мержяу кыте трей.

2. Екзерчиций де конструкие ку комплетаре ын дряпта – се пропуне ун кувинт кэруя требуе де-й адэгат унул сау май мулць детерминанць.

Де екземплу: **Комплетязэ спацииле пунктате ку нумералеле кардинале уну сау дой, ын функции де контекст. Експликаць алежеря фэкутэ.**

Ам инвитат ... приетене ла зиуа мя де наштере. А дорит ... романе историче. Ау венит ... колежь ын оспецие. ... колегэ ам гэсит-о ла чинема, яр пе челелате ... ле-ам възуь ла театру. А врут ... папагаль, дар ну а примит декыт ... канар.

м. Екзерчиций де организаре ши идентификаре

Де екземплу: Ашезаць ын ордине кувинтеле дате, пентру а рефаче енуңцул инициал. Идентификаць апой нумералеле, прецизаць типул ши валоаря ачестора.

– репартизаць, дойспрезече, ын, кыте, класе. елевь, ау фост, амбеле (Кыте дойспрезече елевь ау фост репартизаць ын амбеле класе.)

н. Екзерчиций де селектаре а рэспунсулуй корект

Де екземплу:

Ын текстул: – Ам скрис поезия де доуэ орь ну о датэ.

О датэ есте: а) нумерал адвербиал б) субстантив

о. Компунериле граматикале – урмэреск ши реализязэ доуэ обьективе:

– контрибуе ла формаря ши консолидаря деприндерилов де а елабора о компунере, ку респектаря унор черинце проприй ачестуй тип де текст,

– фиксызэ анумите куноштинце граматикале.

Компунериле граматикале се практикэ нумай дупэ че елевий децин о експериенцэ лингвистикэ суфичиентэ пентру а елабора ун текст де дименсиунь вариабиле ши дупэ че ау паркурс челелалте типурь де екзерчиций, ынтрукыт компунеря граматикалэ репрезинтэ ун фел де синтезэ а лор. Е нечесар ка професорул сэ сужерезе ун субъект детерминат, ын журул кэруя сэ се организезе текстул компунерий ши сэ женерезе кыт май мулте фапте де лимбэ авуте ын ведере прин интермедиул ачелей компунерь.

Компунериле граматикале пот фи:

1. Компунерь граматикале ориентате тематик – се индикэ тема ши ноциуниле граматикале че требуе илустрате.

Де екземплу:

• Скриець о компунере деспре *о кэлэторие ын мунций Альп*, ын каре сэ фолосиць кыт май мулте нумерале.

2. Компунерь граматикале пе базэ де материал лингвистик дат – се фолосеск кувинте де сприжин че репрезинтэ фаптул де лимбэ концинут ын сарчина де елабораре.

Де екземплу: Алкэтуиць о компунере ку тема *Шкоала ноастрэ (каса ноастрэ, орашул ностру ...)*, ын каре сэ фолосешть нумералеле: доуэ, трей, доуэзечь, доуэ, примул, а доуа, амындоуэ, кыте дой, ындоит, жумэтате, трей, де доуэ орь

Резумэм, екзерчициул есте о методэ че поате фи апликатэ апроапе ла орьче лекциие, активязэ атитудиня критикэ а елевилор, пермите анализа ерорилор ши ынвэцаря де пе урма лор.

Литература

1. Гаврилов А. Пастелуриле луй Александри / А. Гаврилов. – К.: Литера, 2006. – П. 109–114.
2. Збора-Чуря М. Доза де културэ: Пастелуриле луй Василе Александри / М. Збора-Чуря. – К.: Литера, 2018.
3. Секриеру М. Дидактика лимбий литераре / М. Секриеру. – Я.: 2003.
4. Чергит И. Методе де ынвэцэмынт / И. Чергит. – Б.: Альбатрос, 1973.
5. <https://ru.scribd.com/doc/196444628/Metoda-Exercitiului>. (дата обращения: 23.01.2025).

УДК 811.133.1'38'42

В. Ф. Попова

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ЭЛЕМЕНТЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. АЛЕКСАНДРИ

Оригинальность стихотворения проявляется в его специфическом языке, разнообразном регистре фигур стиля, в проявлении лирического видения мира и жизни, наводящей на размышления, на грани необычного, невыразимого, неконвенционального. В статье освещаются процессы художественной выразительности, которые Василий Александри предпочитает в лирическом творчестве. Они демонстрируют художественный язык Александрийского творения.

Ключевые слова: художественный язык, художественная выразительность, фигуры стиля, поэтический текст.

THE ELEMENTS OF EXPRESSIVENESS OF THE POETIC TEXT IN THE WORK OF V. ALEXANDRIA

The originality of the poem is manifested in its specific language, diverse register of style figures, in the manifestation of a lyrical vision of the world and a thought-provoking life, on the verge of the unusual, inexpressible, unconventional.

The article highlights the processes of artistic expression that Vasily Aleksandri prefers in his lyrical work. They demonstrate the artistic language of Alexandrian creation.

Keywords: artistic language, artistic expression, style figures, poetic text.

ЕЛЕМЕНТЕ ДЕ ЕКСПРЕСИВИТАТЕ АЛЕ ТЕКСТУЛУЙ ПОЕТИК АЛЕКСАНДРИН

Орижиналитатя поезией се манифестэ прин лимбажул ей специфик, прин режиструл вариат ал фигурилор де стил, прин проектаря визиуний лириче деспре луме ши вяцэ ынтр-о субстанцэ сужестивэ, инедитэ, ла лимита необишнуитулуй, а инефабилулуй, а нонконвенционалулуй. Артиколул скоате ын евиденцэ прочедееле де експресивитате артистикэ пе каре ле преферэ Александри ын креация лирикэ. Еле не демонстраязэ лимбажул артистик ал креацией александриене.

Кувинте-кее: лимбаж артистик, експресивитате артистикэ, фигурь де стил, текстул поетик.

Стилул ну есте месажул. Ел есте о сумэ де проприетэць але ачестуя, сума регулилор пе база кэрора ун емицэтор алеже, комбинэ ши евентуал модификэ материалул де лимбэ диспонибил. Месажул есте спациул лингвистик, материалул каре поартэ ын сине проприетэциле аминтите. Ел конституе конкретизаря стилулуй, де унде резултэ кэ рапортул динтре ел ши стил сямэнэ ку рапортул динтре системул лимбий ши манифестаря луй конкретэ [Котяну, 2006: 370].

Креацииле литераре илустразэ стилул артистик ка стил функционал прин каре лимба есте фолоситэ ну доар пентру а трансмите информаций, чи пентру а трези эмоций естетиче. Лимбажул поетик есте лимба фолоситэ ку функции естетикэ. Лимба есте о ентитате абстрактэ, каре се реализязэ, ын функции де ымпрежурэрь, прин варианте конкрете. Лимбажул литерар есте уна дин вариантеле стилистиче але лимбий.

Вариантеле функционале але лимбий, ын опиния луй Ион Котяну, се дефинеск прин оппозиция артистик-нонартистик. Ынтр-ун фапт де лимбэ дистинжем ун сенс денотатив, ун сенс конотатив ши ун сенс фигурат. Ануме ачесте фапте де лимбэ ши формязэ принципалул механизм ал лимбажулуй поетик. Ын континуаре менционязэ: «Стилул ну есте месажул. Ел есте о сумэ де проприетэць але ачестуя, сума ре-

гулилор пе база кэрора ун емицэтор алеже, комбинэ ши евентуал модификэ материалул де лимбэ диспонибил. Месажул есте спациул лингвистик, материалул каре поартэ ын сине проприетэциле аминтите. Ел конституе конкретизаря стилулуй, де унде резултэ кэ рапортул динтре ел ши стил сямэнэ ку рапортул динтре системул лимбий ши манифестаря луй конкретэ» [Котяну, 2006: 374]

Опера литерарэ модельязэ реалитатя прин имажинь артистиче, селектынд, комбинынд, модификынд лимба пентру а комуника идея ши пентру а емоциона чититорул. Паул Валери веде ын литературэ апликаря унор проприетэць але лимбажулуй прин каре се ажунже ла мажия кувынтулуй, ку ревербераций ынтре суфлет ши лумя девенитэ объект ал рефлектэрий. Объектул поезией есте експримаря фаптелор въеций афективе ши але сенсibilitэций интелектуале. Мижлокул де експримаре ал ачестора есте лимбажул. Паул Валери менционязэ: «Поезия есте «ун каз партикулар» ал меканисмулуй май женерал де функционаре а спиритулуй, ун екзерчициу, о жиминастикэ, ун дресаж ал интелектулуй ын лупта са ку лимбажул. Поетул каре ынмулцеште фигуриле де стил ну фаче декыт сэ регэска ын ел лимбажул ын старе нэскындэ» [URL: <https://ru.scribd.com/doc/212851513/Paul-Valery6>. (дата обращения: 21.02.2025)]. Речептаря текстулуй литерар дин перспектива стилистикэ пресупуне десцифраря лингвистико-артистикэ а оперей, ынцележеря кувынтулуй ши а латентелор сале, декомпунеря имагинарулуй артистик, пентру кэ скрииторул селектызэ, комбинэ кувинте ши сенсурь, оперязэ «девиерь» стилистиче.

Критикул Н. Балота апречиязэ кэ, дискурсул поетик партичипэ ла ординя лимбажулуй комун ши, тотодатэ, трансценде ачастэ ордине. Поезия пурчеде дин рэдэчина ынсэшь а кувынтулуй; еа есте о ворбире орижинарэ [URL: https://ro.wikipedia.org/wiki/Nicolae_Balot%C4%83. (дата обращения: 02.03.2025)].

Анализа стилистикэ урмэреште аспектеле есенциале але оперей суб рапортул реализэрий експресивитэций, ал мештешугулуй кувинтелор че примеск релеф, кулоаре ши ынсуфлещире. Уна дин карактеристичиле лимбажулуй артистик есте експресивитатя, каре лягэ имажиня артистикэ – имагинарул поетик, продусул фантезией креатоаре а скрииторулуй, рефлектаря сенсibilitэ а реалитэций прин кувинте. Поетул ышь експримэ идеиле, сентиментеле, трезинд чититорулуй

стэрь, эмоций. Еа се манифестэ: фонетик, морфоложик, синтактик, семантик, имажинь артистиче (фигурь де стил).

Нивелул фонетик ал лимбий есте дат де манифестаря ей ын суб-станца сонорэ, прин сунете ку ун анумит тон, ку ынэлцимя, дурата, амплитудиня лор, ла каре се адаугэ силабеле, акцентул, ритмул, интонация, етч.

Нивелул лексикал-семантик есте чел ла каре сенсул апаре ын легэтурэ ку експресия ачестуя, суб форма семнулуй лингвистик манифестат ын кувинт, дар ши ын конструкций май ларжь – синтактиче. «Конструиря сенсулуй есте ун прочес, семантика демонстразэ кэ ун кувинт ну аре сенс ын афара контекстулуй сэу, яр актул лектурий, дескопериля унуй текст, есте о колектаре де операций семантиче» [Барбой, 2002: 23].

Нивелул структурий морфоложиче визязэ фреквенца унор пэрць де ворбире (субстантивеле, аджективеле, вербеле, форме rare але кувинтелор, суперлативул стилистик ал аджективелор, дативул етик, валорь стилистиче ал тимпурилол ши модурилол вербале, елементе але оралитэций, етч.)

Нивелул синтактик репрезинтэ динамизаря структурилол лимбий. Синтакса есте експресивэ прин топикэ, конструкций каре рефлектэ дестрэмаря структурий ложиче а енуцулуй, етч.

Нивелул стилистик детерминэ организаря лимбажелор, а стилурилол, ын функции де факторул сочиокултурал. Текстул литерар комуникэ эмоций, трэирь, семнификаций адынч але дискурсулуй.

Май жос вой адуче екземпле дин креация поетикэ а луй В.Александри, че вор демонстра лимбажул артистик ал креацией. Прочедее де експресивитате артистикэ, пе каре ле преферэ Александри, сынт специфиче поезией:

– *репетиция*: «Зиуа нинже, ноаптя нинже, диминяца нинже ярэ!» («Ярна»); «Ши пе-нтиндеря пустие, фэрэ урме, фэрэ друм» («Ярна»); «Ятэ вин ши гындачий ын хламиде змэлцуите, Ятэ-н урмэ ши албине адукынд ын гурэ мьере» («Кончертул ын лункэ»); «Зиуа скаде: ярна вине, вине пе кривэц кэларе» («Сфыршит де тоамнэ»);

– *пэрициле аможене*, ун прочедеу синтактик ку функции асемэ-нэтоаре де репетицие: «Тот е алб, пе кымп, пе дялурь, ымпрежур, ын депэртаре» («Ярна»); «Ын грэдинь, ын кымп, пе дялурь, прин поене ши прин вий» («Диминяца»); «Ын фонд, пе чер албаstrу, ын заря

депэртатэ, / Ла рэсэрит, суб соаре, ун негру пункт с-аратэ» («Оаспеций примэверий»);

– *интерогация ши екскламация реторикэ*, авынд богате функций экспресиве: «Дар тэчере!.. Сус пе-ун фрасин ун лин фрямэт се аудел!» («Кончертул ын лункэ»); «Че сэ фие? Куйб де фярэ? О! Минуне! – зисе ел, / Ши зымбинд, се плякэ юте де кулеже ун черчел!» («Коситул»); «О! леже-а нимичирей!, О! леже немилоасэ!» («Дан, кэпитан де плай»); «О! Дан витяз, фериче ка тине каре пере» («Дан, кэпитан де плай»);

– *инвокация реторикэ*: «О! ту жеруле нэпрасник, вин-ндямнэ калул меу/ Сэ мэ поарте ка сэжята унде ел штие ши еу» – скоате ын евиденцэ апропиеря ындрэгоститулуй де жер каре девине парте ал сентиментелор сале;

– *эпитетул* есте прочедеу стилистик дес ынтылнит ын пастелурь. Пентру а мэри ефектул стилистик, поетул фолосеште май мулте епите-те пе лынгэ ун субстантив, аша нумите *эпите* *мултипле*: «Фрумоасэ, албэ, жунэ, ку формеле ротунде». («Сериле ла Мирчешть»).

Епитетеле: «флутурь албь», «умерь далбь», «зале аржинтие», «фан-томе албе», «клэбучь албий » – ролул лор е де а нуанца колористик таблоул ерний. («Ярна») Епитетеле: «мэрецул ом», «витязэ копилэ», «ероу ынтинерит» – трэсэтурь але персонажелор. («Дан, кэпитан де плай») Вениря кокостыркулуй е зугрэвитэ ку ун сентимент де букурие, пе каре ыл ау копий: «Яр копилаший весель ку пьептул дезголит...» («Оаспеций примэверий»). Сынт казурь кынд епитетул поате сэ айбэ ынкэ о функции стилистикэ ши ануме функция де *метафорэ*: «Яр запада кристалинэ пе кымпий стрэлучитоаре». («Мьезул ерний») Студияря епитетулуй ла Александри скоате ла ивялэ имагинация, сенсibili-тата поетулуй.

– *персонафикаря*. Ын пастелул «Жерул» ачест феномен ал натурий есте презентат ка о афекциуне вие: «Жерул вине де ла мунте, ла феря-стрэ се опреште/ Ши привинд ла фокул весел каре-н собе стрэлучеште, / Ел депуне флорь де ярнэ пе кристалул ынгецат, / Кринь ши розе де зэпа-дэ че ку драг ле-а сэрутат». («Жерул») Поетул атрибуе акциунь оменешть манифестэрилор натурий ын време де ярнэ: «Прин рыпь адынчэ зэпада де соаре се аскунде» («Сфыршитул ерний»); «Висколул фрэмынтэ лумя!» («Висколул»). Унеле акциунь конкрете ый апар поетулуй прин присма компарацией каре поате сэ рэмынэ неексприматэ, дар се субынцележе. Ын асемения казурь путем ворби деспре *персонафикаря-метафорэ*: «Унде луна ышь апринде фарул тайник де луминэ». («Мьезул ерний») Пастелул

«Концертул ын лункэ», есте ун пастел базат ын ынтрежиме пе о персонификаре. Ачастэ фигурэ де стил о афлэм ши ын пастелуриле «Вынэторул» ши «Балта». Примул се ынкее ын фелул урмэтор: «Доуэ веверице пе-о крянгэ рыд де арма-й лучитоаре». Ултимул верс концине о персонификаре, каре оферэ ынтрежий атмосфере дин пастел о ынторсэтурэ, о нуанцэ глумяцэ, неаштептатэ. Чититорул ышь дэ ушор сяма кэ веверицелу ну пот рыде, дар, атрибуинду-ле сентименте умане, Александри глумеште пе сяма ынэторулуй, каре есте каптиват ши ентузиасмат май мулт де питорештиле поене: «Вынэторул соарбе-н кале-й рэкоряла диминиций, / Адмирынд жокул луминий пе сплендорице вердеций, / Адмирынд ын умбра калдэ флорице де прин поене, / Ши пырае кристалине, ши вултань ку мындре пене.»

– *поанта*, о фигурэ стилистикэ утилизатэ де аутор ын пастелурь, ефектуатэ тот принтр-о персонификаре, фэкынд сэ ворбяскэ ын грай пэмынтян ун бытлан («Балта») «Яр пе мал ын лиништире, ун бытлан, пэшинд ынчет,/ Зиче: «Ну-й пеиря лумий, ынэторул е поет!» сау: «Макул сингур, рош ла фацэ, доарме дус пе чея луме!» («Концертул ын лункэ»)

– *метафора*, ун алт прочедеу артистик фолосит де скриитор. Метафореле не фак сэ адмирэм путеря де инвенцие а скрииторулуй: «Луна ышь апринде фарул тайник де луминэ» («Мьезул ерний»), «Стрэлучеште ши дезмярдэ очеанул де нинсоаре» («Ярна»); Жерул «... депуне флорь де ярнэ пе кристалул ынгецат», «Пуне стрешинилор касей о гирландэ де кристалурь», «Яр пе феце де копиле ынфлореште трандафирь», «Жерул аспру ши сэлбатик стрынже-н браце-й ку желире/ Нягра лункэ..» («Жерул»); «Пе кымпия ынэлбитэ.../ Се вэд инсуле де кодри ...», «Еа (млэдица) те стропеште ку фулжэ албь...» («Сания»)

– *хипербола* ку ажуторул ей В. Александри зугрэвеште сентиментул путерник де ынкынтаре ын фаца фрумусеций натурий Молдовей: «Ши атунч пэдурь ши ланурь, ши мэрь, ши флорь, ши стеле / Ынтоанэ пентру мине ун имн немэржинит». («Сериле ла Мирчешть») «Дар нинсоаря ынчетязэ, норий фуг, доритул соаре/ Стрэлучеште ши дезмярдэ очеанул де нинсоаре.» («Ярна»)

– *компарация есте* дес фолоситэ ын пастелурь: «Се ашызэ лунг троян ка нисипуриле десе ын пустиул африкан» («Висколул»); «Тот е алб (...) Ка фантасме албе плопий ыншираць се пьерд ын заре» («Ярна»); «Ын немэржинитул темплу ард ка вечниче фэклий» («Мьезул ерний»); «Ын а нопций лиништире о дивинэ мелодие / Ка суфляра унуй жениу

принтре фрунзь алин адие.» («Кончертул ын лункэ») «Соареле ротунд ши палид се преведе принтре норь, / Ка ун вис де тинереце принтре аний трекэторь» (пастелул «Ярна») есте о метафорэ компаративэ.

– *инверсия*: «Весела, верде кымпие аку-й тристэ, вестезитэ» («Сфыршит де тоамнэ»); «Ка ыналтеле колоане унуй темплу мэестос» («Мбезул ерний»); «Сус пе-ун фрасин ун лин фрямэт се ауде» («Кончертул ын лункэ»); «Лунжэ троене кэлэтоаре...» («Ярна»); «Нягра лункэ де пе вале каре заче-н аморцире» («Жерул»); «Ун негру пункт с-аратэ» («Оаспеций примэверий»). В. Александри фолосеште ачест прочедеу стилистик, пентру а пэстра рима оперелор.

Путем менциона кэ орижиналитатя поезией се манифестэ прин лимбажул ей спечифик, прин режиструл вариат ал фигурилор де стил, прин проектаря визиуний лириче деспре луме ши вяцэ ынтр-о субстанцэ сужестивэ, инедитэ, ла лимита необишнуитулуй, а инефабилулуй, а нонконвенционалулуй. Студия лимбий ши стилулуй луй В. Александри есте де ун фолос реал пентру апрофундаря куноштинцелор, кыт ши пентру лэржия посибилитэцилор експресиве але лумий ын женерал.

Литература

1. Барбой К. Методика предэрий лимбий ши литературий ын личеу / К. Барбой. – Б.: Альбатрос, 2002. – П. 25–26.
2. Гаврилов А. Пастелуриле луй Александри / А. Гаврилов. – К.: Литера, 2006. – П. 109–114.
3. Котяну И. Граматика де базэ а лимбий / И. Котяну. – Б.: Альбатрос, 2006. – 411 п.
4. Крэчун Г. Интродучере ын теория литературий / Г. Крэчун. – К.: Лумина, 2003. – П. 112–121, 138–158.
5. https://ro.wikipedia.org/wiki/Nicolae_Balot%C4%83. (дата обращения: 02.03.2025).
6. <https://www.scribd.com/doc/212851513/Paul-Valery>. (дата обращения: 21.02.2025).

А. Н. Поян

(Приднестровский государственный медицинский колледж имени Л. А. Тарасевича)

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ИИ) В РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ В РАМКАХ УРОКОВ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТУДЕНТОВ-НЕНОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА

Статья исследует влияние и преимущества использования искусственного интеллекта (ИИ) на уроках молдавского языка для студентов-неносителей языка. Через персонализированные платформы и чат-боты искусственный интеллект способствует улучшению качества обучения и развитию языковых компетенций студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, навыки общения, развитие, образовательные ресурсы.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DEVELOPING LINGUISTIC COMPETENCIES IN MOLDOVAN LANGUAGE LESSONS FOR NON-NATIVE STUDENTS

This article explores the impact and benefits of using artificial intelligence (AI) in the context of Moldovan language classes for allophone students. Through personalized platforms and chatbots, artificial intelligence contributes to improving the quality of learning and developing the linguistic skills of students.

Keywords: artificial intelligence, technologies, communication skills, development, educational resources.

РОЛУЛ ИНТЕЛИЖЕНЦЕЙ АРТИФИЦИАЛЕ ЫН ДЕЗВОЛТАРЯ КОМПЕТЕНЦЕЛОР ЛИНГВИСТИЧЕ ЫН КАДРУЛ ОРЕЛОР ДЕ ЛИМБЭ МОЛДОВЕНЯСКЭ ПЕНТРУ СТУДЕНЦИЙ АЛОЛИНГВЬ

Ачест артикол експлорязэ импактул ши бенефицииале утилизэрий интелиженцей артифициале (ИА) ын кадрул оредор де лимбэ молдовеняскэ пентру студенций алолингвь. Прин интермедиул платформелор персонализате ши чатбот-урило, интелиженца артифициалэ контрибуие ла ымбунэ-тэциря калитэций ынвэцэрий ши ла дезволтаря компетенцелор лингвистиче але студенцило.

Кувинте-кее: интелиженца артифициалэ, техноложий, компетенцэ де комуникаре, дезволтарэ, ресурсе едукационале.

Предаря есте сингура професие
каре крeязэ тоате челелалте професий!

Предаря есте уна динтре челе май дифичиле професий, деоарече педагожий се конфрунтэ ку нумероасе респонсабилитэць, пентру а асигура о едукácie де калитате. Професорий се дедикэ оре ынтрежь, планифיקынд лекций, прегэтинд активитэць ши материале интересанте. Ка урмаре, еволюция техноложикэ а адус ной инструменте ши ресурсе иноватоаре каре пот ымбунэтэци семнификатив експериенцеле едукационале атыт пентру професорь, кыт ши пентру студенць.

Интелиженца артифициалэ (ИА) а девенит ун инструмент есенциал ын едукácie, оферинд солуций иноватоаре пентру а оптимиза прочесул де ынвэцаре.

Ын контекстул предэрий лимбий молдовенешть пентру студенций алолингвь, ИА поате жука ун рол деосебит ын дезволтаря компетенцелор лингвистиче, оферинд **методе персонализате** ши **интерактиве** де ынвэцаре ын функции де невоиле ши ритмул фиекэруй студент.

Платформеле де ынвэцаре адаптивэ утилиязэ алгоритмь де ИА, пентру а ажуста концинутул ши дификултатя материалелор, ын функции де перформанцеле индивидуале але студенцилор. Астфел, студенций примеск екзерчиций ши ресурсе спечифиче каре ый ажутэ сэ-шь ымбунэтэцяскэ компетенцеле лингвистиче ынтр-ун мод ефициент ши адаптат черинцелор спечифиче.

Ун алт аспект импортант есте **фидбек-ул инстантанеу** оферит де ИА. Ын прочесул традиционал де ынвэцэре, студенций требуе сэ аштепте коректаря лукрэрилор сау а тестелор пентру а прими фидбек. Ку ажуторул ИА, фидбек-ул есте оферит имедиат, пермицынд студенцилор сэ коректезе грешелиле пе лок ши сэ ынвеце май рапид. Ачест лукру есте есенциал пентру дезволтаря компетенцелор лингвистиче, деоарече коректаря промптэ а грешелилор ажутэ ла консолидаря куноштинцелор.

О инфлуенцэ семнификативэ асупра ымбунэтэцирий пронунцией ши а абилитэцилор де ворбире базате пе ИА о ау **техноложииле де рекуноаштере вокалэ**. Астфел, студенций пот практика ши ымбунэтэци пронунция ынтр-ун мод интерактив ши ефициент.

Апликацииле де традучере базате пе ИА пот офери традучерь пречисе ши рапиде, ажутынд утилизаторий сэ ынцелягэ ши сэ ынвене ной кувинте ши експресий. Есте биневенит пентру студенций алолингвь, деоарече ле пермите сэ акчесезе рапид информаций ши сэ-шь ымбунэтэцяскэ вокабуларул.

ИА аре потенциалул де а резолва ши проблема **акчесибилитэций**. Асистенций виртуаль ши чатбот-уриле базате пе ИА сынт програме софтвере каре пот интеракциона ку утилизаторий прин интермедиул лимбажулуй натурал. Маринеску В. сублиниязэ кэ асистенций виртуаль ши чатбот-уриле сынт диспонибель 24/7, пермицынд студенцилор сэ акчесезе информаций ши сэ примяскэ ажотор ын орьче момент, индепендент де ора сау локалитатя лор. [Маринеску, 2017: 89]. Апликацииле сынт бенефиче пентру студенций каре ау невое де супорт суплиментар ын афара орелор де курс сау пентру чей каре студиязэ ла дистанцэ. Чатбот-уриле базате пе ИА пот симула конврсаций реале, оферинд утилизаторилор опортунитатя де а практика ши де а-шь ымбунэтэци компетенцеле лингвистиче ынтр-ун медиу сигур ши контролат.

ИА поате трансформа ынвэцэря лимбий молдовенешть ынтр-о експериенцэ интерактивэ ши каптивантэ прин утилизаря *техничилор де гамификаре*. Апликацииле едукационале базате пе ИА пот инклуде жокурь ши активитэць интерактиве каре стимулязэ интересул ши импликаря студенцилор. Симулэриле ши жокуриле едукационале сынт инструменте интерактиве каре пермит студенцилор сэ апличе куноштинцеле теоретиче ын ситуаций практиче [Попеску, 2018: 78].

Ынвэцэря прин жокурь поате дезволта о гамэ де абилитэць когнитиве, принтре каре:

Атенция ши концентраря. Жокуриле соличитэ студенцилор сэ фие атенць ла деталей ши сэ-шь менцинэ концентраря пе сарчиниле специфиче.

Мемория. Мулте жокурь имплекэ рецинеря информациилор ши апликаря ачестора ын диферите контексте.

Гындирия критикэ. Техноложия лудикэ ынкуражязэ студенций сэ анализезе ситуаций, сэ идентифиче проблеме ши сэ гэсыскэ солуций.

Креативитатя: Жокуриле пермит студенцилор сэ-шь експрими идеиле ынтр-ун мод либер ши иноватор.

Абилитэциле сочиале: Жокуриле де екипэ дезволтэ колабораря ши комуникаря ефичиентэ ынтре партичипанць.

Ачесте методе лудиче ну доар кэ фак ынвэцаря май плэкутэ, дар ши контрибуие ла консолидаря куноштинцелор лингвистиче, ши прегэтиря пентру диверсе ситуаций де вяцэ.

ИА фачилитязэ акчесул ла о гамэ ларгэ де **ресурсе едукационале онлайн**, артиколе, видео-уриле едукационале ши платформе де ынвэцаре интерактиве. Ачест акчес фачил ла информаций ажутэ студенций сэ-шь екстиндэ куноштинцеле ши сэ апрофундезе ынцележеря лимбий молдовенешть.

ИА аре потенциалул де а трансформа едукация, симплификынд сарчиниле де рутинэ але професорилор, адаптынд лекцииле ла черинцеле индивидуале ши фэкынд ореле де студиу май атрактиве, економисинд астфел тимп. Тотушь, есте импортант сэ се утилизезе ИА ын мод кореспунзэтор, екилибрынд авантажеле оферите де ачаста ку перспективеле проприй пентру а менцине ынвацаря ефичиентэ ши аутентикэ.

Едукация ши институцииле де ынвэцэмынт требуе сэ имплементезе политичь кларе пентру а жестиона провокэриле асочияте ку ИА. Есте есенциал сэ се офере формаре привинд утилизаря респонсабилэ а ИА ши сэ се асигуре кэ ачесте инструменте ну ынлокуеск комплет жудеката уманэ, чи о комплетязэ. Де асеменя, есте импортант сэ се верифиче периодик информაციиле ши сэ се менцинэ ун екилибру ынтре ИА ши методеле традиционале де предаре пентру о интеграре ефичиентэ.

Литература

1. *Бэлан М.* Интелиженца артифициалэ ын едукације: Техноложий ши апликаций. Букурешть: Едитура универсалэ, 2020.
2. *Думитреску Л.* Импакул техноложиилор модерне. Клуж-Напока: Едитура Каса Кэрций де Штиинцэ, 2021.
3. *Йонеску К.* Методе иноватоаре ын предаря лимбилор стрэине. Яшь: Едитура Полирон, 2019.
4. *Маринеску В.* Едукация ын ера дижиталэ. Провокэрь ши опортунитэць. Букурешть: Едитура Дидактикэ ши Педагожикэ, 2017.
5. *Попеску А.* Техноложий едукационале модерне. Клуж-Напока: Едитура Каса Кэрций де Штиинцэ, 2018. П. 78.

И. В. Привалова

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются подходы и принципы педагогической деятельности, составляющие методологическую основу накопления знаний и формирования умений межкультурного взаимодействия студентов вуза неязыковых направлений подготовки средствами иностранного языка.

Ключевые слова: методологические подходы и принципы, обучение иностранному языку, социокультурный подход, когнитивный подход, компетентностный подход, личностно-ориентированный подход, коммуникативно-деятельностный подход.

METHODOLOGICAL APPROACHES AND PRINCIPLES IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AS MEANS OF INTERCULTURAL INTERACTION

The article examines the approaches and principles of pedagogical activity that form the methodological basis for the accumulation of knowledge and the formation of skills of intercultural interaction among students of non-linguistic areas of higher education by means of a foreign language.

Keywords: methodological approaches and principles, teaching a foreign language, socio-cultural approach, cognitive approach, competence approach, personality-oriented approach, communicative activity approach.

Важность и актуальность задачи, связанной с формированием компетенций, обусловленных требованиями ФГОС ВО в области коммуникации, определяет овладение многими навыками, в том числе: знанием норм иностранного языка, умением поддерживать общение с иноязычными представителями, а также составлять письма и деловые записки, получать информацию из иноязычных источников и т. д. Особый статус получает необходимость научить студентов межкультурной коммуникации, а именно «адекватному взаимопониманию двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Тер-Минасова, 2000: 13].

Многие исследователи отмечают недостаточное количество академических часов, выделяемых на изучение языковых дисциплин, в том числе и иностранного языка, на неязыковых факультетах в вузе. Исследователь Азиатцева, например, отмечает, что на неязыковых факультетах «помимо переполненности групп остро стоит проблема нехватки аудиторных часов» по иностранному языку [Азиатцева, 2015:164]. «Дисциплина «Иностранный язык» не является профилирующей для обучающихся, что в некоторой степени подрывает академическую и профессиональную значимость данного предмета как предмета базового гуманитарного цикла» [Казанцева, 2018: 416].

Таким образом, перед преподавателями поставлена интересная и сложная задача, решать которую необходимо, опираясь на методологические подходы и принципы. К методологическим подходам, направленным на формирование поликультурной компетенции студентов вуза средствами иностранного языка, мы относим прежде всего социокультурный, когнитивный, компетентностный, личностно-ориентированный и коммуникативно-деятельностный.

Социокультурный подход получил обоснование в трудах таких исследователей, как И. Л. Бим, И. А. Зимняя, А. Л. Бердичевский, Н. Д. Гальскова, И. Н. Соловьева и др. Он акцентирует важность связи обучения языку с познанием культуры носителей этого языка. В работах П. В. Сысоева, посвященных вопросу поликультурной направленности в изучении иностранного языка и культуры, описаны некоторые типы культуры (этнический, социальный, профессиональный, территориальный, религиозный) и предложено расширение тематического наполнения содержания курса по иностранному языку с учетом данного культурного многообразия. По мнению исследователя, это способствует культурному самоопределению студентов, расширению социокультурного пространства и выработке активной позиции по противодействию культурной агрессии, культурной дискриминации [Сысоев, 2004: 14].

Использование социокультурного подхода помогает более четкому восприятию студента как носителя коллективных и индивидуальных социокультурных черт, субъекта в процессе диалога культур, использующего иностранный язык как средство социокультурного познания стран и народов и выражения собственной культурной идентичности.

Личностно-ориентированный подход связан с восприятием обучающихся в качестве активных субъектов процесса образования, при

этом образование и развитие личности не ограничивается лишь периодом обучения в вузе, но является непрерывным и постоянным. Такой подход обосновывается в работах Е. В. Бондаревской, В. В. Серикова, Ю. И. Турчаниновой, Э. Н. Гусинского и др. Он задействует педагогические усилия, направленные на развитие различных сторон личности, от осознания себя гражданином своей страны до стимулирования творческих и эстетических проявлений.

Будучи использованным в практике преподавания, личностно-ориентированный подход позволяет рассматривать каждого студента как отдельную личность с индивидуальными потребностями, обладающую социокультурной идентичностью, творческим потенциалом и правом на индивидуальный подход в рамках образовательного процесса.

Компетентностный подход направлен на приобретение студентами тех качеств и свойств личности, знаний, навыков и умений в области межкультурной коммуникации, которые смогут обеспечить эффективную профессиональную деятельность и дальнейшее преуспевание в рамках избранной специальности. Этой стороне образования посвящены труды И. А. Зимней, Э. Ф. Зеера, А. В. Хуторского, О. Е. Лебедева, Ю. Г. Татура и др. Поликультурная компетенция во многом отождествляется с компетенцией коммуникативной, одной из самых значимых в процессе обучения в вузе.

Коммуникативно-деятельностный подход связан с необходимостью проявления поликультурной компетенции в практической деятельности, а также всесторонним осмыслением обучения иностранному языку как процесса, в основу которого положена субъектная схема взаимодействия. С человеческой деятельностью связано и само понятие культуры. Коммуникация обретает смысл более широкий, и подразумевает не только осуществление контактов с людьми при помощи речи, но понимание и приобщение к культурным и духовным ценностям этих людей.

Этот подход связан с умением адекватно реагировать на различные ситуации в процессе реального общения, ему посвящены работы исследователей И. Л. Бим, Г. В. Роговой, Н. Д. Гальсковой, Е. Н. Солововой, Е. И. Пассова и др.

Коммуникативно-деятельностный подход позволяет более активно реализовывать субъект-субъектную схему общения в образовательном процессе, а также готовит студентов к активному функционированию

нию в иноязычной среде и эффективной коммуникации в различных ситуациях.

Когнитивный подход, связанный с механизмами познавательного процесса при изучении языка, теоретически и методологически обоснован в трудах Н. В. Барышникова, И. В. Карповой, Г. В. Елизаровой, Н. В. Баграмовой, А. Н. Шамова, С. Ф. Шатилова, И. Ю. Мангуса и др. Данный подход предполагает тесную связь между осознанием принципов естественного познавательного поведения и организацией процесса познания, предполагающего этапы представления языкового явления, наблюдения и рефлексии, экспериментальных попыток употребления последнего в речи, анализа и корректировки выводов при изучении языка в вузе.

Применение когнитивного подхода при изучении языка в вузе направлено на развитие мышления студентов в процессе самостоятельного открытия ими новых знаний в результате решения проблемных и познавательных задач, а также осуществления операций анализа, синтеза, сравнения, обобщения, систематизации, сопоставления с явлениями родного языка.

Планирование учебной деятельности, учитывающее вышеозначенные подходы, осуществляется с учетом определенных методологических принципов:

- принцип культуросообразности;
- принцип коммуникативной направленности;
- принцип профессиональной направленности обучения;
- принцип уважения культурной вариативности.

Организация процесса накопления знаний по иностранному языку и формированию поликультурной компетенции предполагает соблюдение принципа культуросообразности, а именно, соответствия выбираемых методов, приемов и содержания педагогического процесса условиям жизни, культурным и мировоззренческим особенностям обучаемых, историко-социальному контексту жизни и деятельности студентов. Соблюдением данного принципа обусловлены: отбор языкового материала, моделирование потенциальных ситуаций использования иностранного языка, выбор методов, приемов и форм работы, ориентир на соблюдение норм социального общения, опора на понятия и нормы родного языка.

Вслед за Т. С. Тер-Минасовой, Н. Д. Гальсковой, И. А. Зимней, И. Л. Бим мы придаем важное значение коммуникативной направленности в обучении иностранному языку. Принцип коммуникативной

направленности обоснован стремлением и необходимостью подготовить студентов к реальному общению на иностранном языке, развить у них психологическую готовность активно проявить себя в процессе иноязычной коммуникации. Укреплению желания и совершенствованию навыков и умений такого общения способствует использование задания творческого и проблемно-речевого характера, опора на аутентичный и современный актуальный языковой материал, применение современных технологий.

Принцип профессиональной направленности тесно связан с вовлечением в процесс изучения иностранного языка знаний из профильных дисциплин с целью развития профессионально-коммуникативных умений в устной и письменной формах. Наряду с этой функцией иностранный язык призван выступать в качестве инструмента получения новых знаний, в том числе профессиональной направленности, а также релевантной информации, способствующей выполнению учебных задач. Повышение уровня владения иностранным языком дает возможность будущим профессионалам расширить диапазон своих поисково-аналитических умений, а также усиливает сознательность студентов в процессе получения высшего образования.

Принцип уважения культурной вариативности направлен на повышение эффективности общения (бытового и профессионального) за счет более глубокого осознания богатства и ценности существующих в мире культур и формирования стремления к культурному диалогу и осознанию собственной культурной принадлежности. Осуществлению данного принципа в процессе изучения иностранного языка способствуют задания, нацеленные на:

- сопоставительный анализ иноязычных культур и родной культуры;
- формирование умений межкультурного общения;
- осознание будущим профессионалом себя как субъекта диалога культур;
- углубление и обобщение знаний о своеобразии и общности различных культур;
- моделирование учебных ситуаций, демонстрирующих различия в менталитете и речевом поведении между участниками коммуникации, представляющими разные культуры.

Результатом реализации проанализированных подходов и принципов в учебном процессе является повышение качества умений меж-

культурного взаимодействия у студентов неязыковых факультетов вуза средствами иностранного языка.

Литература

1. Азиатцева Т. В. Дидактические особенности обучения иностранному языку студентов неязыковых факультетов вузов / Т. В. Азиатцева // Преподаватель XXI век. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-osobennosti-obucheniya-inostrannomu-yazyku-studentov-neyazykovyh-fakultetov-vuzov>.
2. Казанцева С. Ю. Ингибирующие факторы модернизации языкового образования в неязыковых вузах / С. Ю. Казанцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ingibiruyuschie-factory-modernizatsii-yazykovogo-obrazovaniya-v-neyazykovyh-vuzah>.
3. Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США): автореф.дис... д-ра пед.наук. / П. В. Сысоев. – М., 2004. 48 с.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. М.: Слово, 2000. – 146 с.

УДК 1751

Ч. Пруксасит

(Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина)

ВИРТУАЛЬНЫЙ КЛАСС В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ПРОБЛЕМЫ, ИННОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

В этой статье рассматривается роль виртуальных аудиторий в обучении иностранному языку, их преимущества, проблемы и последние инновации. Цель статьи – дать всестороннее представление о том, как виртуальные классы формируют будущее изучения языка и преподавания с помощью инновационных педагогических технологий, проанализировав текущие исследования и тенденции.

Ключевые слова: виртуальные классы, обучение иностранному языку, инновации в виртуальных классах, смешанное обучение, продуктивные методы, перевернутые классы.

VIRTUAL CLASSROOMS IN FOREIGN LANGUAGE INSTRUCTION: CHALLENGES, INNOVATIONS AND FUTURE PROSPECTS

This article explores the role of virtual classrooms in foreign language instruction, examining their benefits, challenges, and recent innovations. It aims to provide a comprehensive understanding of how virtual classrooms shape the future of language learning and teaching via innovative pedagogical technologies by analyzing current research and trends.

Keywords: virtual classrooms, foreign language instruction, virtual classroom innovations, blended learning, productive methods, flipped classrooms.

Virtual classrooms have transformed language education, offering foreign language learners' access to native-speaking instructors and peers worldwide, overcoming geographical and resource limitations [Zhang, 2019]. Features like real-time feedback, collaborative activities, and multimedia integration have proven effective in improving language acquisition and communicative skills [Manegre, Sabiri, 2022: 975]. However, challenges such as server instability, complex interfaces, cultural differences, and varying levels of technological literacy can hinder their effectiveness [Wood, Hopkins, 2008: 1138]. Reliable internet access is also critical for success. These issues underscore the need for continuous innovation and adaptation in virtual learning environments to maximize their potential.

Benefits of Virtual Classrooms in Foreign Language Instruction

In the past decade, virtual classrooms have played an important role in foreign language instruction, especially during the COVID-19 epidemic. It has proven extremely flexible regardless of the time and place of learning and teaching [Pruksaseat, 2024: 31]. Online language learning allows optimal interaction and language assistance without mobility issues or lack of resources [Manegre, Sabiri, 2022: 976]. Videoconferencing, the main feature of online learning, made it seamlessly accessible for language teachers and learners to create virtual-like interactions and increase students' engagement [Barry, 2019]. In general, virtual classrooms have set their stone as an effective educational technology for higher education by providing cross-border education and remote learning among distant students [Koskela, Kiltti, Vipola, Tervonen, 2005: 31]. In addition, virtual classrooms through online learning have proven to increase the motivation levels of language learners, enhance foreign vocabulary acquisition among foreign language learners [Manegre, Sabiri, 2022: 978], and devel-

op speaking and writing skills of language pupils when monitored closely by skilled language instructors in virtual learning environments [Yen, Hou, Chang, 2015: 385].

Drawbacks of Virtual Classrooms in Foreign Language Instruction

Although virtual classrooms are highly effective educational technology used for foreign language instruction, there are several hindrances and challenges for language teachers to consider. First, poor internet connectivity could lead to server instability which results in miscommunication or lags in virtual learning spaces. Second, some online educational tools prominent in the virtual classroom atmospheres are too complex for instructors and pupils to use [Wood, Hopkins, 2008:1137]. The digital interfaces might be unfamiliar and additional pedagogical training in virtual classrooms is necessary to enhance a productive virtual learning environment. Third, the upload costs of e-learning materials could hinder university stakeholders from promoting an efficacious usage of virtual classrooms for foreign language learning. Last, cultural differences between language teachers and learners could escalate a learning gap in the student-teacher relationship in virtual learning environments. Diverse cultural backgrounds made it difficult to reach a middle ground of expectations between the two counterparts. Nevertheless, to overcome this issue, language instructors and pupils are bound to possess a sufficient level of computer literacy as well as basic knowledge of ICT to utilize virtual learning educational technology flawlessly [Pruksaseat, 2024: 30].

Virtual Classroom Innovations for Foreign Language Instruction

In recent years, several virtual classroom innovations have struck the attention of foreign language learners worldwide. One of the most popular virtual classroom innovations is online language learning platforms and applications such as Tandem and Vimbox. Tandem is a successful computer-mediated communication, telecollaboration, connecting native and non-native speakers to excel in meaningful communication of the target language anywhere anytime [Eren, 2023: 12]. This marked a significant paradigm shift in online learning platforms by providing language learning opportunities through virtual language exchange by immersing themselves in authentic conversations in virtual reality environments on any topic via audio messages and video calls [Topal, 2024]. Similarly, Vimbox, a notable online educational platform for non-native speakers, has provided useful benefits in enhancing the foreign language skills of language learners. The advantages include high-technological educational training among lan-

guage instructors, new teaching materials tailored-made for students, and a time-saver for delivering online instruction and language tasks reducing mobility problems [Andreeva A. A., 2017: 12].

Innovative Teaching Methods for Virtual Foreign Language Instruction

1. Blended Learning

First, blended learning is a notable methodological approach that bridges virtual learning environments with traditional face-to-face learning. It has proven to be an effective pedagogical method in delivering efficacious foreign language instruction worldwide. Blended learning promotes classroom engagement, self-responsibility, motivation, and soft skills to become self-regulated learners [George-Walker, Keefee, 2010: 12]. Language learners become more proactive and interactive to foster creativity and individualism in the foreign language learning process [Pruksaseat, 2024: 31]. Additionally, blended learning has increased the efficiency of the educational process in the Russian higher educational context through the seamless combination of synchronous and asynchronous learning environments [Morozova, Melnikov, 2023].

2. Productive Method

For a successful implementation of virtual foreign language instruction in the Russian higher educational system, the productive method has been implemented to reinforce students' communication skills and enhance their personal qualities to use foreign languages. Productive methods conglomerate various interactive learning technologies and electronic resources to improve foreign language learning skills, communication skills, and interpersonal skills of students [Syrina, Pomerantseva, 2021:5]. Nevertheless, there are critical concerns in adopting productive methods in virtual foreign language instruction including the varied language proficiency levels of students, appropriate didactic materials for foreign language training, and feasibility of teachers' expertise in instructing the students and catering to their language goals.

3. Flipped Classrooms

Flipped classrooms are devoted to students' understanding of the class materials rather than traditional lectures so students will deepen their learning experience and accelerate higher-order thinking skills for the materials learned. In Russian literature, flipped classrooms are flexible pedagogical tools for blended learning in various subjects. There are four major goals of flipped classrooms in foreign language teaching and learning: development of creative thinking skills, learner autonomy promotion, problem-solv-

ing skills, integration of digital technologies, and knowledge transmission [Syrina, Pomerantseva, 2022]. The advantages of implementing flipped classrooms in foreign language teaching in the Turkish context showed positive results. Flipped classrooms had set a steppingstone in fostering language learners for language acquisition at their own pace, excelling in advanced student preparation of language tasks, combating class time limitations, and increasing the students' participation in foreign language classrooms.

In conclusion, virtual classrooms have emerged as a powerful tool in language education, offering unparalleled flexibility and accessibility for learners worldwide. Despite challenges such as technical limitations and cultural differences persist, ongoing innovations and methodological advancements hold promises for overcoming these barriers. As the field continues to evolve, future research should focus on exploring the long-term impacts of virtual classrooms and developing strategies to ensure equitable access for all learners.

Литература

1. *Andreeva A. A.* The use of the virtual calss on the vimbox platform in the learning of English Language // Pedagogical Sciences. 2017. – C. 10–12.
2. *Barry S.* The role of video and text chat in a virtual classroom: How technology impacts community / Educational Technology and Resources for Synchronous Learning in Higher Education // California: IGI Global Publ., 2019, 187 p.
3. *Eren O.* Raising critical cultural awareness through telecollaboration: Insights for pre-service teacher education // Computer Assisted Language Learning. 2023. – Vol. 36. – No. 3. – C. 288–311.
4. *Koskela M., Kiltti P., Vipola I., Tervonen J.* Suitability of a Virtual Learning Environment for Higher Education // The Electronic Journal of e-Learning. 2005. – Vol. 3. – No. 1. – C. 23–32.
5. *Manegre M., Sabiri K. A.* Online language learning using virtual classrooms: an analysis of teacher perceptions // Computer Assisted Language Learning. 2020. – Vol. 35. –No. 5–6. – C. 973–988.
6. *Morozova M.A., Melnikov M. V.* The Form and Content of Educational and Methodological Support for the Training of Postgraduate Students on the Example of the Discipline “Foreign Language”// Education and pedagogical sciences. 2023. – Vol. 848. – No. 3. – C. 46–51. (In Russ.).
7. *Pruksaseat Ch.* E-learning readiness of postgraduate students to perform professional pedagogical activities // New information technologies in education and science. 2024. – No. 11. – C. 27–37.

8. *Syrina T. A., Pomerantseva N. G.* Methods and technologies for the formation of soft skills while teaching foreign language for special purposes / *World of Science // Pedagogy and psychology*. 2023. – Vol. 9. – No. 5. – С. 1–9.

9. *Topal I. H.* Tandem language exchange application: A telecollaborative experience of linguistic and cultural exchange // *Journal of Digital Educational Technology*. 2024. – Vol. 4. – No. 1. – ep2408. – С. 1–8.

10. *Wood D., Hopkins L.* 3D Virtual environments: Businesses are ready but are our “digital natives” prepared for changing landscapes? / *The Australasian Society for Computers in Learning in Tertiary Education // ASCILITE*. 2008. – С. 1136–1146.

11. *Yen Y. C., Hou H. T., Chang K. E.* Applying role-playing strategy to enhance learner’s writing and speaking skills in EFL courses using Facebook and Skype as learning Tools: A case study in Taiwan // *Computer Assisted Language Learning*. 2015. – Vol. 28. – No. 5. – С. 383–406.

12. *Zhang Y.* Chinese parents are paying for their kids to learn English from US online tutors / Here’s how the job works // *USA Today*. 2019. Retrieved from: <https://www.usatoday.com/story/money/2019/06/11/chinese-learn-english-online-us-tutors-remote-jobs-rise/1356821001/>

УДК 81`27

С. К. Пышкина, Л. Г. Ратушная
(Пензенский государственный университет)

ВЛИЯНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СЛЕНГА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПОКОЛЕНИЯ АЛЬФА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается влияние англоязычного сленга на формирование языковой картины мира поколения Альфа в контексте русскоязычной коммуникации 2025 года. Анализируются наиболее распространенные англицизмы, их адаптация к русскому языку и семантические изменения. Рассматриваются примеры использования англоязычного сленга в различных сферах жизни, включая социальные сети [<https://www.tiktok.com/>, 2025], онлайн-игры [<https://www.dota2.com/>, 2025] и молодежную культуру.

Ключевые слова: поколение Альфа, англоязычный сленг, лексические единицы, англицизмы, заимствования, части речи.

THE INFLUENCE OF ENGLISH SLANG ON THE FORMATION OF THE ALPHA GENERATION'S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN THE CONTEXT OF COMMUNICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article considers the influence of English slang on the formation of the Alpha generation's linguistic picture of the world in the context of communication in the Russian language in 2025. The article analyses the most common anglicisms, their adaptation to the Russian language and semantic changes. Examples of using English slang in various spheres of life, including social networks, online games and youth culture are considered.

Keywords: Generation Alpha, English slang, lexical units, anglicisms, borrowings, parts of speech.

Современный мир характеризуется стремительной глобализацией, которая затрагивает все сферы жизни, включая язык. В последние десятилетия наблюдается активное проникновение англоязычного сленга в русскоязычную коммуникацию, что особенно заметно среди молодого поколения, известного как поколение Альфа. Это поколение, родившееся с 2010 года и позже, растет в условиях цифровой среды, где английский язык и его сленговые формы становятся неотъемлемой частью повседневного общения.

Англицизмы, как отмечает лингвист И. Р. Гальперин, представляют собой «заимствованные слова и выражения, которые становятся частью другого языка и могут изменять его структуру и семантику» [Гальперин, 2024: 138]. В контексте русского языка англицизмы не только обогащают лексику, но и влияют на формирование языковой картины мира, что подчеркивает концепцию языковой картины мира, предложенную В. Г. Гак. Он утверждает, что «язык является не просто средством общения, но и отражает уникальный способ восприятия действительности» [Гак, 2008: 38].

Поколение Альфа, активно использующее цифровые технологии и социальные сети, становится носителем новой языковой нормы, в которой англоязычные сленговые лексемы играют ключевую роль. Как отмечает социолингвист А. А. Залевская, «язык молодежи – это зеркало социокультурных изменений, отражающее новые ценности и нормы» [Залевская, 2010: 3].

Англоязычный сленг проникает в русскоязычное пространство через различные каналы: социальные сети, видеоигры, фильмы и му-

языку. Эти термины не только обогащают русский язык, но и изменяют восприятие социальных норм и ценностей среди молодежи. Рассмотрим список наиболее популярных лексических единиц [<https://www.wikihow.com/Gen-Alpha-Slang>, 2025].

Слэй – быть шикарным, роскошным, блистать

Слэй (от англ. slay – сражать, одолевать) – выражение полного восхищения образом или действиями другого человека, чаще всего используется как комплимент. Когда кто-то «*слэйит*», это значит, что он выглядит потрясающе или делает что-то выдающееся. Слово стало популярным в социальных сетях и среди молодежи, особенно в контексте моды и стиля. «*Слэй*» предполагает не просто хороший, а исключительный результат. Это не просто «красиво», а «сногшибательно», не просто «успешно», а «триумфально».

Возможны различные варианты транслитерации и транскрипции, а также словообразования:

- глагол: «*слэить*» (сохраняя английскую основу), «*заслэить*» (совершенный вид);
- прилагательное: «*слэйный*» (эффектный, впечатляющий);
- наречие: «*слэйски*» (эффектно, впечатляюще).

Пример использования в русском языке: «*Ее макияж был просто слэйным.*» «*Он слэйски справился с этой задачей.*» [<https://www.tiktok.com/>, 2025]

Лексикон поколения Альфа напрямую зависит от алгоритмов медиаплатформ: популярный контент формирует их интересы и тематики, что, в свою очередь, определяет их уникальные сленговые выражения.

Ризз (сокращение от англ. charisma – харизма) – стиль, обаяние, умение привлечь, навыки обольщения

Эта лексическая сема подразумевает, что у кого-то есть особый стиль или способность привлекать внимание и обольщать других. *Ризз* может проявляться в уверенности, манерах общения и общении. Это существительное в русском языке может изменяться по падежам, имеет множественное и единственное число (*риззы*). Примером употребления можно считать: *У Саши такой высокий ризз, что все вокруг просто не могут оторвать от него глаз!* [<https://www.counter-strike.net/home> 2025]

Делулу – человек, который верит в свои фантазии или постоянно пребывает в своих идеалистических мечтах

Произошло от *delulu*, сокращения от английского слова *delusion* – «заблуждение». *Делулу* может означать, что человек не осознает реальность ситуации или имеет завышенные ожидания о чем-то, характеризуется верой в неправдоподобные сценарии, часто связанные с романтическими отношениями или успехом в какой-либо области. Может использоваться как в шутку, так и с целью критики или высмеивания.

В русском языке имеет только форму прилагательного (*делулушный*).

Примером можно считать: «Вы даже не знакомы, а ты уже свадьбу планируешь. Ну ты и *делулу*!» [<https://www.tiktok.com/>, 2025]

Ульта – действие, выполненное на максимуме возможностей, а также неожиданный и выдающийся результат

Термин «*ульты*» произошел от английского *ultimate ability*. Происхождение этого слова связано с игровым сообществом: в видеоиграх *ульты* называют супер-удар или мощную способность, которую нельзя использовать в любой момент – необходимо подождать, пока восстановится энергия. Это также подчеркивает, что создание чего-то выдающегося требует времени.

Таким образом, когда кто-то долго демонстрировал средние результаты, а затем неожиданно представил шедевр, представители поколения Альфа могут спросить: «Ты что, копил *ульты*?» Иногда это выражение используется и в ироничном контексте.

Лексема «*ульты*» в русском языке, будучи заимствованием, адаптировалась к грамматической системе и проявляет следующие характеристики:

- употребляется как существительное женского рода, что, вероятно, связано с ассоциацией с существительным «способность». Пример: «Её *ульты* нанесли колоссальный урон»;
- слово склоняется по первому склонению, подобно словам «земля» или «страна»;
- образуется множественное число (*ульты*).

Имба – круто

Данный термин – сокращение от английского слова *imbalance* (дисбаланс). Изначально использовалось в онлайн-играх для обозначения персонажа, оружия или умения, дающего несправедливое преимущество. В сленге перешло в общее обозначение чего-то крутого, классного, превосходящего остальное. «*Имба*» предполагает не про-

сто «хорошо», а «намного лучше», «сильнее», «эффективнее». Может использоваться как для описания характеристик объекта, так и для выражения восхищения мастерством человека.

«Этот телефон просто имба!» (Этот телефон очень крутой). «Он имба в этой игре!» (Он очень хорошо играет в эту игру).

В русском языке слово «имба» адаптировалось и приобрело ряд грамматических форм, что свидетельствует о его интеграции в активный словарный запас пользователей. Например:

Существительное: «Эта тактика – настоящая имба!» (обозначает сам объект или явление, обладающее чрезмерной силой). Склонение возможно, хотя и встречается реже: «против этой имбы сложно играть».

Прилагательное: «Имбовый персонаж» (описывает объект, обладающий свойствами «имбы»). Прилагательное склоняется по родам, числам и падежам: «Имбовая стратегия», «Имбовые предметы», «к имбовому персонажу».

Наречие (разговорное): «Он играет имбово» (описывает манеру игры, использующую «имбу»). Наречие, как правило, не изменяется.

Англоязычные заимствования и сленговые выражения играют значительную роль в самовыражении и восприятии реальности молодежи. Поколение Альфа, выросшее в условиях глобализации и цифровых технологий, активно использует элементы англоязычной культуры, что приводит к созданию уникального лексикона, отражающего их ценности и мировосприятие.

Обнаружено, что использование англоязычного сленга не только обогащает русский язык, но и способствует формированию новых социальных идентичностей. Это также подчеркивает важность межкультурной коммуникации и культурного обмена в современном обществе.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 2024. – 144 с.
2. Гак В. Г. Русская динамическая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня. – 2008. – № 1. – С. 36–44.
3. Залевская А. А. Язык и общество: Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследований / А. А. Залевская. – М., 2010. – С. 3.
4. Counter-Strike [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.counter-strike.net/home> (дата обращения: 2.03.2025).

5. Dota 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dota2.com/> (дата обращения: 2.03.2025).

6. Gen Alpha Slang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wikihow.com/Gen-Alpha-Slang> (дата обращения: 25.02.2025).

7. TikTok [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tiktok.com/> (дата обращения: 2.03.2025).

УДК 81'362

Ж. И. Рахимов

(Ургенчский государственный университет, Узбекистан)

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ И ТЕНДЕНЦИИ В ИХ УПОТРЕБЛЕНИИ

Статья исследует процесс заимствования слов из германских языков в узбекский, акцентируя внимание на изменении их значений и адаптации в новом языковом контексте. В статье также анализируются случаи многозначности и омонимии, возникающие в процессе ассимиляции заимствованных слов. Через примеры и сравнительный анализ с немецким языковым материалом показано, как заимствованные слова принимают новые грамматические формы и становятся основой для создания новых лексических единиц, что способствует развитию языка и улучшению взаимопонимания в межкультурном общении.

Ключевые слова: заимствования, расширение значения, германские языки, лексические единицы.

DEVELOPMENT OF THE MEANINGS OF BORROWED WORDS AND TRENDS IN THEIR USE

The article explores the process of borrowing words from Germanic languages into Uzbek, focusing on changing their meanings and adaptation in a new linguistic context. The article also analyzes cases of polysemy and homonymy that arise in the process of assimilation of borrowed words. Through examples and comparative analysis with German language material, it is shown how borrowed words take on new grammatical forms and become the basis for the creation of new lexical units, which contributes to the development of the language and improvement of mutual understanding in intercultural communication.

Keywords: borrowings, expansion of meaning, Germanic languages, lexical units.

Сегодня иностранные слова широко используются в газетах и журналах, интернет-статьях и телевизионных программах. Среди них особое место занимают заимствованные слова из германских языков. Например, *блок, табель, штанга, штаб, формат, штамп* и др. Многие из них связаны со сферой спорта, о которых мы можем каждый день читать в ежедневной прессе и слышать по телевидению. Конечно, необходимо подчеркнуть, что они заимствуются в узбекский язык.

Заимствование слово происходит первоначально в случае слова и некоторых его лексических значений, а его семантическая структура не заимствуется полностью. Так как в начальном периоде проникновения в язык, контекст, в котором значение заимствования полностью дано и выражено, ещё не полностью сформирован. Заимствованное слово постепенно употребляется в языке в связке с определенными лексическими единицами. Затем оно принимает определенные формы употребления в речи. Носители языка пытаются найти семантически подходящую альтернативу ему в родном языке. Если такая языковая единица существует, значение заимствования будет определяться заново. В процессе развития языка вместе с расширением значения происходит и сужение значения слов.

Если расширение значения в словах приводит к отделению некоторых значений от первоначального значения и образованию омонимов, иногда в одной и той же словесной оболочке наблюдается появление противоположных значений – антонимы. Подобное мы можем наблюдать в словах, заимствованных из германских языков в узбекский язык.

Для сопоставления заимствованных слов мы взяли две литературы: Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Langenscheidt. Berlin und München. 1997 (Большой словарь Лангеншайдта. Немецкий как иностранный язык. Лангеншайдт. Берлин и Мюнхен. 1997) и Жуманиёзов О. Ўзбек тилидаги герман тиллари ўзлашмалари. Тошкент. Фан. 1987 (Жуманиёзов О. Заимствования из германских языков в узбекском языке. Ташкент. Наука. 1987). Ниже проанализировали развитие значения в несколько немецких и узбекских языковых единиц:

Блок (нем. Block)

1. Тяжелый прямоугольный большой кусок дерева, металла или камня.

2. Многоэтажный большой жилой дом (здание);
3. Несколько или похожих домов, построенных в ряд или огороженный с четырех сторон внутренним двором;
4. Политическое и экономическое объединение партий или государств;
5. Стопка одинаковых бумаг, сшитых вместе так, чтобы их можно было разорвать на части;
6. Набор одинаковых предметов [Langenscheidts Großwörterbuch, 1997: 23].

Блок (в узбекском языке)

1. Простейший колесный грузоподъемный механизм, устройство с цепью, тросом, планкой для крепления ремня на фланце;
2. Цельная часть чего-то. Бетонный блок. Мраморный блок;
3. Отдельные помещения в зданиях и сооружениях; отдельная часть любого здания;
4. *тех.* Большая часть механизма, конструкции и т. д., к которой прикреплено несколько различных частей;
5. Стопка несколько пачек (блок сигареты);
6. Блок цилиндра;
7. Тестировочный блок;
8. Брать в блок. Как видно из этого примера, слово *блок* в немецком языке имеет шесть значений, а в узбекском – восемь значений, таким образом, значение слова расширяется. Это доказывает, что слово претерпело определенные сдвиги в значении в ходе своего развития [Жуманиёзов, 1987: 15].

Табель (нем. *Tabelle*)

1. Вид подготовки цифр или списка доказательств, обычно, состоящий из несколько столбиков.
2. *sport.* Количество игр, очков и список команд на одной лиги [Langenscheidts Großwörterbuch, 1997: 53].

Табель (в узбекском языке)

1. Бумага для учёта.
2. Специальная тетрадь или планшет для регистрации времени прихода и ухода работников.
3. Бумага для регистрации успеваемости (оценок) учащихся.
4. Вид документа для определения размера заработной платы [Жуманиёзов, 1987: 83].

Штанга (нем. Stange)

1. Длинный, тонкий, круглый предмет из дерева или металла.
2. Длинная часть чего-то.
3. Набор из 10 пачек сигарет.
4. *разг.* много денег.
5. Изготавливаемые обычно на фабриках одежды одной партии, одного размера (костюмы одной партии) [Langenscheidts Großwörterbuch, 1997: 72].

Штанга (в узбекском языке)

1. *тех.* Название одной из деталей, используемых в различных инструментах и механизмах.
2. *спорт.* Стержень с тяжелым металлическим шариком или диском на обоих концах.
3. *спорт.* Горизонтальная основа футбольных ворот.
4. Приспособление для поднятия груза или тяжести [Langenscheidts Großwörterbuch, 1997: 55].

Формат (нем. Format)

1. Размер, объем листа бумаги, книги, карточки и прочих предметов. В частности, книга большого формата, карточка и прочие малого формата.
2. Высокое значение для лиц.
3. Пример по характеру и способности [Langenscheidts Großwörterbuch, 1997: 39].

Формат (в узбекском языке)

1. Размер, объем листа бумаги, книги, карточки и прочих предметов. Книга большого формата, карточка и прочие малого формата.
2. *полигр.* Ширина и высота набранных материалов [Жуманиёзов, 1987: 28].

Область и место применения этих заимствований носят различный характер, и их можно изучать в разных тематических группах. Кроме того, это облегчает взаимопонимание при работе в сотрудничестве с другими странами.

Как видно, в результате развития значения некоторые заимствованные слова могут создавать многозначность, либо значения могут отходить друг от друга и образовывать омонимию. Подводя итог, можно сказать, что заимствованные слова в процессе ассимиляции начинают принимать разные грамматические формы, на следующем этапе они становятся участниками процесса деривации, а различные

словообразовательные суффиксы служат основой для создания новых слов. С широко использованием заимствования носителями языка, начинается его семантическое развитие. При этом процессе наблюдаются различные явления расширения или сужения значения, а также возникновение омонимии в результате отклонения значения от полисемии.

Литература

1. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Langenscheidt. Berlin und München. 1997. – 197 с.
2. Жуманиёзов О. Ўзбек тилидаги герман тиллари ўзлашмалари. Тошкент. Фан. 1987. – 106 с.

УДК 81-26 347.78.34

Т. А. Романова, А. С. Суханова

(Московский Педагогический Государственный Университет)

АВТОПЕРЕВОД КАК ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (на примере романа В.В. Набокова «Лолита»)

В настоящей статье автоперевод рассматривается как интерпретация автором реальности, описываемой средствами английского и русского языков, в отличие от процесса перевода, выполняемого сторонним переводчиком. Анализ автоперевода романа В. В. Набокова «Лолита» позволяет установить особенности такого перевода.

Ключевые слова: автоперевод, интерпретация, картина мира, художественный перевод, модели перевода, двуязычие.

SELF-TRANSLATION AS INTERPRETATIVE PROCESS (case study of V. Nabokov'S "Lolita")

This paper considers self-translation as the author's interpretation of the reality described by the means of English and Russian languages, as opposed to the translation process performed by a translator. The analysis of the author's translation of "Lolita" by V. V. Nabokov allows us to determine the distinctive features of such translation.

Keywords: self-translation, interpretation, cognitive aspect, worldview, fiction translation, translation models, bilingualism.

Перевод сам по себе является сложным и комплексным процессом, включающим в себя культурный, когнитивный, коммуникативный и многие другие аспекты. Он также определяется как «интерпретативная деятельность» [Урубкова, 2011: 145] и тесно связан с «текстом» в широком его понимании как высказывания в отличие от «языка» как системы.

Текст, по мнению М. Бахтина, представляет собой «субъективное отражение объективного мира – выражение сознания, что-то отражающего» [Бахтин, 1986: 484]. То есть любой текст уже является языковым выражением мира, отраженного и преломленного сознанием автора. Во время перевода, согласно интерпретативной модели перевода Д. Селескович и М. Федерер, переводчик извлекает смысл из текста, то есть производит девербализацию сообщения, созданного автором, а затем находит средства выражения этого смысла в языке перевода [Основные..., 2010: 46–47]. Таким образом, прежде чем перевести текст, его интерпретирует сам переводчик, и только потом иноязычные читатели [Гарбовский, 2007: 213].

Однако в автопереводе (авторском переводе, коим является перевод романа Владимира Владимировича Набокова «Лолита», выполненный им самим) нет преломляющего сознания другого человека-переводчика. Текст не преломляется через его ментальную сферу, которая может отличаться от ментальной сферы автора и не всегда успешно учитываться переводчиком, как указывает Т. А. Янссен-Фесенко: «воспринимаемый переводчиком исходный текст никогда не будет наполнен для него тем смыслом, который вкладывал в него автор» [Янссен-Фесенко, 2013: 69], так как «для осуществления акта перевода актуален и релевантен именно тот фрагмент когнитивной сферы переводчика, который образуется при «пересечении» когнитивных сфер автора ИТ и переводчика» [Янссен-Фесенко, 2013: 70].

В связи с этим мы считаем необходимым отличать понятия «интерпретация» как часть процесса перевода, предложенную выше, и «интерпретацию» как способ отражения мира в сознании человека. Как подчеркивает Г. В. Колшанский, цитируя Э. Косериу, «так как язык дает картину мира, он не может быть одновременно интерпретацией этого мира, а напротив, допускает различные интерпретации» [Кол-

шанский, 1990: 48]. Это означает, что человек имел возможность «воспринимать мир и до языка», а разные языки закрепляют «опыт народа» и дают нам средство «владения чужим и своим сознанием» [Колшанский, 1990: 49], то есть интерпретация мира лишь выражается языковыми средствами и может быть передана языком разными способами.

В этой связи автоперевод представляет особый интерес, поскольку автор и переводчик сочетаются в одном лице, представляя собой сознание, интерпретирующее действительность, находящее средства для ее вербального отражения сначала в одном языке, а затем в другом.

В монографии J. W. Hokenson и M. Munson для этого явления даже используется термин “bilingual text” (двуязычный текст). Авторы имеют большую свободу, и могут ставить перед собой задачу донести свои мысли, образы, свой текст до читателей двух различных культурных групп, адаптировать его для другой культурной группы [Hokenson, Munson, 2007: 82–90].

Автоперевод при этом не лишен трудностей, с которыми сталкивается обычный переводчик. Говоря об авторском переводе «Лолиты», основной трудностью становится стиль письма оригинального текста, насыщенного неологизмами, аллитерациями, глубокими метафорами, иронией, а также сложный и многоструктурный язык главного героя, Гумберта Гумберта. Сам Набоков называл это «ловушками», с которыми трудно справиться при переводе, и перевод которых мог исказить основной смысл романа. В своем интервью немецкому журналу “Die Zeit” 1996 года он говорит о сложностях передачи реалий, которые на тот момент были незнакомы советскому читателю: «немало хлопот мне доставлял еще и заокеанский аромат этой книги. Очень трудно было переводить некоторые технические обороты, названия повседневных для американцев вещей» [Деспот...: эл. рес.]. Не всегда можно наложить исходный текст, изначально написанный для американского круга читателей, и направленный на американский менталитет, на текст для другой языковой группы со языковой картиной мира и культурными особенностями.

В. В. Набоков, в свою очередь, в послесловии к русскому изданию, утверждает, что проблема культурных различий и стала для него основной сложностью. Саму атмосферу Америки было тяжело донести через русскую версию; поэтому Набоков старался изменить текст так, чтобы он принял русскую форму (именно поэтому автор иногда целенаправленно заменял одни слова другими, имеющими иное значение,

добавлял и убирал информацию, ссылаясь на других людей и источники, знакомые русскоязычному читателю). В русском послесловии к роману автор пишет: «Научная добросовестность побудила меня сохранить в русском тексте последний параграф вышеприведенного американского послесловия, несмотря на то, что он может только ввести в заблуждение русского читателя, не помнящего, или не понимавшего, или вообще никогда не читавшего книг «В. Сирина»» [Набоков, 2024: 525], подчеркивая сложность не только перевода, но и частичной адаптации «Лолиты».

Автор понимал, что текст является многогранным, содержащим множество особенностей, и что осилить этот перевод может только сам автор. Владимир Владимирович не хотел, чтобы русскоязычные люди прочли искаженную версию «Лолиты» [Набоков, 2024: 529], и именно это побудило Набокова перевести роман. Некоторые переводчики, такие как Сергей Ильин и Геннадий Барабтарло, всё-таки попробовали взяться за перевод нашумевшей «Лолиты». Согласно мнению литературного критика В. Топорова, «Лолита» Барабтарло была более технична, в ней отсутствовало стремление адаптировать американский текст на русский лад. Сергей Ильин, наоборот, старался прочувствовать произведение через призму русского духа и культуры [Топоров, 2025: эл. рес.]. Сам С. Ильин, отмечал, что у читателей, несомненно, может возникнуть путаница из-за нескольких вариаций переводов оригинала [Ильин, 1999].

Ответить получился ли авторский перевод более «верным» оригиналу, пожалуй, с достоверностью невозможно. Однако учитывая факт интерпретации реальности одним и тем же сознанием и передачу ее с помощью средств разных языков, можно заключить, что автор невольно стремился соблюдать главное требование динамической эквивалентности Ю. Найды – эквивалентный эффект (*equivalent effect*), заключающейся в задаче создать перевод, который в целевой лингвокультуре так же воздействовал бы на читателя, как оригинал в своей [Nida, 1964: 159]. Достичь этой цели полностью, конечно, не представляется возможным ввиду разности языков и культур, однако можно предположить, что автор, понимая, какое воздействие его произведение должно иметь на американского читателя, смог наиболее приблизиться к воссозданию этого эффекта для русскоязычной аудитории. Полученный текст не претерпевал интерпретации другим переводчиком, а сразу предлагался интерпретации читателя.

В романе «Лолита» автору-переводчику не всегда удавалось передать те же приемы, которые использовались в английском тексте. К примеру, аллитерация в следующем отрывке: *“Leslie, old Miss Opposite’s gardener and chauffeur, a very amiable and athletic Negro, grinned at me from afar and shouted, re-shouted, commented by gesture, that I was mighty energetic today”* [Набоков, 2022: 99] компенсируется в других частях текста и с помощью других согласных: *«Симпатичный Томсон, атлетический негр, служивший у старушки насупротив садовником и шофером, широко улыбнувшись мне издали, крикнул, и повторно крикнул, комментируя крик жестом, что я, мол, необычно энергичен нынче»* [Набоков, 2024: 129]. В данном примере можно отметить разные имена, разное строение предложений, которое, однако имеет характерное дробление, создающее ритм.

Имена и географические названия В. В. Набоков часто адаптировал, как, например, *“Hourglass Lake”* [Набоков, 2022: 123] – озеро, расположенное в горах одного из штатов США – в русском переводе стало *«Очковым озером»* [Набоков, 2024: 155]. Скорее всего, автор хотел сделать акцент на форме озера, что было важно для повествования. Однако определение *“Hourglass”* описывает форму песочных часов, в то время как *«Очковое»* в форме очков, отличающейся от действительной формы озера, больше похожей на два соединенных треугольника.

В то же время автор прибегает иногда к нарочито иностранным средствам, таким как *«брекфаст»*, *«клозет»*, *«рефрижератор»*, несмотря на наличие эквивалентов в русском языке.

Выбор языковых средств описания эмоций персонажей также может по-разному влиять на восприятие текста, образов главных героев и всего сюжета. Например, при создании образа Г. Гумберта, сгорающего от нетерпения и страсти автор выбирает сильные выражения: *“Never did she vibrate under my touch, and a strident ‘what d’ you think you are doing’ was all I got for my pains”* [Набоков, 2022: 229]. В этом фрагменте используется слово *“pains”*, которое наделено оттенком боли, страданий. В русском переводе выбран эквивалент, не несущий в себе этих оттенков смысла: *«Никогда не вибрировала она под моими перстами, и визгливый окрик “что ты, собственно говоря, со мной делаешь?” был мне единственной наградой за все старания её растормошить»* [Набоков, 2022: 275]. Слово *«старания»*, не передающее в той степени интенсивности чувств персонажа, из-за чего у читателя может сложиться несколько иной образ.

В результате рассмотрения автоперевода как интерпретативной деятельности можно сделать вывод о том, что процесс перевода самим автором принципиально отличается от перевода, выполняемого другим человеком. В автопереводе автор имеет перед собой интерпретируемую им реальность, тогда как в обычной ситуации перевода предметом интерпретации остается текст.

Литература

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
3. Деспот в своем мире. Интервью Владимира Набокова газете «Цайт»: [эл. ресурс]. – URL: <https://www.labirint.ru/news/16869/> (дата обращения: 03.03.2025).
4. Ильин С. Б. Моя жизнь с Набоковым / С. Б. Ильин // Знамя, 1999, № 4.
5. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. / Г. В. Колшанский – М.: Наука, 1990. – 107 с.
6. Набоков В. В. Лолита: книга для чтения на английском языке / В. В. Набоков. – Санкт-Петербург: КАРО, 2019. – 544 с.
7. Набоков В. В. Лолита / В. В. Набоков. – М.: АСТ: CORPUS, 2024. – 544 с.
8. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт): терминологический словарь-справочник / В. Н. Базылев [и др.]. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2010. – 260 с.
9. Топоров В. Лолита, которую мы потеряли // Актуальные комментарии: [эл. ресурс]. – actualcomment.ru/lolita_kotoruyu_my_poteryali.html (дата обращения: 21.02.2025).
10. Урубкова Л. М. Интерпретация и перевод / Л. М. Урубкова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. – № 3. – С. 145–158.
11. Янссен-Фесенко Т. А., Вайгель А. Л. Перевод в структуре ментального пространства: концептуальный подход / Т. А. Янссен-Фесенко, А. Л. Вайгель // Язык и культура. 2013. № 4 (24). – С. 66–76.
12. Hokenson J. W., Munson M. The Bilingual Text. History and Theory of Literary Self-Translation / J. W. Hokenson, M. Munson. – Routledge, 2007. – 236 p.
13. Nida E. Toward a Science of Translating: With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating / E. Nida. – Leiden, Netherlands: E. J. Brill. – 331 p.

А. Р. Рябова

(Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязева)

НЕОЛОГИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ АНТРОПОНИМА «ДОНАЛД ТРАМП» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Современные масс медиа занимаются не только информированием общества, но и формированием общественного мнения. Неологизмы представляют собой особый вид словотворчества, используемый журналистами для быстрой и емкой реакции на события в обществе. В статье рассматриваются неологизмы, образованные от антропонима «Дональд Трамп», и их морфологические и семантические особенности. Материалом для анализа стали тексты британских СМИ.

Ключевые слова: неологизм, лексика, словообразование, язык СМИ, масс медиа, Трамп.

NEOLOGISMS DERIVED FROM THE ANTHROPONYM “DONALD TRUMP” IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA

Modern mass media not only inform the public, but also shape public opinion. Neologisms are a special type of word creation used by writers as a quick response to events in society. The article examines neologisms derived from the anthroponym “Donald Trump” and their morphological and semantic features. British media texts served as the material for the analysis.

Keywords: neologism, vocabulary, word formation, media language, mass media, Trump.

Массмедиа являются неотъемлемой составляющей жизни. Сегодня СМИ занимаются не только передачей новостных сообщений, но и ярко демонстрируют текущее положение дел в государстве и мире. Современные массмедиа – это мощный инструмент влияния на аудиторию, это орудие господствующих классов, нацеленное на обработку масс и создание у них определённого мнения.

Западные массмедиа спонсируются и контролируются крупными политическими партиями или крупными компаниями, следовательно, они отражают мнение и продвигают идеологию людей, которым принадлежат [Шамдиди, 2020: 150–160]. Несмотря на тот факт, что СМИ

обязаны быть нейтральными и беспристрастными, они ярко отражают позицию автора текста по тем или иным вопросам. Журналисты и публицисты являются проводниками идеологий, используя самые разные способы воздействия на умы читателей и создания настроения у широких масс. Одним из таких способов является словотворчество. Авторы текстов вводят новые понятия – неологизмы, которые максимально емко и красочно отражают их реакцию на актуальные политические события и процессы в мире.

Особый интерес представляют неологизмы, образованные от антропонимов, поскольку считается, что у антропонимов лексическое значение отсутствует [Лисицина, 2013]. Антропонимам свойственно только называть человека, а не приписывать ему никаких свойств. Однако антропонимы существуют не только обособлено от других лексических единиц, но и могут стать частью нового слова-неологизма. В связи с высоким вниманием к конкретным политическим фигурам, их имена и фамилии превращаются в лексемы, которые активно используются в языке как основы новых словообразовательных гнезд и парадигм [Анисимков, 2019: 38–46].

В данной статье мы обратимся к неологизмам, образованным от антропонима «Дональд Трамп». Дональд Трамп – личность неординарная и медийная, его имя постоянно фигурирует в сводках новостных лент. Его любят и ненавидят, боготворят и проклинаят. Подобное отношение к данной персоне находит отражение и в словотворчестве журналистов.

Материалом для исследования послужили англоязычные британские СМИ, такие как The Guardian и Daily Mail. Как известно, газета The Guardian представляет собой леволиберальную газету, а таблоид Daily Mail в свою очередь считается правой газетой.

Рассмотрим морфологические особенности обнаруженных неологизмов. Аффикация является наиболее продуктивным способом образования неологизмов. Нами были обнаружены следующие примеры: *sub-Trump hand gestures, Trumpy, post-Trump era, out-Trump, Trumpism, pro-Trump, Trumpian, anti-Trumpism, anti-Trump, Trumpless debate, pre-Trump, Ex-Trump, Trampification* и др.

Авторами часто используют словосложение для образования нового понятия: *Trumpworld, Trump-proofing, never-Trumpers, Trumplandia, Trump-Fox town hall, Trump-style government, Trumpland, Trump Tower, Trump country, Trump-Kim mania, Trump effect, Trumps-*

style cards, Trump backers, Trump-inspired, Trump-shaped ecstasy pills и др.

Кроме того, нами было обнаружено образование неологизмов путем словослияния: *Trumpery* (*Trump* + *emperry*), *Trumponomics* (*Trump* + *economics*) и др. Появляются, в том числе и устойчивые выражения, например, *to go Trumpy*. Подобные неологизмы настолько глубоко входят язык, что образуют целые словообразовательные гнезда: *Trumpification* → *De-Trumpification* → *Trumpificate*.

Анализируя семантику неологизмов, можно отметить следующие тенденции. Данные лексические единицы могут нести нейтральное значение, например, *post-Trump* – период после первого президентского срока Трампа и *pre-Trump* – период перед его повторным сроком; *Trump Tower* – небоскреб, принадлежащий Трампу и др. Неологизмы, основанные на имени Дональда Трампа, несут также резко отрицательное значение: ...who will live in this new *Trumpy* *utopia*... – нереальная ситуация, которая существует только в воображении Трампа; *Australia is not immune to Trumpian echoes* – в данном предложении неологизм *Trumpian* знаменует некие негативные последствия для Австралии. Неологизмов с резко положительным значением выявлено не было.

Стоит также отметить, что политическая направленность газеты влияет на значение авторских неологизмов и их количество. Наибольшее число неологизмов было обнаружено на либеральной платформе *The Guardian*, также именно это СМИ демонстрирует наличие неологизмов с резко отрицательными коннотациями. Так, например, описывая выпуск книги бывшего премьер-министра Великобритании Лиз Трасс, публицист использует выражение *go all Trumpy* (*In this regard the 48-year-old has gone all Trumpy*...). Тем самым автор довольно явно выражает свое отношение по поводу происходящего: Трасс окружает себя льстецами и лжецами, подобно Дональду Трампу. Еще одним примером может послужить описание предвыборной гонки. В *Daily Mail* встречается выражение *Trump country* (*Kamala Harris goes to Trump country in Pennsylvania*), которое имеет нейтральную окраску и описывает штат, где Трамп по оценкам набирает большее количество голосов избирателей. В *The Guardian* ситуация в либеральном штате Калифорния описывается при помощи глагола *Trump-proofing* (*How California has been “Trump-proofing” itself against federal reprisal.*), который в данном примере показывает, что

штат борется и пытается защитить себя от «плохого» Трампа и его законодательных изменений.

Таким образом, неологизмы, мотивированные именем собственным, находят свое отражение в современных средствах массовой информации. Авторы текстов создают большое количество неологизмов, которые впоследствии могут образовать целые лексические парадигмы. Создавая неологизмы, журналисты прибегают к самым разным словообразовательным способам, среди которых выделяется аффиксация, словосложение и словослияние. В зависимости от направленности СМИ значения неологизмов будут варьироваться от нейтрального до резко негативного.

Словотворчество в СМИ демонстрирует теснейшую связь с экстралингвистическими факторами, отражая не столько само появление новых реалий, сколько отношение к ним общества. В зависимости от направленности СМИ и целевой аудитории, значение неологизмов будет варьироваться от нейтрального до резко негативного.

Литература

1. Анисимков М. И. Неолексемы и неофраземы современного русского языка, мотивированные именем собственным Дональд Трамп: общая характеристика / М. И. Анисимков // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых. 2019. – С. 38–46. URL: https://www.researchgate.net/publication/348975790_NEOLEKSEMY_I_NEOFRAZEMY_SOVREMENNOGO_RUSSKOGO_AZYKA_MOTIVIROVANNYE_IMENEM_SOBSTVENNYM_DONALD_TRAMP_OBSAA_HARAKTERISTIKA (дата обращения: 13.03.2025).

2. Лисицына В. О., Арутюнов Э. К. Концептуализация имени собственного в составе английских бизнес-неологизмов // ИСОМ. 2013. – № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-imeni-sobstvennogo-v-sostave-angliyskih-biznes-neologizmov> (дата обращения: 13.03.2025).

3. Шамлиди Е. Ю. Язык СМИ и его роль в переводческой деятельности (на материале англоязычной общественно-политической публицистики) // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. – № 12. – С. 150–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-i-ego-rol-v-perevodcheskoy-deyatelnosti-na-materiale-angloyazychnoy-obshchestvenno-politicheskoy-publitsistiki> (дата обращения: 14.03.2025).

А. С. Саврацкая

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современное развитие информационных технологий оказывает существенное влияние на все сферы профессиональной деятельности, включая переводческую. Цель данной статьи – рассмотреть ключевые информационные технологии, используемые в переводе, их влияние на производительность и качество перевода, а также перспективы развития данного направления. Особое внимание уделяется компьютерной лингвистике, машинному переводу, системам автоматизированного перевода (CAT-инструментам), терминологическим базам данных и системам управления переводческими проектами.

Ключевые слова: информационные технологии, перевод, переводческая деятельность, машинный перевод, терминологические базы, переводческие системы.

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE FIELD OF TRANSLATION

The modern development of information technologies has a significant impact on all areas of professional activity, including translation. The purpose of this article is to examine the key information technologies used in translation, their effect on productivity and translation quality, as well as the prospects for further development in this field. Particular attention is given to computational linguistics, machine translation, computer-assisted translation (CAT) tools, terminology databases, and translation project management systems.

Keywords: information technology, translation, translation activity, machine translation, terminology databases, translation systems.

Переводческая деятельность сегодня не может существовать в отрыве от информационных технологий. Они обеспечивают переводчикам доступ к лингвистическим ресурсам, ускоряют рабочие процессы и способствуют повышению точности и консистентности переводов. Эволюция от бумажных словарей к цифровым платформам, от ручного перевода к машинному и автоматизированному – всё это является следствием информационно-технологического прогресса.

Машинный перевод – это автоматический перевод текста с одного языка на другой без участия человека. Наиболее известные системы – Google Translate, DeepL, Yandex Translate. Современные системы основаны на нейронных сетях (Neural Machine Translation, NMT), что обеспечивает более точный и естественный перевод по сравнению с предыдущими статистическими моделями.

Машинный перевод (МП) обладает рядом существенных преимуществ, благодаря которым он всё шире применяется в переводческой практике. Прежде всего, это высокая скорость обработки текстов: современные системы машинного перевода способны переводить большие объёмы информации за считанные секунды, что особенно важно при работе с ограниченными сроками. Кроме того, нейросетевые модели последнего поколения обеспечивают сравнительно высокий уровень точности и плавности перевода, особенно в тех тематиках, где имеется обширная обучающая база. Машинный перевод также позволяет быстро получить общее представление о содержании текста на иностранном языке, что полезно при предварительном анализе документов. При использовании в сочетании с постредактированием (редактированием перевода человеком) МП значительно ускоряет рабочий процесс, снижая временные и финансовые затраты при сохранении приемлемого качества. Таким образом, машинный перевод становится эффективным инструментом при решении задач массового и многоязычного перевода [Kenney, 2011: 87].

Несмотря на значительный прогресс в области машинного перевода (МП), эта технология всё ещё имеет ряд ограничений. Одной из основных проблем остаётся недостаточная точность при переводе сложных, стилистически насыщенных или контекстно зависимых текстов. Машинный перевод не всегда способен адекватно передать нюансы, идиомы, культурно обусловленные выражения и тональность оригинала. Особенно это заметно при работе с художественными, юридическими или маркетинговыми текстами, где требуется не только лингвистическая точность, но и креативный подход. Кроме того, системы МП подвержены ошибкам при переводе многозначных слов и синтаксически сложных конструкций. Ещё одним недостатком является отсутствие у машины когнитивных и прагматических способностей, что делает её неспособной к полноценному пониманию смысла и намерений автора. В результате, без постредактирования машинный перевод редко достигает уровня, приемлемого для профессионального использования.

CAT-инструменты (например, SDL Trados, MemoQ, Wordfast, Smartcat) – это системы, которые помогают переводчику, но не заменяют его. Они включают функции памяти переводов (Translation Memory), терминологических баз, подсказок и сопоставления фраз [Bowker, 2010: 104].

Одним из главных преимуществ CAT-систем является использование памяти переводов (Translation Memory), которая позволяет автоматически подставлять ранее переведённые сегменты текста. Это способствует сохранению терминологической и стилевой согласованности во всём документе, особенно при работе с крупными проектами или повторяющимися фрагментами. Вторым важным достоинством является интеграция терминологических баз, что позволяет быстро находить и использовать утверждённые термины, снижая риск ошибок и обеспечивая соответствие отраслевым стандартам. CAT-системы также значительно ускоряют процесс перевода за счёт автоматизации рутинных операций и предоставления переводчику контекстных подсказок. Кроме того, большинство современных CAT-инструментов поддерживают функции совместной работы, позволяя нескольким переводчикам одновременно работать над проектом с централизованным управлением версий и задач. Всё это делает CAT-системы неотъемлемой частью профессиональной переводческой практики в условиях современных рыночных требований.

Терминологические базы (например, IATE, Termium, Multiterm) являются незаменимыми при работе с научными, техническими и юридическими текстами. Параллельные и специализированные корпуса (например, OpenSubtitles, Europarl) позволяют анализировать переводческие решения и обеспечивают эмпирическую базу для сравнительного лингвистического анализа.

Системы, такие как XTM, Plunet, Smartcat, позволяют оптимизировать процессы планирования, назначения задач, контроля качества и сроков исполнения. Это особенно важно при работе в команде или с фрилансерами, распределёнными по всему миру.

Информационные технологии изменили роль переводчика: теперь он не просто носитель лингвистических знаний, а специалист по управлению переводческим процессом, анализу данных и постредактированию машинного перевода. От переводчика требуется не только языковая компетенция, но и техническая грамотность.

Будущее переводческой деятельности связано с дальнейшим развитием:

- Искусственного интеллекта и машинного обучения;
- Гибридных моделей перевода (человек + ИИ);
- Интеграции с голосовыми и визуальными технологиями;
- Разработки специализированных решений для узких профессиональных сфер [O'Hagan, 2016: 106].

Информационные технологии в переводе – это не просто инструменты, а важнейшая часть профессии, определяющая её развитие и эффективность. Грамотное использование ИТ позволяет переводчику справляться с растущими объёмами информации, обеспечивать высокое качество перевода и адаптироваться к быстро меняющимся требованиям рынка.

Литература

1. Пиванова Э. В. Теория и практика машинного перевода / Пиванова Э. В. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. – 114 с.
2. Bowker, L., Fisher D. Computer-aided translation technology: A practical introduction / L. Bowker, D. Fisher. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2010. – 187 p.
3. Kenny D. The Routledge Handbook of Translation Studies / D. Kenny. – New York: Routledge, 2011. – 125 p.
4. O'Hagan M. The Routledge Handbook of Translation and Technology / M. O'Hagan. – New York: Routledge, 2016. – 127 p.

УДК 81-26:347.78.034

А. С. Саврацкая, А. П. Кока

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ В СФЕРЕ ДИЗАЙНА ИНТЕРЬЕРА

Данная статья посвящена анализу переводческих приемов, использованных в русском переводе книги «Дизайн интерьеров: 6000 лет истории (2-е издание)» Джона Пайла. Объектом исследования выступает английская терминология в сфере дизайна интерьера. Предметом – переводческие приёмы, использованные при переводе книги. Основной задачей исследования стало

определение эффективности различных трансформаций с точки зрения сохранения точности и выразительности текста.

Ключевые слова: перевод, терминология, дизайн, интерьер, лексические трансформации, грамматические трансформации, приемы перевода.

SPECIFIC FEATURES OF TRANSLATING INTERIOR DESIGN TERMINOLOGY

This article is devoted to the analysis of translation techniques used in the Russian translation of John Pile's book *Interior Design: 6,000 Years of History* (2nd edition).

The object of the study is English-language terminology in the field of interior design. The subject of the study is the translation techniques applied in the translation of the book.

The main objective of the research is to assess the effectiveness of various transformations in terms of preserving the accuracy and expressiveness of the text.

Keywords: translation, terminology, design, interior, lexical transformations, grammatical transformations, translation techniques.

Переводческая деятельность играет важную роль в межкультурной коммуникации, обеспечивая доступ к знаниям, культуре и истории различных народов. В процессе перевода особое значение имеет выбор переводческих приемов, которые позволяют не только передать смысл оригинального текста, но и адаптировать его к особенностям языка перевода.

Термин представляет собой сложную структуру: с одной стороны, это лексическая единица языка, к которой применимы все характеристики слова или словосочетания, а с другой стороны, это знак, отличающийся от лексических единиц тем, что он выражает научное понятие.

«Термин – слово или словосочетание, являющееся названием определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства» [Ожегов, 2014:1185].

В рамках анализа была рассмотрена система, предложенная В. Н. Комиссаровым, включающая:

1. Лексические трансформации
2. Лексико-семантические замены (генерализация, конкретизация, модуляция)
3. Грамматические трансформации

4. Комплексные лексико-грамматические трансформации

5. Технические приёмы перевода [Комиссаров, 1990].

Книга Джона Пайла «Дизайн интерьеров: 6000 лет истории» (2-е издание) представляет собой фундаментальный труд в области истории и эволюции интерьерного дизайна. Автор подробно рассматривает ключевые стили, тенденции и принципы оформления интерьеров, начиная с древних цивилизаций и заканчивая современными направлениями. Книга содержит множество иллюстраций, чертежей и фотографий, что делает изложение материала более наглядным и доступным.

Low benches or couches were generally covered by textiles, carpets, and rugs [Pile, 2005:74].

Низкие скамьи и диваны обычно покрывались тканями, коврами или покрывалами [Пайл, 2007:74].

В данном примере перевода наблюдается конкретизация термина “rugs” – вместо прямого соответствия «ковры» (которое уже использовано для “carpets”) выбрано слово «покрывала». Это решение продиктовано стремлением избежать лексического повтора и расширить семантическое поле описания.

Bulbous feet and table legs were favorite Baroque details [Pile, 2005:191].

Ножки столов и стульев в стиле барокко часто имеют форму балясины [Пайл, 2007:191].

В данном примере переводческая трансформация сочетает несколько приемов для адаптации специализированного текста. Прежде всего, мы видим калькирование термина “Baroque” как «барокко» с добавлением «в стиле», что соответствует русской традиции описания стилей дизайна интерьера (ср. «стиль рококо», «стиль ампир»). Термин “Baroque” как «барокко» также является примером калькирования с фонетической адаптацией. Исходное итальянское слово “barocco” (а через него – английское “Baroque”) было заимствовано в русский язык с сохранением общей звуковой структуры, но с адаптацией под русскую фонетику и орфографию. Это классический пример межъязыковой кальки, где термин переходит из языка в язык с минимальными изменениями, сохраняя узнаваемость. При этом в русском языке ударение сместилось на второй слог (баро́кко), что отличает его от английского произношения.

The color palette of the Renaissance, with its basis in gray stone, marble, white (or off-white) plaster, and natural walnut wood, survived in the Italian Baroque [Pile, 2005:160].

Цветовая палитра Ренессанса (серый камень, белый мрамор, белая (или **кремовая**) штукатурка и натуральное дерево) **использовалась** и в итальянском барокко [Пайл, 2007:160].

Опущение фразы “with its basis” упрощает структуру предложения без потери смысла, так как перечисление материалов фактически раскрывает основу цветовой палитры. Модуляция “off-white” как «кремовая» удачно передает оттенок, используя более привычное для русского языка обозначение. Опущение конкретного вида древесины (“walnut”) в пользу, обобщенного «натуральное дерево» считается оправданным, так как контекст не требует специальной точности в определении породы. Глагол “survived” нейтрализован до «использовалась», что адекватно передает идею продолжения традиции, хотя и с некоторым ослаблением образности оригинала.

Low benches or couches were generally covered by textiles, carpets, and rugs [Pile, 2005:74].

Низкие скамьи и диваны обычно покрывались тканями, коврами или **покрывалами** [Пайл, 2007:74].

В данном примере перевода наблюдается конкретизация термина “rugs” – вместо прямого соответствия «ковры» (которое уже использовано для “carpets”) выбрано слово «покрывала». Это решение продиктовано стремлением избежать лексического повтора и расширить семантическое поле описания.

Wood came to be used for some paneling or trim [Pile, 2005:190].

Дерево использовалось для **облицовки** [Пайл, 2007:190].

В данном переводе использованы два переводческих приема: опущение и генерализация. Опущение проявляется в том, что выражение “came to be used” передано просто как «использовалось», без указания процесса становления. Генерализация заметна в передаче (“paneling” как «панельная обшивка» и “trim” как «декоративные элементы»), сводятся к обобщающему понятию «облицовка».

Thonet chairs and other furniture types made up of a number of pieces of Bentwood were strong, light, and inexpensive, and so came into wide use as seating in cafés and restaurants and in informal residential interiors [Pile, 2005:261].

Кресла и другие предметы мебели, **изготовленные фирмой братьев Тонет** из изогнутого дерева, были прочными, легкими и недорогими и **нашли** широкое применение в кафе и ресторанах, а также в **домах** [Пайл, 2007:261].

В данном переводе используется несколько переводческих приемов. Перестановка используется для изменения структуры предложения: в оригинале сначала описываются материалы и характеристики мебели, затем ее использование. Грамматическая замена с добавлением используется в передаче “Thonet chairs” как «изготовленные фирмой братьев Тонет», где добавляется пояснение о производителе, которого нет в оригинале. Это делает текст более информативным для русскоязычного читателя. Конкретизация проявляется в переводе “came into wide use” как «нашли широкое применение». Генерализация применяется в передаче “informal residential interiors” как «домах» вместо дословного «неформальных жилых интерьеров», что упрощает текст без потери смысла.

*One such was the **court cupboard**—actually an open shelf unit with three tiers **intended for the display of silver ornamental and serving pieces** [Pile, 2005:193].*

Одна из них – **шкаф для посуды**, представлявший собой **конструкцию** из открытых полок, расположенных в три ряда [Пайл, 2007:193].

Опускание применяется к слову “court”, опуская исторический нюанс (связь с дворцовым интерьером), но сохраняя функциональное назначение. Слово “cupboard” передано через описательный перевод – «шкаф для посуды». Слово “unit” переведено как «конструкция», что является конкретизацией, поскольку подчеркивает, что речь идет о мебельной конструкции. Фраза “intended for display of silver ornamental and serving pieces” была опущена, так как контекст (предназначение для размещения посуды) уже подразумевается в переводе.

*It is a romantically composed block of brick, with **green copper** roofs and a great tower beautifully sited by a lake [Pile, 2005:319].*

Это романтическое сооружение из кирпича с **медной зеленой** крышей и великолепной башней красиво возвышается над озером [Пайл, 2007:319].

В данном случае переводческий прием инверсия используется для изменения порядка слов, чтобы передать информацию более естественно на языке перевода и сохранить более плавное звучание на русском языке.

*While the marble fire place surround with mirror above and curtained bed, chairs, and drapery are all in related **golden yellow** colors [Pile, 2005:178].*

Мраморный камин, кровать, кресла и занавеси декорированы с использованием **золота** [Пайл, 2007:178].

В русском переводе было опущено слово “yellow”, что может быть оправдано стремлением сделать фразу более лаконичной, сохраняя при этом основной смысл.

В результате анализа было установлено, что наибольшее количество трансформаций составили лексико-семантические замены (43 %), что указывает на стремление передать значение оригинала с учётом особенностей целевого языка. Значительную долю также составили технические приёмы перевода (34 %), направленные на перестройку текста для лучшего восприятия. Реже применялись грамматические трансформации и лексико-грамматические трансформации (8 %), а лексические трансформации встречались лишь 7 %.

Таким образом, анализ показал, что наиболее эффективными в данном случае оказались приёмы, предполагающие переосмысление и адаптацию исходных элементов оригинального текста.

Литература

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1991. – 253 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2014. – 1376 с.
3. Пайл Д. Дизайн интерьеров: 6000 лет истории. – Москва: ООО «Издательство Астраль», 2007. – 464 с.
4. Pile J. A History of Interior Design. – London: Laurence King Publishing Ltd, 2005. – 469 p.

УДК 81.27

А. А. Салихова, П. Ю. Ерепова

(Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова)

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В данной статье рассказывается о важности сохранения языка на примере двух народов, проживающих на территории Российской Федерации – татары и ханты, их национальных праздниках и традициях. А также о видах языковых семей и межкультурной интеграции.

Ключевые слова: язык, языковая семья, татары, ханты, межкультурная интеграция, культурные традиции.

LANGUAGE AS A MEANS OF PRESERVING CULTURAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

This article describes the importance of preserving the language on the example of two nations living on the territory of the Russian Federation – Tatars and Khanty, their national holidays and traditions. And also about the types of language families and cross-cultural integration.

Keywords: language, language family, Tatars, Khanty, cross-cultural integration, cultural traditions.

Today, more than 5,000 different peoples live on Earth, and they speak a total of 7,164 languages. These languages are divided into families, with each family encompassing multiple groups. A language family is a group of languages related through linguistic kinship to a common ancestral language or, as it is also called, the parent language, which in linguistics is called the proto-language of this family. There are 142 language families in the world, the largest of which are Indo – European, Sino-Tibetan, Niger-Congo, Afrasian, and Austronesian. As mentioned earlier, each family is divided into groups. For instance, the Indo-European language family includes the Slavic group, which comprises Russian, Belarusian, Ukrainian, Polish, Czech, Serbian, and others. The Romance group, on the other hand, includes Spanish, French, Moldavian, Italian, and others. While these languages may share some similarities, they are not identical. Each language has its own unique history and culture, reflecting the rich heritage of its speakers.

Over its centuries-old history, Russia has gained and lost many lands, and about 200 different nations live on its territory, with the Russians being the most numerous. Due to the long-term residence of various ethnic groups in the same territory, cross-cultural integration has taken place. Cross-cultural integration is a process in which different cultures co-exist, actively exchanging values and traditions, but each retaining its own unique characteristics. As a result, it is almost impossible to find a single Russian who has never heard of Tatar chak-chak, Belarusian draniki, or Ukrainian borscht. However, despite this successful integration, the peoples of central Russia may not understand some words and expressions from other parts of the world.

The second largest people in Russia are the Tatars. Tatars are a Turkic people who primarily profess Islam and possess genetic and linguistic features that distinguish them from the Russians. In Russia, there are several types of Tatars who speak their own dialect of the Tatar language. 53 % of Tatars live in the Republic of Tatarstan and the surrounding regions: the Ulyanovsk region, the Republic of Bashkortostan, the Chuvash Republic, the Samara Region, and the Udmurt Republic.

You can distinguish Tatar from Russian by the language itself. The Tatar language belongs to the Turkic language family, which also includes Chuvash, Kazakh, Turkish, and others. It was from Tatar to Russian that the words for money, reed, chest, jasmine, and others passed [Shipova, 1976: 172]. Thanks to their language, the Tatar people have preserved many traditions.

Every year, Sabantuy is celebrated in Tatarstan and neighboring regions. This annual national holiday marks the end of spring field work among Tatars and Bashkirs. A similar holiday exists among the Chuvash people (Akatui), as well as among other peoples of the Volga region (Mari, Mordvins, Udmurts), as well as among some Turkic peoples of the Caucasus (Balkars and Nogais). Nauryz is a holiday celebrating the arrival of spring and New Year according to the astronomical solar calendar among Iranian and Turkic peoples. Additionally, there are Islamic holidays such as Eid al-Fitr and Eid al-Adha [Urazmanova, 2001: 37].

In the north of Russia, there are approximately 31,000 to 35,000 Khanty people. The Khanty are a small indigenous Finno-Ugric people living in the north of Western Siberia, primarily in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra. Their traditional activities include fishing, hunting, and reindeer husbandry. Their traditional religion is shamanism and Orthodoxy, which has been practiced since the 16th century. The Khanty belong to the transitional race between Mongoloid and Caucasian-Uralic. They speak the Khantyn language, which is part of the Finno-Ugric language family.

One of their distinctive features is their traditions. The Khanty calendar year consists of two half-years, each of which is considered a separate time interval. Their folk festivals are associated with the animals they worshipped. For instance, in spring, Crow's Day is celebrated, marking the onset of heat, which is announced by crows. In May, the holiday of the Water King is held after the opening of rivers when the ice flow begins. Of particular importance is the Bear Festival, which hunters arrange in honor of the killed bear [Nikishenkov, 1999: 55].

The connection between language and culture is undeniable. Through language, you can trace the entire history of a people, their migrations, interactions with other cultures, the creation of their own traditions, and even the disappearance of people. Unfortunately, at the moment, more and more people are stopping speaking their native language. The only exceptions are those who live far from civilization. In modern Russian schools, the main language is Russian, and only a few subjects have introduced the study of their native language in the program. However, language is an essential part of a nation's culture, and it must be preserved.

Литература

1. Ethnologue – the world's largest catalog of languages. Archived copy from December 27, 2007 on Wayback Machine. Accessed: March 3, 2025.
2. Institute of Scientific Information in Social Sciences (Russian Academy of Sciences). Russia and the Muslim World / Institute of Scientific Information on Social Sciences (Russian Academy of Sciences) // Issues 1–3. – Institute, 2008.
3. Large encyclopedia. Sabantuy / Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar ' [Big Encyclopedia]. A. M. Prokhorov. – 1st ed. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. – ISBN 5-85270-160-2.
4. *Galaktionova Zh.* Khanty-manly inhabitants of the North / W. Galaktionova // travelask.ru. 2019. Accessed: March 3, 2025.
5. *Nikishenkov A. A.* Traditional etiquette of the peoples of Russia. XIX-early XX centuries. / A. A. Nikishenkov. Moscow: Stary Sad Publ., 1999, 77 p.
6. Permanent population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2024. Federal State Statistics Service (April 27, 2024). Accessed: March 3, 2025.
7. *Shipova E. I.* Dictionary of Turkisms in the Russian language. Shipova. Moscow: Nauka Publ., 1976. – 268 p.
8. *Urazmanova R. K.* Rituals and holidays of the Volga and Ural Tatars (Annual cycle). XIX-beginning. XX century). Historical and ethnographic atlas of the Tatar people / P. K. Urazmanova. Moscow: House of Printing Press Publ., 2001. – 50 p.

А. В. Самарин, К. К. Охрименко

(Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета)

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА КАК МЕДИАТОРА МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ

В данной статье перевод рассматривается не только как лингвистический процесс, но и как сложный акт культурного посредничества, требующий от переводчика не только знания языков, но и глубокого понимания культурных контекстов, социальных норм и менталитета взаимодействующих сторон.

Ключевые слова: переводчик, медиатор, точность перевода, культурные различия, методы перевода.

THE TRANSLATOR'S ROLE AS A MEDIATOR BETWEEN CULTURES

This article examines translation not only as a linguistic process, but also as a complex act of cultural mediation, requiring the translator not only to know languages, but also to have a deep understanding of cultural contexts, social norms and the mentality of the interacting parties.

Keywords: translator, mediator, translation accuracy, cultural differences, translation methods.

Перевод – это не просто процесс преобразования слов с одного языка на другой, а сложный механизм передачи смысла, эмоциональной окраски, культурного фона и социальных норм. В этом контексте переводчик выполняет важную роль медиатора между культурами, помогая людям из разных языковых и культурных сообществ лучше понимать друг друга [Валеева, 2016: 154].

Современный мир все больше глобализируется, а международные связи становятся все более тесными. Это касается не только дипломатии и бизнеса, но и науки, искусства, медицины, информационных технологий. В этих условиях переводчик перестает быть просто «проводником» текста, а становится культурным посредником, адаптируя информацию таким образом, чтобы она была понятна и приемлема для целевой аудитории. Рассмотрим основные аспекты роли переводчика как медиатора между культурами.

1. Языковая адаптация

Одной из ключевых задач переводчика является не только передача лексического значения слов, но и их адаптация с учетом особенностей целевого языка. Это особенно важно в художественных и литературных переводах, где необходимо сохранить стиль, образность и атмосферу оригинального текста [Виссон, 2018: 43].

Например, в переводе литературных произведений идиомы, метафоры и пословицы нередко требуют переосмысления, так как дословный перевод может оказаться бессмысленным или неуместным. В таких случаях переводчик использует аналогичные выражения, существующие в целевом языке, или объясняет смысл в примечаниях [Павлова, 2017: 38–40].

2. Культурный контекст

Каждый язык формируется под влиянием истории, традиций и ценностей народа, который на нем говорит. Поэтому переводчику приходится учитывать культурный контекст, чтобы его работа не вызвала недоразумений. Например, в восточных культурах принято выражать уважение через определенные формы обращения и почтительные выражения, тогда как в западных странах общения могут быть более неформальными.

Цвета в разных культурах символизируют разные вещи: в Китае красный цвет ассоциируется с удачей, тогда как в западных культурах он может означать опасность или страсть. В японском языке существует множество уровней вежливости, которые необходимо учитывать при переводе, чтобы не исказить отношение говорящего к собеседнику [Павлова, 2017: 38–40]. Переводчик должен разбираться в таких нюансах и учитывать их, чтобы перевод звучал органично и не приводил к культурным конфликтам.

3. Межкультурная коммуникация

В международных переговорах, на дипломатических встречах и в деловом общении переводчик играет роль не только лингвистического, но и культурного медиатора. Он должен понимать особенности делового этикета обеих сторон, учитывать невербальные сигналы и помогать партнерам находить общий язык [Самарин, 2016: 208–217].

Например, в странах Азии принято проявлять сдержанность и избегать категоричных отказов, тогда как в западной деловой культуре важна прямота. Если переводчик дословно передаст западному партнеру вежливый уклончивый отказ, тот может не понять, что на самом

деле предложение было отвергнуто. В таких случаях переводчик помогает интерпретировать не только слова, но и их истинный смысл.

4. Локализация контента

В современных условиях переводчик все чаще сталкивается с необходимостью не просто переводить текст, а адаптировать его для конкретной аудитории. Этот процесс называется локализацией и активно используется в сфере маркетинга, IT, игровой индустрии, кинематографа и других областях [Самарин, 2016: 208–217]. Например, при переводе компьютерных игр не всегда можно сохранить шутки и культурные отсылки, понятные только носителям оригинального языка, поэтому переводчики адаптируют их, создавая аналогичные по смыслу выражения. Грамотная локализация помогает компаниям успешно выходить на международный рынок и делать продукты более доступными для разных аудиторий.

5. Этические принципы и нейтральность

Переводчик, особенно работающий в юридической, медицинской и дипломатической сферах, должен строго придерживаться принципов этики. Его задача – передавать информацию максимально точно, не искажая смысл и не добавляя личных интерпретаций. Однако в некоторых ситуациях переводчик вынужден брать на себя роль медиатора, объясняя сторонам культурные различия, которые могут повлиять на понимание информации. Например, в медицинском переводе важно учитывать, что в некоторых культурах пациенты могут стесняться говорить о своих проблемах, и переводчик должен учитывать это при передаче информации врачу [Швейцер, 2020: 49].

В заключении отметим, что переводчик – это не просто человек, который владеет двумя языками. Он выполняет функцию культурного мостика между народами, помогая не только передавать слова, но и устранять барьеры, возникающие из-за различий в мышлении, традициях и восприятии мира. Без переводчиков международное общение, наука, бизнес и искусство не смогли бы развиваться с той скоростью, с которой это происходит сегодня. Их роль в современном мире огромна, и со временем она будет только возрастать, так как глобализация требует все большего понимания между культурами.

Литература

1. Валеева Н. Г. Введение в переводоведение / Н. Г. Валеева. – М.: Изд-во РУДН, 2016. – 234 с.

2. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский / Л. Виссон. – Р.: Валент, 2018. – 128 с.

3. Павлова М. К., Самарин А. В. Проблемы перевода художественных текстов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 4-7. – С. 38–40.

4. Самарин А. В., Калинина К., Нестерова Н. А. «Игра» переводчиков при переводе романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и тайная комната» // В сборнике: Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. международный сборник научных статей. Нижний Новгород, 2016. С. 208–217.

5. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М., 2020. – 75 с.

УДК 372.881.111.1

А. В. Самарин, Е. В. Плаксина

(Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета)

ИНТЕРАКТИВНЫЕ УРОКИ VARWIN КАК ПРИМЕР ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье представлена одна из инноваций в преподавании английского языка. Актуальность исследуемой темы состоит в следующем: большинство школьников предпочитают получать информацию из Интернет-ресурсов вместо учебника. Поэтому мы предлагаем использовать интерактивные уроки Varwin в преподавании английского языка школьникам.

Ключевые слова: интерактивные уроки, Varwin, английский язык, преподавание, инновация, школьники.

INTERACTIVE LESSONS VARWIN AS AN EXAMPLE OF INNOVATION IN ENGLISH LANGUAGE TEACHING

This article presents one of the innovations in teaching English language. The relevance of the topic under study is as follows: the majority of pupils prefer to receive information from online resources instead of a textbook. Therefore, we suggest using Varwin interactive lessons in teaching English to pupils.

Keywords: interactive lessons, Varwin, English language, teaching, innovation, pupils.

Varwin – это образовательная среда для создания и управления интерактивными 3D/VR/AR-мирами, развивающая у школьников, студентов и педагогов навыки программирования [1].

Приложение осуществляет работу в четырех режимах:

1. В 3D на ПК;
2. В AR на Android-смартфонах и планшетах;
3. В VR на проводных и беспроводных гарнитурах;
4. На NettleDesk.

Стоит отметить, что VR-проекты, созданные в приложении Varwin, пользуются большой популярностью. Они представляют собой мини-игры, главная цель которых изучение английского языка. Рассмотрим один из таких проектов (рис. 1). Игрок попадает в сказочный лес (виртуальную реальность). Перед ним появляется учитель (девочка-бот), которая сначала приветствует его на английском языке, а затем начинает урок на тему “Fruits”. Далее, появляется слово «Выбери» и название фрукта. Если игрок делает правильный выбор, получает один балл (рис. 2). Если ответ неверный, учитель повторяет задание. Так происходит до успешного выполнения упражнения.

Данный VR-проект подходит для обучения английскому языку учеников младших классов. Как известно из психологии, в начальной школе у детей активно работает наглядно-образное мышление. Ведущим видом деятельности является игра [Самарин, 2017: 132]. Таким образом, школьники могут изучать английский язык играя.

Рис. 1. Изучение лексики на тему “Fruits”

Одно из преимуществ VR-проектов заключается в том, что с их помощью можно проводить интересные захватывающие уроки, и школь-

ники имеют возможность изучать иностранный язык в непринужденной обстановке. Более того, нет необходимости открывать учебник. Мини-игры могут вызвать у детей мотивацию к изучению иностранного языка [Самарин, 2018: 58].

Рис. 2. Количество правильных ответов

На рис. 3 представлен еще один пример VR-проекта. Перед игроком находятся карточки с названиями животных на английском языке. Задача – изучить лексику по данной теме. Главным преимуществом проекта является возможность его многократного прохождения. Отсутствует временное ограничение.

Рис. 3. Лексика на тему “Animals”

Когда игрок нажимает на карточки, он слышит произношение слов на английском языке. Затем животное с умеренной скоростью начинает приближаться к своей карточке. С целью помочь детям легче запоминать перевод данных слов, в мини-игру встроены звуки животных. Таким образом, у детей появятся ассоциации с реальными образами, что в значительной степени облегчит процесс запоминания лексики.

Следующим этапом этой мини-игры является “Training” (Тренировка), где школьники смогут применить свои знания на практике (рис.4). Задача состоит в следующем: соотнести слова с животными. За каждый правильный ответ, игроки получают один балл. Кроме этого, на табличке зеленым цветом высвечивается слово “Right” (Верно). В противном случае – “Wrong” (Неверно).

Если ученики забыли какое-то слово, у них есть возможность перейти в раздел “Learning” (Изучение), предварительно нажав на клавишу “Back” (Назад).

При использовании VR-проектов применяют специальный шлем, контроллеры и игровой движок. Если же нет необходимого оборудования, можно использовать проекты на ПК при наличии мощной видеокарты и оперативной памяти. Для таких программ, как Varwin, обычно подходят игровые компьютеры.

Рис. 4. Раздел «Training»

В заключении отметим, что Varwin – это популярная образовательная среда с большим количеством интересных проектов. Многие из них основаны на виртуальной реальности, что соответствует

интересам современных школьников, а значит, такие проекты могут их по-настоящему заинтересовать. В приложении большой выбор различных интерактивных уроков, которые можно использовать, как обучая учеников младших классов, так и старших.

Литература

1. Разработка виртуальной и дополненной реальности. – URL: <https://varwin.com/ru/> (Дата обращения 19.02.2025)

2. Самарин А. В. К вопросу о психологическом эксперименте как инновации в учебном процессе в высшей школе // Технологизация системы современного образования: стратегия, концепции, практика. Материалы II Международной научно-практической конференции. Старый Оскол. – 2017. – С. 131–134 (2)

3. Самарин А. В. К вопросу о показателях познавательного интереса младших школьников в учебном процессе / А. В. Самарин // статья в сборнике трудов Международной научно-методической конференции «Образование. Наука. Карьера. Курск, 24 января 2018 г. – С. 57–60.

УДК 81.27

М. В. Седых

(Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского)

НЕЙТРАЛЬНЫЕ АНГЛИЙСКИЕ КОМПОЗИТЫ С ГЛАГОЛЬНО-ДИЗЪЮНКТИВНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛЮ

В статье рассматривается группа английских идиом, построенных по глагольно-дизъюнктивной модели. Автор анализирует функционально-семантические и структурно-содержательные особенности нейтральной разновидности исследуемых единиц.

Ключевые слова: композит, дизъюнкция, ассонанс, аллитерация, антонимия, семантика.

NEUTRAL ENGLISH COMPOSITES WITH THE VERBAL-DISJUNCTIVE WORD-FORMATION PATTERN

The article deals with a group of English idioms built on the verbal-disjunctive pattern. The author analyses the functional-semantic and structural features of the neutral variety of the units under discussion.

Keywords: composite, disjunction, assonance, alliteration, antonymy, semantics.

В центре внимания представленного исследования находятся английские композиты, образованные по глагольно-дизъюнктивной словообразовательной модели. Это категория сложных слов, образованных двумя глаголами, которые соединены союзом *or* («или»).

Союз *or* – важный структурно-семантический элемент композитов данного класса. Логический тип отношения, выражающегося союзом *or*, наблюдается между взаимоисключающими компонентами. По этой причине данный союз также называют альтернативным [Kiseleva, 2014: 39]. Являясь паратаксическим союзом, он предполагает синтаксическое равенство соединяемых компонентов, хотя, как показывает обработка фактического материала, его семантика не так однозначна.

В ходе исследования был выявлен 41 композит, сформированный по глагольно-дизъюнктивной словообразовательной модели. Анализ их функционально-семантических характеристик позволил разделить полученную выборку на две основные группы, каждая из которых имеет свои специфические особенности и семантические нюансы: менасивные и нейтральные (не менасивные) композиты.

Также следует отметить, что «композиты идиоматичной семантики являются полноценными единицами фразеологической системы русского языка, а потому могут именоваться идиомами» [Меркурьева, 2020: 131].

Под менасивными идиомами понимаются единицы, семантика которых связана с определённой угрозой, которая может осуществиться в случае невыполнения условия, обозначенного идиомой. Например: *do or die, shape up or ship out, trick or treat*.

Семантика нейтральных (не менасивных) композитов, построенных по глагольно-дизъюнктивной словообразовательной модели, не связана с какой-либо угрозой, которая может осуществиться в случае невыполнения условия, обозначенного идиомой.

Семантическая специфика данных идиом заключается в том, что она создаёт пространство выбора, позволяя пользователю языка нахо-

дить баланс между опциями без резкой необходимости выбирать ту или иную сторону. Такие идиомы представляют собой не проблемы, а возможности, которые отражают вопросы выбора в жизни. Так, в композите *make or buy* акцент делается на выборе между производством продукции внутри компании или покупкой её на стороне. Идиома *live free or die* является мощным утверждением выбора между жизнью и свободой, что заставляет задуматься о приоритетах. Композит *go / win big or go home* побуждает человека к решительным действиям, создавая пространство для выбора между риском и успехом с одной стороны и отказом от активных действий и вытекающего из этого нулевого результата с другой. Как видим, такие выражения подчёркивают наличие некой дилеммы, которая встаёт перед современным человеком.

Важно отметить, что нейтральные идиомы могут носить юмористический оттенок, как в случае с *eat it or wear it*, что связано с игрой слов и элементом состязательности. Фразеологизм сниженного коммуникативного регистра (*piss*) *or get off the pot / can* также может восприниматься в юмористическом ключе. Этот композит основан на образе, который намекает на крайности, в которых человек должен «принимать решение», иначе он окажется в затруднительном положении.

Изучение композитов способствует пониманию соответствующей лингвокультуры, поскольку в их образовании отражается национальная специфика. Поэтому немаловажно провести этимологический анализ нейтральных глагольно-дизъюнктивных идиом.

В большинстве случаев они берут своё начало в финансовой сфере или торговом деле. Так, например, идиома *fill or kill* вошла в употребление благодаря биржевой торговле, композит *make or buy* пришёл из сферы бизнеса, *take or pay* – из практики торговых переговоров, а фразеологизм *take it or leave it* был придуман владельцем конюшни Томасом Хобсоном, который предлагал клиентам выбрать лошадь из ближнего ко входу стойла или не брать лошадь вообще.

Другие единицы рассматриваемого класса появились в речевом обиходе благодаря литературе и песенному творчеству. Например, выражение *beg or borrow sth* вошло в употребление после того, как оно появилось в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера, а идиому *believe it or not* популяризировал американский автор и художник Роберт Рипли, который часто использовал её в своих публикациях, чтобы привлечь внимание читателей. Фразеологизм *make it or fake*

it берёт начало из песни “Fakin’ It” музыкального коллектива *Simon & Garfunkel*.

Происхождение ряда нейтральных глагольно-дизъюнктивных идиом связано с азартными играми (например, *pay or play* или выражение *put up or shut up*). Другие единицы появились в речевом обиходе из таких областей, как конные скачки (*give or take*) и рыболовство (*fish or cut bait*). Другими этимологическими источниками анализируемых единиц являются политическая и военная терминология и культурные традиции. Например, композит *like / love it or leave it* возник в период социальных и политических потрясений в Америке в конце 1960-х и начале 1970-х годов, а выражение *live free or die* является цитатой генерала и участника Войны за независимость США Джона Старка. Выражение *go / win big or go home* возникло как рекламный слоган в 1990-х годах, а идиома *eat it or wear it* известна в сфере блогинга благодаря конкурсу под названием *The Eat It or Wear It Challenge*.

Как и менасивным глагольно-дизъюнктивным композитам, нейтральной разновидности данных единиц также присущи ассонанс и аллитерация. В частности, ассонанс, характеризующийся повторением гласных звуков, можно проиллюстрировать такими примерами, как *end or mend, make or break, put up or shut up*. Ассонанс не только придаёт мелодичность звучанию подобных конструкций, но и создаёт эффект симметрии, усиливая выразительность идиомы. В свою очередь, аллитерация, основанная на повторении начальных согласных звуков, также играет важную роль в ритмичности фраз. Сравните: *beg or borrow, like it or leave it, work hard or hardly work* и др.

Оба фонетических приёма также участвуют в создании рифмованных композитов среди рассматриваемых единиц – например, *make it or fake it, fill or kill, eat it or wear it*. Это усиливает эмоциональную нагрузку и запоминаемость выражений, что особенно важно в разговорной речи и повседневном общении.

Следует отметить, что нейтральные глагольно-дизъюнктивные фразеологизмы, так же как и менасивные, в основном содержат систематические (узусальные) антонимы (*beg or borrow sth, fish or cut bait, give or take, (not to know whether) to laugh or cry, live free or die, (piss) or get off the pot / can, put up or shut up, stand or fall by/on sth*) и окказиональные антонимы (*eat it or wear it, end or mend, fill or kill, like it or leave it, make or buy, make it or fake it, pay or play, take or pay, take it or leave it*).

Итак, нейтральные английские композиты с глагольно-дизъюнктивной структурой отражают сложные семантические и культурные значения. Эти идиоматические выражения непосредственно связаны с ситуацией выбора, выделяя дилеммы и возможности, с которыми сталкиваются употребляющие их субъекты коммуникации.

Литература

1. Меркурьева Н. М. Структурно-семантические особенности композита-идиомы и фразеологизма: сходства и различия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. – С. 131.
2. Kiseleva M. V. Phraseological units with the conjunction or in the English language // (IJCRSEE) International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education Vol. 2, No. 2, 2014. – 39 p.

УДК 82-14

А. А. Скомаровская

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ ПРИДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА

В настоящей статье отражены результаты исследования олицетворения как вида тропа в женской поэзии приднестровского региона. На примере поэтических текстов трех современных авторов – Л. Л. Кудрявцевой, А. А. Мельничук, Н. А. Самоний – автор делает попытку методом контекстного анализа выделить структурные типы олицетворений.

Ключевые слова: поэзия, приднестровский регион, тропы, олицетворение.

STRUCTURAL FEATURES OF PERSONIFICATION IN WOMEN'S POETRY OF THE PRIDNESTROVIAN REGION

This article reflects the results of the study of personification as a type of trope in women's poetry of the pridnestrovian region. Using the example of poetic texts of three modern authors – L. L. Kudryavtseva, A. A. Melnichuk, N. A. Samoniy – the author makes an attempt to identify structural types of personifications using the method of contextual analysis.

Keywords: poetry, pridnestrovian region, tropes, personification.

Своеобразие историко-литературного процесса в Приднестровье определяется тесной связью с русской культурой, которая оттеняет оригинальность видения мира приднестровскими авторами. Особый взгляд на историю и современность является результатом не только географического расположения страны, но и многоязычия народов, населяющих ПМР. [Арабаджи, 2019: 3].

После распада СССР, оказавшись на периферии культурной жизни России, молодое государство не утратило духовных связей с русским народом. Вместе с тем зарождающаяся приднестровская интеллигенция смогла увидеть свой путь становления и развития отечественной литературы [Арабаджи, 2019: 3]

В настоящее время литературный процесс в Приднестровье, как явление живое и творческое, пробивает себе дорогу. Талантливые авторы группируются вокруг издания «В круге чтения», цель которого объединить поэтов, писателей, критиков и литературоведов. В основном, это русскоязычная литература [Заяц, 2021].

Особых высот достигла приднестровская поэзия, жанровое многообразие которой достаточно велико – гражданская, философская, духовно-религиозная и, конечно же, пейзажная лирика. Приднестровский край славится красотой природы, которую воспевают в своих стихотворениях многие поэты, родившиеся на этой земле, или переехавшие со временем жить в Приднестровье, но любящие эту землю, как Родину. Одними из ярких представительниц женской поэзии приднестровского региона являются Людмила Леонидовна Кудрявцева (1931–2015) [3], Алла Антоновна Мельничук (родилась в 1952 г.) [5], Наталья Анатольевна Самоний (родилась в 1977 г.) [6]. Поэзия данных авторов отличается проникновенностью, эмоциональностью, пейзажным психологизмом.

Целью настоящей статьи является проанализировать эмоционально-экспрессивную сторону поэтических текстов, указанных выше авторов. Внимание мы сосредоточим на олицетворении как одном из самых распространенных видов тропа.

Задачей нашей статьи является методом контекстного анализа определить структурные типы олицетворения как вида тропа в поэтических текстах трех поэтесс.

Олицетворяющие структуры в художественном тексте чрезвычайно разнообразны и, на первый взгляд, с трудом поддаются классификации. Опираясь на морфологические характеристики олицетворяющих

слов, т. е. на принадлежность к той или иной части речи, можно классифицировать одиночные олицетворения. Однако постоянное взаимодействие форм и средств языкового выражения олицетворения, контаминация и взаимопроникновение их в условиях контекста обуславливают существование такого феномена, как развернутое олицетворение.

Процесс олицетворения в развернутых контекстах фиксируется не в одном слове, а в двух и более словах различных частей речи на разных участках предложения или в целых синтаксических конструкциях. Классификация С. К. Константиновой основывается на морфолого-синтаксических принципах, то есть при отборе материала и выделении типов олицетворения учитывается место состоявшейся персонификации в синтаксической структуре, частеречное выражение и синтаксические функции олицетворяющих слов [Константинова, 1996: 22].

Людмила Кудрявцева, Алла Мельничук и Натали Самоний используют различные языковые формы и средства для создания олицетворяющего контекста в своих поэтических текстах. Авторы употребляют как одиночное, так и развёрнутое олицетворение.

Наиболее общепотребительными являются следующие структуры олицетворения:

1. Предикативная олицетворяющая синтагма. Олицетворение выражено предикативным звеном двусоставного предложения. Олицетворяющий контекст состоит из подлежащего, являющегося персонифицирующим денотатом, и сказуемого, сообщающего олицетворяющий признак.

Например: «**Бродила** по улицам **осень**» (Людмила Кудрявцева, «Наперекор»).

Подлежащее выражено именем существительным *осень* и является персонифицирующим денотатом, а сказуемое выражено глаголом *бродила*, данный глагол сообщает олицетворяющий признак.

Подснежник в бескозырке **приветствует** день ясный («Весна заякорилась», Натали Самоний).

Подлежащее *подснежник* – персонифицирующий денотат, а сказуемое *приветствует* – сообщает олицетворяющий признак.

Первым дождем умывалась весна («Омовение», Натали Самоний).

Персонифицирующий денотат *весна* – подлежащее, выраженное именем существительным, *умывалась* – простое глагольное сказуемое, содержащее в себе олицетворяющий признак.

Взметнулись звезды в небеса (А. Мельничук «Балует август»).

Звезды – персонифицирующий денотат, *взметнулись* – олицетворяющий признак.

2. Атрибутивная олицетворяющая синтагма. Олицетворяющий признак выражен следующими элементами предложения:

а) Согласованное определение:

Зябнущее небо («Огнем прощальным», Алла Мельничук), олицетворяющий признак выражен согласованным определением *зябнущее* (причастие).

Солнце ласковое (Алла Мельничук «Июньской сказкою») олицетворяющий признак выражен согласованным определением *ласковое*, часть речи – имя прилагательное (олицетворяющий эпитет).

Воскресшая земля («Воскресшая весна» Натали Самоний) – олицетворяющий признак выражен причастием *воскресшая*.

Зябкий март («Март» А. Мельничук) – олицетворяющий эпитет *зябкий* выражен именем прилагательным.

б) Олицетворяющее приложение:

Мороз-злодей («Жемчужные капли» Натали Самоний). Олицетворение выражено приложением *злодей*.

Октябрь-чародей («Октябрь-чародей» Натали Самоний). Олицетворение выражено приложением *чародей*.

Небосвод-дитя («Осенний Днестр» Натали Самоний). Приложение *дитя* выражает олицетворяющий признак небосвода.

Франтиха-осень («Люблю» Людмила Кудрявцева). Приложение *франтиха* выражает олицетворяющий признак осени.

в) Генитивное сочетание:

Взгляд снежинок с небес («Грустный декабрь» Н. Самоний) олицетворяющий признак выражен именем существительным *взгляд*.

Дыханье страсти («Увядающая любовь» Н. Самоний) – олицетворяющий признак выражен именем существительным *дыханье*.

Солнца тёплая рука («Солнца тёплая рука» Алла Мельничук) олицетворяющий признак выражается именем существительным *рука*.

3. Дистантное олицетворение:

Вербы как будто бы солнцу молясь («Первовесеннее» Н. Самоний) олицетворяющий признак выражен деепричастием *молясь*.

Стоит, любуясь в отражении собою, // Красавица-столица, дивный град («Тирасполь – город над рекою» Н. Самоний) олицетворяющий признак выражен деепричастием *лируясь*.

4. Развернутые олицетворения:

В стихотворении Л. Кудрявцевой «Красавица по имени Весна» автор использует не одиночное, а развёрнутое олицетворение, создавая образ Весны-хозяйки: «В плаще Эола **прилетела**, свои владенья **оглядела**... // Поры хозяйка, хлопотунья, **растормошила** лес от сна... // Деревьям **пла-тья заказала**, птиц **собрала** в огромный хор, травы душистым покрывалом **зазеленила** косогор. // Апрельским солнцем **засветила**, звенеть **заставила** ручьи, и к новой жизни **пробудила** земли оттаявшей ключи».

5. Олицетворения-обращения:

Не томи меня тоской, **природа**, не кропи оранжевым дождем («Песня осени» Л. Кудрявцева). Олицетворение выражено обращением к природе.

Тирасполь, город наш родной! //Ты – пристань всем народам. Цвети, **наш город над рекой**, под мирным небосводом! («Сердце Приднестровья» Н. Самоний) – олицетворение выражено обращением к Тирасполю, беседой автора с городом.

Таким образом, в женской поэзии часто встречается приём олицетворения. Авторы употребляют как одиночное, так и развёрнутое олицетворение. С помощью этого тропа, поэтессы ярче передают свои эмоции, переживания и чувства. Л. Л. Кудрявцева, А. А. Мельничук и Н. А. Самоний используют различные языковые формы и средства для создания олицетворяющего контекста в своих поэтических текстах.

Литература

1. Заяц С. М. Русскоязычная литература Приднестровья. URL: <https://proza.ru/2021/01/01/1683> (дата обращения: 01.05.2025)
2. Константинова С. К. Олицетворение в художественном тексте. Семантические и грамматические аспекты: дис. канд. филол. наук. Белгород, 1996. – 212 с.
3. Кудрявцева Л. Л. Стихотворения. URL: <https://stihi.ru/avtor/mari-sha29> (дата обращения: 01.05.2025).
4. Литература Приднестровья (Литература родного края). Учебник-хрестоматия. 10–11 кл. / авт.-сост. Т. А. Арабаджи, Н. В. Плацында, О. В. Плацында. – Тирасполь: ИРОиПК, 2019. – 224 с.
5. Мельничук А. А. Стихотворения. URL: <https://stihi.ru/avtor/allamel-nichuk> (дата обращения: 01.05.2025).
6. Самоний Н. А. Стихотворения. URL: <https://stihi.ru/avtor/natasamoni-ju> (дата обращения: 01.05.2025).

О. Д. Сыроватко
(МОУ СОШ № 7, г. Дубоссары)

СКРАЙБИНГ КАК ТЕХНИКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается метод скрайбинга как эффективный инструмент визуализации информации на уроках английского языка. Анализируются преимущества использования скрайбинга для повышения мотивации учащихся, улучшения восприятия и запоминания материала, а также развития критического мышления и навыков анализа. Представлены основные формы скрайбинга, примеры использования в образовательном процессе и рекомендации по внедрению данного метода в учебную практику.

Ключевые слова: скрайбинг, визуализация, критическое мышление, образовательный процесс, мотивация, коммуникативные навыки.

SCRIBING AS A VISUALIZATION TECHNIQUE IN ENGLISH LESSONS

The article examines the scribing method as an effective tool for visualizing information in English lessons. It analyzes the advantages of using scribing to increase students' motivation, improve perception and retention of material, and develop critical thinking and analytical skills. The article presents the main forms of scribing, examples of its use in the educational process, and recommendations for implementing this method in teaching practice.

Keywords: scribing, visualization, critical thinking, educational process, motivation, communication skills.

Современное образование требует использования новых технологий и подходов к подаче информации. Педагоги находятся в постоянном поиске, чтобы сделать свои уроки более увлекательными и эффективными. Одним из таких методов является **скрайбинг** – способ донесения информации через иллюстрирование ключевых моментов [Кутепова, 2021; 153]. Использование рисунков, схем и графической визуализации помогает повысить мотивацию учеников и улучшить понимание материала, превратить сложные темы в наглядные схемы и комиксы.

Термин «скрайбинг» происходит от английского слова *scribe* – «набрасывать эскизы» или «рисовать». Метод заключается в сопровожде-

нии устного объяснения схемами, рисунками и текстовыми элементами, которые помогают структурировать информацию и сделать её более понятной для учащихся.

С детства человек познаёт мир с помощью зрительных образов. Визуальные элементы играют важную роль в восприятии информации, стимулируя память и облегчая усвоение сложных концепций [Браун, 2007: 58]. По мнению Е. С. Полат, «визуализация помогает учащимся структурировать информацию, создавая ассоциативные связи» [Полат, 2016: 75]. На уроках английского языка скрайбинг помогает:

- **Улучшить понимание материала** – визуальные элементы делают объяснение наглядным и доступным;
- **Повысить мотивацию** – красочные изображения и творческий процесс вовлекают учащихся в учебную деятельность;
- **Развивать критическое мышление** – учащиеся анализируют визуальные материалы, устанавливают логические связи и делают выводы;
- **Укрепить коммуникативные навыки** – работа в группе при создании скрайб-презентаций развивает навыки обсуждения и сотрудничества.

Скрайбинг можно реализовать в разных форматах:

1. **Рисованный скрайбинг** – классический формат, в котором рука человека в кадре рисует схемы и записывает ключевые фразы в соответствии с текстом за кадром.

2. **Аппликационный скрайбинг** – использует готовые элементы, которые выкладываются или наклеиваются на фон в процессе объяснения.

3. **Магнитный скрайбинг** – аналогичен аппликационному, но элементы закрепляются с помощью магнитов.

4. **Компьютерный скрайбинг** – создаётся с помощью программного обеспечения и онлайн-сервисов (например, *PowToon*, *GoAnimate*, *Sparkol VideoScribe* и *Animaker*) [Гаршина, 2016: 90–94].

Младшие школьники любят всё яркое и необычное. Поэтому на уроках в начальной школе предпочтительно использовать простые, но эффективные способы:

- «Волшебные слова» – при изучении новых слов я рисую на доске небольшие картинки (например, “dog” – изображение собаки). Затем прошу детей нарисовать свой вариант иллюстрации в тетради. Это помогает лучше запомнить лексику.

- «История в картинках» – при изучении тем “My Family” или “My Day” дети рисуют последовательность событий (мама готовит завтрак, ребёнок идёт в школу и т. д.), а затем рассказывают, что изображено.

- «Скрайбинг-песня», «скрайбинг-стихотворение» – мы рисуем основные образы из текста песни и поём, отслеживая последовательность событий.

Учащимся средней школы можно предложить создавать скрайбинг-конспекты самостоятельно:

- «Грамматический комикс» – изучение грамматики через рисунки. Например, при изучении времени Past Simple ученики придумывают небольшой комикс с героем, который рассказывает о вчерашнем дне (“Yesterday I met my friend. We went to the cinema”).

- «Скрайбинг-диалог» – ученики рисуют на интерактивной доске или бумаге диалог двух персонажей, используя изученные конструкции. Остальные должны угадать, о чём идёт речь.

- «Коллективная история» – один ученик начинает рисовать и писать предложение, следующий добавляет продолжение, и так по кругу. Получается необычный рассказ.

В старших классах можно использовать скрайбинг как средство подготовки к экзаменам и развития аналитического мышления.

- «Скрайбинг-презентация» – ученики готовят презентации по темам, таким как “Ecological Problems” или “Future Technologies”, и сопровождают их зарисовками.

- «Анализ текста» – при разборе произведений на английском, например, “The Great Gatsby”, ученики рисуют схему связей между персонажами. Это помогает лучше понять содержание.

- «Графический конспект» – перед экзаменами мы создаём визуальные шпаргалки по грамматике и лексике, чтобы легче запомнить правила.

Для успешного внедрения данного метода, следует начинать с простых элементов, постепенно усложняя визуализацию; стимулировать самостоятельное создание скрайбинг-конспектов учениками; применять цифровые инструменты – программы для видеоскрайбинга, интерактивные доски, а также поддерживать творческую инициативу – пусть ученики сами выбирают, как визуализировать материал.

Скрайбинг имеет ряд **преимуществ**, что позволяет использовать его на любом уроке и по любой теме для объяснения нового материала и проверки усвоенного:

- проверка домашнего задания (с помощью скрайбинга рассказать о материале прошлого урока, функция опорной образной схемы);
- формулировка темы урока, постановка цели урока (найдите связь между изображениями и определите тему урока; определите, что мы будем делать);
- раскрытие информационного блока темы, поиск проблемы;
- обобщение материала, закрепление (скрайбинг состоит из изображений, которые появлялись в ходе урока на разных этапах, ученики по ним обобщают материал и делают вывод);
- организация групповой работы (составление скрайбинга на заданную тему из предложенных изображений, сравнение рисунков групп);
- творческое домашнее задание (составление рисунка в печатном или электронном виде на заданную тему);
- построение структуры урока (скрайбинг может содержать в себе последовательное отражение структуры урока с именем, целью или проблемой).

Несмотря на очевидные преимущества, метод скрайбинга имеет определённые ограничения:

- Временные затраты – создание качественного скрайба требует подготовки и тренировки;
- Технические сложности – использование компьютерных программ для создания анимаций требует навыков работы с графическими редакторами;
- Ограниченность содержания – скрайбинг лучше всего подходит для кратких презентаций, так как длинные ролики теряют эффективность.

Скрайбинг – это мощный инструмент для изучения английского языка, который делает уроки живыми, наглядными и интерактивными. Он помогает не только лучше усваивать материал, но и развивает креативность, коммуникацию и критическое мышление у учащихся. Применяя скрайбинг в работе, преподаватель создаёт условия для активного и осмысленного изучения английского языка.

Литература

1. Гаршина Ю. П. Практика использования современных образовательных технологий на уроках общеобразовательных дисциплин в учреждениях среднего профессионального образования / Научно методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 46. – С. 90–94.

2. Полат Е. С. Игровые методики в обучении. – Москва: Владос, 2016. – 192 с.
3. Кутепова Л. И. Скрайбинг как технология визуализации образовательного процесса / Балтийский гуманитарный журнал, 2021, Т. 10, № 3 (36), с. 153–156.
4. Brown H. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. – Pearson Education, 2007. – 569 p.

УДК 81.25

Ю. Г. Ткачева

(Луганский государственный педагогический университет)

РОЛЬ АДАПТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ТРАНСПОНИРОВАНИИ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются факторы асимметрии лингвокультур как ключевая причина снижения качественного межкультурного взаимодействия. Автор уделяет особое внимание освещению роли адаптивной стратегии, обладающей значительным функциональным потенциалом в транспонировании дифференциальных смыслов оригинального текста.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, перевод, дифференцированный смысл, расхождение культур, адаптивная стратегия.

THE ROLE OF ADAPTIVE STRATEGY IN TRANSPOSING DIFFERENTIATED MEANINGS OF THE ORIGINAL TEXT

The article examines the factors of linguistic cultural asymmetry as a key reason for the decline in the intercultural interaction quality. The author pays special attention to highlighting the role of an adaptive strategy with significant functional potential in transposing the differential meanings of the original text.

Keywords: cross-cultural communication, translation, differentiated meaning, cultural divergence, adaptive strategy.

Интенсивное развитие международного сотрудничества на всех уровнях, и во всех сферах взаимодействия свидетельствуют об актуализации роли переводческой деятельности как одного из ключевых звеньев в цепи межкультурной коммуникации. Необходимость повы-

шения качества лингвистического обеспечения в данной сфере можно правомерно считать одной из сложных задач, стоящих перед переводчиками сегодня, поскольку указанная необходимость тесно увязывается с проблемой соотношения взаимодействующих лингвокультур, которая с точки зрения актуального гуманитарного знания носит весьма противоречивый характер, и является результатом ряда интенсивных планетарных процессов, среди которых глобализация, цифровизация, вестернизация, миграция. Следует отметить, что данные процессы особенно подчеркивают наличие разницы в концептуальных системах отражающих, аккумулированный коллективный и индивидуальный опыт, а также знания о явлениях окружающей действительности у представителей, взаимодействующих лингвокультур.

Разница в системах представлений у коммуникантов может быть не существенной, что в значительной степени облегчают работу переводчика, поскольку в паре контактирующих языков будет достаточное количество параллельных по смысловому и структурному составу элементов. Однако в тех случаях, когда разница в национально-специфических образах мира является диаметрально противоположной, и проявляется во взаимодействующих языках в виде концептуальных расхождений, что значительно осложняет процесс взаимопонимания участников коммуникации, вся нагрузка по обеспечению межкультурного взаимодействия ложится на переводчика. Как показывает практика, переводчик, решая подобную экстрапереводческую сверхзадачу, прибегает к использованию обширного переводческого инструментария адаптивного характера, ориентированного на воспроизведение инвариантной части оригинала, а также транспонирование и гармонизацию совокупности всех его смыслов в адекватном для принимающей лингвокультуры тексте перевода.

Транспонирование смысла в переводе – это динамический процесс, реализуемый в ходе межкультурной коммуникации, в ходе которого смысловая часть текста оригинала, с целью порождения функционально равноценного текста в переводящем языке, предполагает дробление на множество смыслов в переводящей лингвокультуре.

Следует отметить, что в ходе процесса смысловтранспонирования в пространстве текста формируются определенные виды дифференциальных смыслов, среди которых: модальный смысл оригинала, индивидуально-образный смысл, ассоциативно-семиологический смысл,

рефлексивный смысл, а также иррадирующий смысл [Кушникова, 2009: 146].

Модальный смысл оригинала, является одним из ключевых в переводе, и в обобщенном смысле понимается как принципиально значимый смысл оригинального текста, определяемый самим его автором и отражающий совокупность его собственных мироощущений, систему ценностно-нравственных ориентаций, а также принадлежность к конкретной этнической группе.

Индивидуально-образный смысл представляет собой уникальный комплекс всех глубинных смыслов текста оригинала, извлекаемый переводчиком в ходе предпереводческого анализа, и отображающийся в сознании переводчика как основанный на собственной системе лингвокультурных аналогий целостный образ всего текста.

Ассоциативно-семиологический смысл может рассматриваться как совокупность имплицитных смыслов, порождаемая на основе принципов интертекстуальности и культурной детерминированности. Культурная обусловленность, лежащая в основе рассматриваемого вида дифференциальных смыслов, свидетельствует о его неисчерпаемости, многогранности и невозможности полного постижения. В переводе данный вид смысла реализуется через вербальные и невербальные знаки ассоциативного плана.

Рефлексивный смысл характеризуется высокой степенью культурной детерминированности и никогда полностью не совпадает ни со смыслом заложенным автором в текст оригинала, ни со смыслом переводчика. Будучи продуктом рефлексии продуцента и реципиента данный вид смысла тесно взаимосвязан с их национальными и индивидуальными картинами мира, системами представлений и понятий, имеющихся знаниях друг о друге, или о контексте, в котором протекает коммуникативная ситуация.

Иррадирующий смысл можно охарактеризовать как сверхглубинный уровень имплицитного смысла несущий эмоциональный фон, и который будучи источником многомыслия становится причиной порождения вариативных трактовок и разночтений, которые могут частично совпадать, или пересекаться, либо не совпадать вовсе.

Рассмотренная палитра дифференциальных смыслов свидетельствует о неразрывной связи языка и культуры, и позволяет несколько иначе понимать сущность самого понятия «перевод» и роль переводчика в нем.

Если перевод рассматривать как некое пространство, в котором реализуется взаимодействие языков и культур, то переводчик в этом пространстве балансирует в рамках интертекстуальных связей двух контактирующих лингвокультур – родной и иностранной, и ориентируется на создание в переводящем языке гармоничного, с точки зрения смысловой составляющей, текста перевода способного передать весь необходимый универсальный, общечеловеческий, национально-культурный смысловой состав. Следовательно, в ходе процесса перевода происходит обмен информацией на качественно новом уровне, то есть реализуется транспонирование новых смыслов в сознании самого переводчика, после чего переводчик, преломив их в элементы национального сознания, трансформирует данные смыслы посредством вербальных кодов принимающей лингвокультуры.

При этом укажем, что одним из самых эффективных способов смыслотранспонирования в межкультурной коммуникации является адаптивная стратегия перевода, которая обладает значительным функциональным потенциалом в нивелировании межкультурных и межъязыковых расхождений.

В актуальной траслатологии приводится множество определений понятия «стратегия перевода». Однако в контексте данного исследования наиболее приемлемым считаем следующее определение: итак, стратегия перевода – это реализующийся в рамках некоторого периода времени план действий переводчика, детерминированный самой целью перевода, коммуникативной ситуацией, а также совокупностью лингвистических и экстралингвистических характеристик [Бурукина, 2009: 79].

Исходя из того, что функционирование современных переводческих концепций во многом основано на ведущих положениях когнитивного подхода, который, прежде всего, предполагает детерминантом переводческих действий культурную адаптацию, то адаптивная стратегия обладает необходимым спектром возможностей для реализации транспонирования всех заложенных в тексте оригинала смыслов посредством подбора или создания обладающих равноценным коммуникативным эффектом вербальных единиц.

Адаптивная стратегия перевода тесно соотносится с межкультурной адаптацией или межкультурной медиацией, и предполагает два вида переводческих действий адаптивного характера, узкое – упрощение текста или его описание, либо комментирование, не предполагающее перевода в целом, и широкое – предполагающее перевод значительного

объема компонентов на основе комплексных межкультурно-языковых преобразований. Расширяя понимание сущности адаптивной стратегии в переводе, укажем, что она сопряжена с двумя видами трудностей, неизменно возникающими в процессе перевода. Первая трудность связана с тем, что в разных языках смыслы облакаются в разную внутриязыковую форму, и вторая трудность обусловлена тем, что в оригинальном тексте содержатся культурно-маркированные специфические смыслы, не имеющие аналогов в принимающей культуре [Донец, 2006: 31].

Указанное свидетельствует о необходимости приспособления таких смыслов, к особенностям восприятия представителей принимающей лингвокультуры. Однако в данном направлении характер адаптивной стратегии может также несколько варьироваться и требовать от переводчика нахождения аналогов, в принимающей лингвокультуре, то есть сохранять собственно адаптивную функцию, а может, наоборот, тяготеть к максимально полному воссозданию не только лингвистической формы, но и значимой содержательной части оригинала [Клюканов, 1998]. В данном контексте, считаем необходимым отметить, что от выбираемого переводчиком характера адаптивной стратегии неизменно зависит отношение реципиента к самому тексту перевода, поскольку перевод может быть представлен в двух ипостасях, авторитарной – требовать от принимающей лингвокультуры подчинения автору оригинала, или адаптивной – позволить культуре-реципиенту выступить создателем значения.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что выбор характера адаптивной стратегии для транспонирования культурно-специфических дифференциальных смыслов в процессе перевода зависит от переводчика, который, прежде всего, играя роль связующего звена в межкультурном взаимодействии, должен обладать набором всех необходимых профессиональных компетенций, ориентированных на адаптацию факторов лингвокультурной асимметрии, что в целом будет способствовать не только повышению качества межкультурной коммуникации, но и способствовать взаимообогащению контактирующих лингвокультур.

Литература

1. Бурукина О. А. Переводческие стратегии и переводческие тактики / О. А. Бурукина // Университетское переводоведение: материалы X Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» (23–25 октября 2008 г.). – СПб., 2009. – С. 73–83.

2. Донец П. Н. Перевод и межкультурная адаптация текста / П. Н. Донец // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов: в 2 ч. – Вып. 7, ч. 1. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. – С. 29–38.

3. Клюканов И. Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование / И. Э. Клюканов. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1998. – 99 с.

4. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л. В. Кушнина. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. – 196 с.

УДК 81.27

Я. А. Ткаченко

(Московский педагогический государственный университет)

КАК СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОМОГАЮТ В РАЗРАБОТКЕ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ ЭКОНОМИКИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию роли современных технологий в разработке аутентичных материалов для обучения основам экономики на английском языке. Рассматриваются такие инновации, как искусственный интеллект, виртуальная реальность, адаптивные платформы и мультимедийные ресурсы, которые позволяют создавать реалистичные и интерактивные учебные материалы. В результате проведенного анализа была разработана классификация технологий, используемых в процессе обучения экономистов английскому языку для специальных целей.

Ключевые слова: современные технологии, аутентичные материалы, обучение экономике, английский для специальных целей, искусственный интеллект, виртуальная реальность, адаптивное обучение, мультимедиа.

HOW MODERN TECHNOLOGIES HELP IN THE DEVELOPMENT OF AUTHENTIC MATERIALS FOR TEACHING THE BASICS OF ECONOMICS IN ENGLISH

The paper examines how modern technologies can be used to create authentic materials for teaching English language learners the fundamentals of economics. Innovations such as artificial intelligence, virtual reality, adaptive platforms and

multimedia resources are examined for their ability to create realistic and interactive learning materials. Based on the analysis, a classification of technologies is proposed for their application in teaching English for Specific Purposes (ESP) to economists.

Keywords: modern technologies, authentic materials, teaching economics, English for Specific Purposes, artificial intelligence, virtual reality, adaptive learning, multimedia.

The importance of authentic materials in teaching English for Specific Purposes (ESP) cannot be overstated. Authentic materials, such as real-world case studies, articles, and simulations, provide learners with contextually relevant content that bridges the gap between classroom learning and real-life professional scenarios [Dudley-Evans, St John, 1998: 25]. For economists, mastering English is crucial for global communication, accessing international research, and participating in the global scientific and business events, understanding written and oral English also increases their employability and competitiveness on the global scale. However, creating such materials requires innovative approaches to ensure they are engaging, relevant, and effective.

This article's goal is to examine how contemporary technologies can be used to create engaging resources for teaching English economics fundamentals. We will examine how technologies like virtual reality (VR), artificial intelligence (AI), and multimedia can improve the production of authentic learning materials.

Evidently, that technologies have changed and shaped education by providing tools that make learning more interactive, personalized, and realistic. It is worth to investigate several categories of technological tools. In their paper "Computers and language learning: An overview", Warschauer and Healey noted that artificial intelligence (AI) makes it possible to analyze big datasets, customize learning courses, and conduct automated assessments. For example, AI-powered platforms can generate tailored exercises based on a student's proficiency level. [Warschauer, Healey, 1998: 57–71]. Sadiev and Yang in "Review of studies on technology-enhanced language learning and teaching" looked at Virtual and Augmented Reality (VR/AR) and defined the aim of these technologies which create immersive environments where students can practice real-world scenarios, such as business negotiations or market analysis, in a controlled setting or they can trade without real monaey and practice the techniques that they were

given in theory [Shadiey, Yang, 2020: 524]. Multimedia can also be regarded as a separate category of technology. Godwin-Jones in “Emerging technologies: Games in language learning” looks at videos, podcasts, and interactive graphics as tools to make complex economic concepts more accessible and engaging [Godwin-Jones, 2014: 9–19]. These tools are used to diversify means of presenting information and they are more widely available and easier to implement even in low-resource classrooms.

These technologies can be very helpful for creating materials and providing alternative ways of emerging students in a studying process. These technologies have various advantages for creating authentic materials. They provide interactivity, students can engage with materials in dynamic ways, such as through simulations or interactive quizzes [Shadiey, Yang, 2020: 520], all these tools are able to make the whole experience of learning more personal and closer to each and every student, no matter what their level, age or cultural background is. Technologies like AI ensure that materials are tailored to individual needs, they are an excellent tool to make learning process as personalized as possible [Chapelle, 2001: 17]. VR and multimedia provide realistic contexts that mirror professional environments [Godwin-Jones, 2014: 9–19]. All these technologies provide a safe environment for learners to experiment and attempt real life actions without severe consequences, there is a lower level of anxiety when students are aware that there is no danger of losing their money, job, etc. Educators are also able to use technologies as assistants in preparing varied courses or practical workshops.

Authentic materials are essential for teaching economics in English, as they expose students to real-world language use and professional scenarios. The most popular materials used by teachers to engage economists include real case studies, which provide an opportunity to analyze real business scenarios that help students apply economic theories to practical situations [Dudley-Evans, St John, 1998: 25]. They teach them ways theory can be applied in real business situations. Reading authentic texts, such as financial reports, market analyses or professional articles, improves students’ comprehension of specialized vocabulary and they get used to terminology, which will be used in their professional life [Warschauer, Healey, 1998: 57–71]. Authentic texts provide students with up-to-date vocabulary and they can see all new terminology used in practice. Role-playing economic scenarios, such as stock trading or budget planning, enhances both language and professional skills [Shadiey, Yang, 2020: 320]. Students can

test various roles and professions in the field they will be working in. These materials can also be beneficial for their professional development.

All these materials are hard to find openly available, so many teachers choose to create authentic materials themselves using technology. Modern technologies play a crucial role in creating these materials. AI can curate and analyze real-world economic data to create up-to-date and relevant case studies [Chapelle, 2001: 23]. Data in economics needs to be current, yet updating it manually can be difficult and time-consuming. Although simulations are incredibly helpful, they would not be possible without technology. Students can practice language and professional abilities in context by replicating economic settings like boardrooms or stock exchanges using virtual reality [Godwin-Jones, 2014: 9–19]. For students of all levels, interactive graphs, movies, and infographics can be utilized as primary or supplemental resources to help them comprehend and develop their grasp of complicated economic ideas [Shadiev, Yang, 2020: 320]. Based on the reviewed literature a table was created, it classifies modern technologies based on their application in teaching economics in English and ways of using them practically in education process.

Table 1 – Classification of technologies based on their application in teaching economics in English and ways of using them

Technology	Application	Example
Artificial Intelligence	Data analysis, personalized assignments, automated assessment	Adaptive platforms for learning economic terminology
Virtual Reality	Modeling economic scenarios (negotiations, presentations)	VR simulations for practicing professional communication
Multimedia	Data visualization, interactive graphs, and diagrams	Interactive video lessons on economic concepts
Gamification	Enhancing motivation through game elements	Economic quests and simulations

The analysis demonstrates that modern technologies may simplify the creation of authentic materials, making learning more effective and engaging. These tools enable educators to design materials that are not only relevant to the professional needs of economists but also tailored to individual learning styles. The proposed classification provides a practical framework for educators to select appropriate technologies based on their

teaching needs and peculiarities of particular syllabuses. The limitation of using technology in creating authentic materials is that these technologies may be expensive and they may not be available everywhere. Besides, some educators may need deeper instructions or directions on ways of using these technologies.

Modern technologies have transformed the way authentic materials are developed for teaching economics in English. By leveraging AI, VR and multimedia, educators can create resources that are interactive, personalized, and realistic. These tools not only enhance language learning but also prepare students for real-world professional challenges. Future research should focus on evaluating the effectiveness of specific Research can, for instance, contrast the results of VR-based simulations with those of conventional teaching techniques. Such studies will yield important information for maximizing the use of technology in ESP instruction.

Литература

1. *Chapelle C. A.* Computer applications in second language acquisition: Foundations for teaching, testing, and research / C. A. Chapelle. – M.: Cambridge University Press, 2001.
2. *Dudley-Evans T., St John M. J.* Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach / T. Dudley-Evans, M. J. St John. – M.: Cambridge University Press, 1998.
3. *Godwin-Jones R.* Emerging technologies: Games in language learning // *Language Learning & Technology*. 2014. – № 18 (2). – P. 9–19.
4. *Shadiev R., Yang M.* Review of studies on technology-enhanced language learning and teaching / R. Shadiev, M. Yang // *Sustainability*. 2020. – № 12 (2). – P. 524.
5. *Warschauer M., Healey, D.* Computers and language learning: An overview / M. Warschauer, D. Healey // *Language Teaching*. 1998. – № 31 (2). – P. 57–71.

А. А. Ткачёва

(Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, ИЗУП)

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с теорией устаревшей лексики в английском языке. Анализ особенностей архаизмов и историзмов, обозначение цели для использования устаревших слов.

Ключевые слова: Устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, французский, английский.

OUTDATED VOCABULARY IN ENGLISH AND FRENCH

The article discusses a number of problems related to the theory of obsolete vocabulary in English. The analysis of the features of archaisms and historicisms, the designation of the purpose for the use of obsolete words.

Keywords: Outdated vocabulary, historicisms, archaisms, French, English.

LE VOCABULAIRE OBSOLÈTE EN ANGLAIS ET AN FRANÇAIS

Dans cet article il s'agit d'un certain nombre de problèmes liés à la théorie du vocabulaire obsolète en anglais. Nous citons l'analyse des caractéristiques des archaïsmes et des historicismes, qui a le but pour l'utilisation de mots obsolètes.

Mots-clés: vocabulaire Obsolète, historicismes, archaïsmes, français, anglais.

Le langage est un organisme dynamique, semblable à un être vivant, doté d'une structure à plusieurs niveaux qui reflète les changements qui se produisent dans la société. Comme tout organisme vivant, la langue est flexible et adaptative: elle absorbe de nouveaux mots et expressions, change sous l'influence du progrès scientifique et technologique, mais comme dans un organisme vivant, certains mots meurent, deviennent obsolètes. La composition du vocabulaire de la langue peut être divisée en deux Catégories: le vocabulaire actif et le vocabulaire passif. Ce que nous utilisons dans le langage courant de tous les jours peut être qualifié de vocabulaire actif, ainsi que de termes, de mots de livre et de professionnalisme appliqués dans des domaines spécifiques. Mais les mots qui, pour une raison quelconque, sont obsolètes, ne sont pas utilisés dans le discours, se réfèrent à la réserve

passive. Il y a aussi des mots trop nouveaux qui ne sont pas encore entrés dans le discours moderne.

Les mots obsolètes sont des mots qui sont sortis de l'usage actif, mais qui sont conservés dans le vocabulaire passif. Dans la plupart des cas, ces mots sont connus des locuteurs natifs de la langue moderne, mais ils sont utilisés à des fins stylistiques spécifiques.

À leur tour, ces mots sont divisés en deux groupes de vocabulaire obsolète: les historicismes et les archaïsmes.

Les historicismes (en français ils sont appelés “signes” du temps, en anglais – obsolete words) sont des mots désuets qui appellent des choses ou des phénomènes obsolètes. Une caractéristique des historicismes est l'absence de synonymes dans le langage moderne. Lorsqu'il est nécessaire de décrire un objet qui est hors d'usage, il est nécessaire d'appliquer des historicismes, car dans la langue moderne, de tels objets ne sont tout simplement pas présents. Dans le langage anglais nous pouvons marquer les historicismes tels que: “goblet”; “mace”; “knight”; “yeoman”; “snoutfair” etc. Les exemples en français sont: “tun”, “œillère”, “arrêtiste”, “masticatoire” etc.

Les archaïsmes (en anglais “archaisms” en français “les mots archaïques”) sont des mots désignant des objets, des phénomènes qui existent actuellement, mais pour une raison quelconque, ces mots ne sont pas utilisés. Par exemple: thou – you; shalt – shall – will; anon – soon; doth – does; [Брода: 2019, 184–186] “behold”; “hark”; “behoof”; “damsel”; “ouïr”; “baller”.

Le vocabulaire obsolète peut remplir une fonction nominative et stylistique dans les œuvres, il contribue à recréer la couleur d'autres époques et à l'immersion dans l'atmosphère, à cette fin, utilisez à la fois des historicismes et des archaïsmes. Souvent, l'utilisation d'un tel vocabulaire peut être trouvée dans des œuvres liées au thème historique. Une autre fonction des mots obsolètes dans divers textes est de créer un son hautement poétique et poétique, pour donner de la solennité. Dans ce rôle, les archaïsmes jouent principalement.

Ainsi, en anglais et en français, les mots sont constamment modifiés et servent de pont entre le passé et le présent, les langues sont constamment enrichies de nouvelles expressions, de nouveaux mots et d'Argot. Nous permettant de prendre conscience de notre culture et de comprendre comment les générations précédentes ont pensé et comment l'histoire du pays de la langue s'est développée. En outre, le vocabulaire

obsolette aide l'écrivain à créer une atmosphère particulière pour ses œuvres, immergeant le lecteur dans une certaine époque du temps et de l'espace. Ainsi, le processus de développement et d'obsolescence des mots est un mouvement inévitable et nécessaire vers un monde en constante évolution.

Литература

1. Брода В. Е., Мальцева Д. С. Архаизмы в английской литературе / В. Е. Брода, Д. С. Мальцева [Текст] // International Journal of Humanities and Natural Sciences, – Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, 2019. – С. 184–186.

2. Exemples de mots supprimés // Académie française URL: <https://www.academie-francaise.fr/le-dictionnaire-la-9e-edition/exemples-de-mots-supprimes> (дата обращения: 09.03.2025).

3. Романова А. Английские слова, вышедшие из употребления / Анастасия Романова [Электронный ресурс] // Lim English: [сайт]. – URL: <https://lim-english.com/posts/vyshedshie-iz-upotrebleniya-slova/> (дата обращения: 05.03.2024).

УДК 811.161.1'367

М. В. Фокша

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

БЕССОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛОМ ПОБУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЧИ

В данной статье делается попытка выявить особенности стилистического использования одной разновидности бессоюзного предложения современной французской речи. Материалом для исследования послужила прямая речь персонажей в художественной прозе. При выведении структурной схемы бессоюзного предложения было взято соотношение модально-временных значений компонентов.

Ключевые слова: бессоюзные предложения, глагол, побуждение, французская речь, художественная проза.

CONJUNCTIONLESS SENTENCES WITH THE VERB OF MOTIVATION IN MODERN FRENCH

In this article, an attempt to identify the features of the stylistic use of one variety of an unconnected sentence in modern French speech is made. The material for the study was the direct speech of the characters in fiction. When deducing the structural scheme of the unionless sentence, the ratio of the modal-temporal values of the components was taken.

Keywords: conjunctionless sentences, verb, motivation, French speech, fiction.

Характеристика того или иного стиля определяется, как известно, целевой установкой и содержанием высказываемого. Прямое назначение разговорной речи – удовлетворять задачам непосредственного общения. Из функции и вытекают стилевые черты: образность, эмоциональность, динамичность, простота изложения. Последняя проявляется не только в отборе лексических средств, но и в грамматическом построении, главным образом в форме предложений.

Именно в синтаксисе и выявляются структурные сдвиги, характеризующие разговорную речь, наблюдается усиление одних тенденций развития за счет ослабления других в современной французской речи [Шигаревская, 1970: 13–14]. Одной из таких тенденций является стремление разговорной речи к максимальной семантической емкости конструкций при минимуме языкового материала. Этим требованиям отвечают бессоюзные предложения, которые позволяют образно, лаконично и компактно выразить мысль, оставляя в тени связи между соотносящимися высказываниями.

В данной статье делается попытка выявить особенности стилистического использования одной разновидности бессоюзного предложения современной французской речи. Материалом для исследования послужила прямая речь персонажей в художественной прозе. При выведении структурной схемы бессоюзного предложения было взято соотношение модально-временных значений компонентов, а именно побудительная модальность в первой части и индикативная во второй: *Montez. j'ai quelque chose à vous donner* (Druon).

Как показали наблюдения, конструкции, построенные по указанной схеме, необычайно широко распространены в разговорной речи, поскольку побудительная модальность составляет специфику этого стиля, который всегда рассчитан на немедленную реакцию слушателя. При анализе бессоюзных предложений были учтены следующие конструктивные признаки: потенциальный количественный состав или открытость/ закрытость структуры сложного предложения; син-

таксическая связь между компонентами, т. е. их расположение относительно друг друга; особенности семантического наполнения, строения и лексического состава компонентов [Шубб, 2000: 37].

При таком подходе к исследуемой единице собственно синтаксическая сторона строения предложения входит в соприкосновение с областью лексики. Изучение взаимодействия этих органически переплетающихся языковых областей представляется особо важным при бессоюзном способе объединения простых предложений в единое сложное целое, так как при отсутствии союзов основная тяжесть падает на внутреннюю структуру компонентов.

Наблюдения показали, что изучаемые бессоюзные предложения по своему потенциальному составу являются закрытыми структурами, т. е. всегда образуются из двух частей. Первая содержит побуждение к определенному действию, вторая – стимул побуждения. Приведенная выше конструкция рассматривается нами как минимальная, поскольку включает в свой состав только две предикативные единицы. Однако в речевой действительности возможны также усложнение или многочленные построения, когда один из компонентов построен по той или иной модели сложного предложения. Такой компонент может находиться как в препозиции, так и в постпозиции к простому предложению: *Ouvre à la chatte: elle sait aussi que midi approche* (Collette).

В составе данного бессоюзного предложения наложены одна на другую две минимальные конструкции закрытой структуры: сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным и простое предложение. Однако это не ведет к расширению самой структуры бессоюзной конструкции, а создает лишь комбинацию предикативных единиц в рамках этой конструкции [Белошапкина, 1970: 20].

Бессоюзные предложения, построенные по указанной схеме, формируются относительно свободно, и связь между частями носит двойственный характер: при тесной смысловой обусловленности компоненты сложного единства остаются самостоятельными в структурном отношении. Таким образом, с одной стороны, налицо как бы паратактическое сочетание предикативных единиц, а с другой, их логическая взаимообусловленность. Это своеобразие бессоюзных предложений исследуемого типа заставляет отдельных лингвистов рассматривать бессоюзную связь как недифференцированную в отношении сочинения и подчинения [Кобозева, 2000: 167].

Однако при последовательном применении принципа структурно-смысловой завершенности/незавершенности компонентов к бессоюзным предложениям становится возможным говорить о сочинительной связи в приведенном выше примере. Действительно, обе составные части обладают структурной и семантической законченностью и могут выступать в качестве единицы общения при самостоятельном употреблении. Связь между ними в бессоюзном комплексе мало чем отличается от связи, возникающей в рамках союзного сложносочиненного предложения: *Posez-moi des questions, (et) vous allez comprendre (Queueau)*.

Основными средствами связи при отсутствии прямых показателей смысловых отношений – союзов – становятся соотношение модально-временных форм сказуемых, интонация и различные анафорические «подхваты».

Как было сказано выше, соотношение модально-временных форм глаголов выступает в качестве главного выразителя общего значения обусловленности при соположении.

В создании вариантов бессоюзных предложений немаловажную роль играют особенности семантического наполнения, строения и лексического состава компонентов.

Один из вариантов в данного типа бессоюзной связи представлен конструкциями, вторая часть которых содержит глагол-сказуемое в форме будущего времени: *Montez, vous l'y trouverez (Sartre)*.

В подобных построениях возможно усмотреть условно-следственные отношения. Оба действия оказываются отнесенными в план будущего, поскольку в самом содержании модальности повелительного наклонения заключена соотнесенность с будущим. При помещении императива в начальную позицию возникает определенное хронологическое отношение между двумя действиями, так как прежде, чем наступит следствие, должно быть выполнено приказание. Так на основе временных отношений возникают отношения обусловленного и обусловливающего. Таким образом, повелительное наклонение приобретает лишь в пределах бессоюзного сложного комплекса значение условно предполагаемого действия. Будущее же время способствует тому, что временная связь между условием и следствием мыслится не как реальная, а как возможная, т. е. налицо модальность потенциального будущего. Бессоюзные предложения в данном случае могут быть соотнесены с союзными предложениями с союзом *si*: *Montez,*

vous l'y trouverez. Si vous montez, vous l'y trouverez. Однако при трансформации происходят изменения в строе сложного предложения, появление союза *si* требует форму настоящего времени индикатива.

Наблюдения показали, что исследуемые бессоюзные предложения могут быть ассоциированы и с союзными сложносочиненными: *Montez, (et) vous l'y trouverez.*

Соединение компонентов с помощью союза *et* не приводит к каким-либо существенным сдвигам. Указанные обстоятельства утверждают мысль о том, что не так уж далеки друг от друга подчинение и сочинение, как способы оформления высказывания в соответствии с действующими отношениями между отдельными его членами [2].

Следующим вариантом структурной схемы бессоюзных конструкций с «побуждающим глаголом» являются комплексы, вторая часть которых содержит глагол-сказуемое в настоящем или прошедшем времени индикатива: *Montez, j'ai quelque chose à vous donner (Druon). Adressez-vous à l'escalpe précédente: cet avion-là vient d'en arriver (Saint-Exupéry).*

Первая часть может выражать различные оттенки волеизъявления говорящего от категорического приказания до просьбы, а вторая часть содержит обоснование, мотивировку, причину побуждения. Значение мотивированности зависит в большинстве случаев от содержания, от конкретной семантической заплняемости структурной схемы. Наиболее четко значение поясняющей мотивировки проявляется при наличии во второй части глаголов, выражающих должествование, необходимость, возможность (*devoir, falloir, avoir à, avoir besoin de, pouvoir, etc*): *Venez avec moi, Dominique, il faut vous coucher (Gyleroi). Taisez-vous, cela vaut mieux pour votre affaire (Camus).*

Яркому выражению указанных смысловых отношений способствует также отрицательная модификация «побуждающего» глагола. Говорящий предупреждает, предостерегает своего собеседника от совершения конкретного действия, указывая на причину. *N'entre pas: ton frère fait sa toilette (Mauriac).*

Мотивироваться может не только глагол-сказуемое, но и обстоятельство: *Mets-toi là, j'ai de la laine à dévider (Aragon);* прямое или косвенное дополнение: *Gardez la cravate, j'en ai en réserve (Jonesco). Me mentez plus à mon fils: vous le dégradez (Sartre);* предикатив подлежащего: *Sois raisonnable, il faut aller dormir (Gyleroi).*

Первая часть бессоюзного сложного предложения может быть более или менее распространенной в силу лексико-грамматических

свойств глагола-сказуемого. Распространению лексического состава способствует, например, наличие обращений, поскольку побуждение к действию всегда обращено к определенному лицу-адресату: Madeleine, asseyez-vous comme il faut, voue ma faites mal aux muscles (Triolet).

Увеличению объема первого компонента служат многочисленные усилительные частицы, сочетающиеся с глаголом побуждения, типичные для разговорного языка. Наиболее частым и нейтральным в стилевом отношении является употребление в усилительной функции союза donc: Tire donc sur ta pauvre soeurette: j'ai fait une lettre (Sartre). В качестве усилительного элемента возможно также употребление союза mais, который примыкает препозитивно к отрицательному слову non: Mais non, ne secoue pas la tête, je trouve que tu es beaucoup plus belle qu'il y a quelques années (Courtade).

Но вместе с тем имеются случаи сокращения объема предложений под влиянием принципа экономии средств выражения, характеризующего разговорную речь: Fais pas l'autruche, t'as passé l'âge (Arnaud).

Конструкции, подобные двум последним, где отсутствует отрицание и безличное местоимение при глаголе, характерны прежде всего для фамиллярно-разговорной речи.

Бессоюзные сложные предложения, передающие отношения пояснения и мотивировки, легко соотносимы как со сложносочиненными, так и со сложноподчиненными: dépêchez-vous, je suis fatiguée (Triolet). Dépêchez-vous (car, parce que), je suis fatiguée.

Подстановка сочинительного союза **car** и подчинительного **parce que** не влечет структурных и смысловых модификаций, поскольку причинно-следственные отношения вытекают лишь из лексического наполнения составных частей и никак не выявляются в их логико-грамматической структуре.

Одним из конструктивных релевантных признаков бессоюзных комплексов с «побуждающим» глаголом является порядок следований частей. Он строго регламентирован, поскольку отражает естественную последовательность явлений в реальной действительности. При бессоюзном соположении порядок расположения компонентов относительно друг друга играет решающую роль в установлении конкретных синелевых связей. Изменение порядка следования частей влечет за собой изменение семантико-синтаксических отношений в пределах бессоюзного единства: Dépêchez-vous, je suis fatiguée. Je suis fatiguée, dépêchez-vous. Вследствие перестановки соположенных пред-

ложений сложная конструкция, причинная по преимуществу, становится следственной.

Изменения смысловых отношений наблюдаются и в бессоюзных комплексах с условно-следственной связью, если часть с побуждающим глаголом оказывается в постпозиции: *Démolissons tout cela, on s'en portera mieux* (Jonesco). *On s'en portera mieux, démolissons tout cela.*

В результате проведенного преобразования условная взаимообусловленность превращается в присоединительную связь, а часть с «побуждающим» глаголом становится второстепенной. Изменяется соответственно и интонационный рисунок: присоединяющаяся глагольная синтагма произносится бегло и пониженным тоном.

Итак, бессоюзные предложения с глаголом побуждения составляют специфику разговорной речи. Изученные конструкции являются необычайно выразительными и эмоционально окрашенными. Они обладают способностью придавать речи живость, простоту, изящество, отличаются многообразием смысловых оттенков.

Литература

1. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке [Текст]: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. (10.660) / [Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филол. фак. Кафедра рус. яз.]. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 20 с.
2. Грамматика современного русского литературного языка [Текст] / [С. Н. Дмитренко и др.; отв. ред. Н. Ю. Шведова]; Акад. наук СССР, Ин-т русского яз. – Москва: Наука, 1970. – 767 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
4. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи [Текст] / Н. А. Шигаревская; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград: [б. и.], 1970. – 215 с.
5. Шубб Л. В. Моносубъектные сложносочиненные предложения в современном французском языке: на материале союзных и бессоюзных предложений в научном и художественном стилях: дис... канд. фил. наук: 10.02.05 / Шубб Лариса Валерьевна. – М., 2000. – 171 с.

Г. Халджанов, А. Нарбаева, Я. Ягшымаммедов, Д. Душмова
(Туркменский сельскохозяйственный институт)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Статья посвящена современным подходам к изучению языкознания в Туркменистане, с акцентом на развитие туркменского языка и его роль в культурной и социальной жизни страны. Рассматриваются исторические аспекты становления языкознания в Туркменистане, начиная с советского периода и заканчивая современной эпохой, после обретения независимости в 1991 году. Особое внимание уделено вопросам стандартизации языка, роли туркменского языка в образовании и науке, а также влиянию социолингвистических факторов на развитие языка. Статья также поднимает проблемы в лексикографии и диалектологии, а также подчеркивает важность работы научных учреждений и преподавателей в сохранении и популяризации туркменского языка. В заключение, выделяются перспективы развития языкознания, включая углубленное исследование языковых контактов и разработку новых методик преподавания языка, а также развитие языковых технологий для сохранения и популяризации туркменского языка в условиях глобализации.

Ключевые слова: Туркменский язык, языкознание, социолингвистика, стандартизация, диалектология, лексикография, культурная идентичность, образование, цифровизация языка.

MODERN APPROACHES TO LANGUAGE LEARNING IN TURKMENISTAN

The article is devoted to modern approaches to the study of linguistics in Turkmenistan, with an emphasis on the development of the Turkmen language and its role in the cultural and social life of the country. The article examines the historical aspects of the development of linguistics in Turkmenistan, starting from the Soviet period and ending with the modern era, after gaining independence in 1991. Particular attention is paid to the issues of language standardization, the role of the Turkmen language in education and science, as well as the influence of sociolinguistic factors on the development of language. The article also raises problems in lexicography and dialectology, and emphasizes the importance of the work of scientific institutions and teachers in preserving and popularizing the Turkmen language. In conclusion, prospects for the development of linguistics

tics are highlighted, including an in-depth study of language contacts and the development of new methods of language teaching, as well as the development of language technologies for the preservation and popularization of the Turkmen language in the context of globalization.

Keywords: Turkmen language, linguistics, sociolinguistics, standardization, dialectology, lexicography, cultural identity, education, digitalization of language.

Языкознание, как наука, всегда играло ключевую роль в изучении культурных и исторических аспектов любого общества. В Туркменистане, где разнообразие языков и культур играет важную роль, современные подходы к изучению языкознания приобретают особое значение. Исследования в этой области направлены не только на изучение туркменского языка, но и на исследование языковых контактов, социолингвистических процессов, а также на сохранение языкового наследия.

1. Развитие языкознания в Туркменистане: Исторический контекст. Туркменистан имеет долгую и богатую языковую историю, и в контексте советского периода происходило активное развитие изучения туркменского языка и других языков народов Центральной Азии. После обретения независимости в 1991 году страна столкнулась с новой задачей – сохранение и развитие национальной языковой идентичности, что связано с укреплением позиций туркменского языка как государственного. С переходом к независимости начали развиваться новые подходы в изучении и преподавании языка, учитывая глобализационные процессы и потребности в современном образовании [Ашхабад, 2018: 131].

2. Современные тенденции в изучении туркменского языка. Основной акцент в изучении туркменского языка в современном Туркменистане делается на следующих аспектах:

- Кодификация и стандартизация языка: После обретения независимости был сделан большой шаг в стандартизации туркменского языка. Приняты различные грамматические, орфографические и стилистические нормы, что позволило повысить качество преподавания и использования языка в официальных и научных текстах.

- Роль туркменского языка в образовании и науке: В последние десятилетия в Туркменистане значительно расширилась роль туркменского языка в образовательной системе. Вопросы преподавания и изучения туркменского языка стали не только научными, но и по-

литическими, поскольку это помогает сохранить культурную идентичность и самобытность народа.

- Цифровизация языка: В последние годы активно развивается направление, связанное с цифровыми технологиями и языковыми инновациями. Программы перевода, создание словарей и других онлайн-ресурсов способствуют популяризации языка среди молодежи и обеспечению его присутствия в виртуальном пространстве [Ашхабад, 2020: 116].

3. Влияние социолингвистических факторов на изучение языка. Социолингвистическая ситуация в Туркменистане также оказывает значительное влияние на развитие языкознания. Страна является многоязычной, где наряду с туркменским языком используются русский, узбекский, и другие языки, что приводит к многокультурному и многоязычному взаимодействию. Это взаимодействие влияет на развитие лексики, грамматики и фонетики, а также на появление заимствованных слов и выражений. Исследования социолингвистических аспектов языка помогают лучше понять, как разные языки взаимодействуют друг с другом и как сохраняется и развивается родной язык среди различных социальных групп.

4. Проблемы и вызовы в современной лексикографии и диалектологии. На сегодняшний день одной из важнейших задач является развитие и совершенствование лексикографической работы и диалектологических исследований. Туркменистан, как и другие страны Центральной Азии, обладает значительным разнообразием диалектов и местных языковых особенностей. Это делает необходимым создание подробных словарей и карт диалектов, что может служить основой для дальнейших лексикографических и диалектологических изысканий [Ашхабад, 2018: 98].

5. Роль научных учреждений и преподавателей в развитии языкознания. Туркменистане активно развиваются научные исследования в области языкознания, благодаря таким учреждениям, как Туркменский институт языка, литературы и истории. На базе этого института проводятся важные исследования, направленные на сохранение, развитие и популяризацию туркменского языка.

Преподаватели и ученые в этой области активно работают над теоретическими и прикладными аспектами языкознания, что способствует улучшению качества образовательных программ и методик преподавания языка.

6. Перспективы развития языкознания в Туркменистане. С учетом глобализационных процессов и устойчивых языковых тенденций, в Туркменистане существует множество возможностей для дальнейшего развития языкознания. Важнейшими направлениями в будущем будут:

- Углубленное исследование языковых контактов и заимствований;
- Разработка новых учебных материалов и методик для преподавания языка;
- Продолжение работы над сохранением и развитием туркменских диалектов;
- Развитие языковых технологий и программных продуктов, способствующих сохранению и популяризации туркменского языка [Ашхабад, 2019: 67].

Историческое развитие языкознания в Туркменистане: В советский период активно развивалась лексика и грамматика туркменского языка, с последующим укреплением позиций национальной идентичности после обретения независимости в 1991 году. Это привело к усилению роли туркменского языка в государственном и образовательном контексте.

Современные тенденции в изучении туркменского языка: Кодификация и стандартизация туркменского языка привели к улучшению качества преподавания и использования языка в официальных текстах. Активное развитие цифровых технологий способствовало созданию программ для перевода и онлайн-ресурсов, что сделало язык доступным для молодежи и в виртуальном пространстве.

Социолингвистические факторы: Многоязычная ситуация в Туркменистане (с использованием туркменского, русского, узбекского и других языков) способствует динамичному взаимодействию языков, влияющему на развитие лексики, грамматики и фонетики туркменского языка.

Проблемы в лексикографии и диалектологии: Возникает необходимость создания подробных словарей и карт диалектов, что позволит сохранить и изучить языковое разнообразие и местные особенности.

Роль научных учреждений и преподавателей: Институты, такие как Туркменский институт языка, литературы и истории, играют ключевую роль в сохранении и распространении туркменского языка, активно работая над развитием теоретических и прикладных исследований.

Перспективы развития языкознания: Будущие исследования будут направлены на углубленное изучение языковых контактов, продолжение работы по сохранению туркменских диалектов и развитие новых методик преподавания. Особое внимание будет уделяться развитию языковых технологий, что позволит сохранить и продвигать туркменский язык в глобализированном мире [Ашхабад, 2021: 78].

Современные подходы к изучению языкознания в Туркменистане характеризуются активной работой в области стандартизации и сохранения туркменского языка, углубленным анализом социолингвистических процессов и диалектов. С развитием науки и технологий, а также с учетом культурной и языковой идентичности, Туркменистан продолжает двигаться в направлении устойчивого языкового и культурного развития, что является важным элементом сохранения национального наследия и повышения роли туркменского языка в мировом сообществе.

Литература

1. Ахмедова С. А. Социолингвистические аспекты изучения туркменского языка в условиях глобализации. Ашхабад: Туркменский институт языка, литературы и истории. 2018. – 131 с.
2. Курбанова Р. Ш. Языковая политика в Туркменистане: актуальные вопросы и тенденции. Ашхабад: Издательство «Туркменистан». 2020. – 116 с.
3. Гурбангулы Бердымухамедов. Туркменистан находится на пути к достижению целей устойчивого развития. – Ашхабад: ТДНГ, 2018. – 98 с.
4. Развитие систем образования, науки, здравоохранения, спорта и архивного дела в Туркменистане. Программа на 2019–2025 годы. – Ашхабад: 2019. – 67 с.
5. Гурбанов С. С. Цифровизация туркменского языка: проблемы и решения. Ашхабад: Наука, 2021. – 78 с.

А. М. Харитонов

(Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток)

ОБ ОТОБРАЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Современное литературоведение в вопросах пространственной привязки произведений древнерусской литературы ориентируется в основном на исторические предубеждения геополитиков о местонахождении территории ранней русской государственности, что приводит к искажению географического восприятия текста.

Ключевые слова: гипербола, историческая география, Древняя Русь, Киев, Дикое поле, Тмутаракань.

ON THE REPRESENTATION OF THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF ANCIENT RUSSIA IN THE WORKS OF ANCIENT LITERATURE

Modern literary criticism in matters of spatial reference of works of ancient Russian literature focuses mainly on the historical prejudices of geopoliticians about the location of the territory of the early Russian statehood, which leads to a distortion of the geographical perception of the text.

Keywords: hyperbole, historical geography, Ancient Russia, Kiev, Wild field, Tmutarakan.

Современная геополитика исходит из традиционного отождествления летописного Киева с современной столицей Украины. Этому же постулату следуют и все смежные с историей науки, в т. ч. лингвистика и литературоведение.

А вот картография реагируют несколько иначе. Ведь даже наиболее передовая для средних веков арабская география, зная Древнюю Русь, Булгар и Куяву-Киев, не знала территорий севернее низовьев реки Дон и даже Крым ей был толком не известен.

Кроме того, первые иностранные географические карты для центра и севера Русской равнины появляются на полвека позднее путешествия Колумба [Багров, 2005]. Неужели картографов Европы не интересовала Русь?

Именно эти обстоятельства при их своевременном учете историками и востоковедами и могли дать нам ключ к решению проблем отечественной исторической географии и местонахождению Русского каганата, выделяемого некоторыми историками [Галкина, 2002 и др.]. Но в геополитике историческая география считается всего только вспомогательной исторической дисциплиной и никак не способна играть ведущую роль в истории.

Между тем уже О. Н. Трубачев, исследуя ряд топонимов «Слова о полку Игореве», заметил их сходство с некоторыми же древними названиями местечек вокруг Азово-Черноморского бассейна близ Тмутаракани. А что если поход Игоря на половцев проходил вовсе не там, где ему предписывают быть историки, заметим мы?

Ведь Дикое поле потому и Дикое, что в нем круглогодично обитали кочевники. Между тем, как отмечал еще Л. Н. Гумилев, украинские степи совершенно непригодны для постоянного кочевания. Этому препятствует плотный снежный покров в зимний период. По этой причине местонахождение столиц Золотой Орды на нижней Волге выглядит как нонсенс. Ведь зимой климатические условия здесь достаточно суровы.

А вот на Северном Кавказе условия для кочевки более благоприятны. В горах на каждый километр подъема температура падает на 5–6 градусов, потому летом скот и перегоняют в горы. Даже в некоторые теплые зимы в период климатического оптимума средневековья коннице воевать было предпочтительней, чем летом, когда лошади могли погибнуть от перегрева.

Но если первой столицей Батые был город Булгар (не на Волге, а, как мы [Харитонов, 2024], идентифицировали, на Северном Кавказе), то и другие известные в истории столицы татар должно искать вблизи него. Предпочтительней в этом отношении выглядят давно открытые археологами городища с именем Джулат. Последнее явно схоже с понятием «Город» в иноземной трактовке. Кстати, в переводе на русский язык и топоним Сарай является именно «Городом».

Отметим, что некоторые русские былины о князе Владимире не только упоминают, но и буквально изобилуют татарскими персонажами. При историческом Владимире Красное Солнышко, жившем задолго до их появления под стенами Киева, такого быть не могло, что сильно снижает ценность былин в качестве исторического источника в глазах специалистов.

Откуда же появились в былинах татары? Мы обратили внимание, что само имя Владимир трактуется совершенно в духе славянской «народной этимологии» как «владеющий миром». В арабской передаче средних веков это же имя звучит как Буладмир, похоже, явно тюркская передача имени Булат-Темир.

Любопытно, что это имя упоминается как имя болгарского правителя, который добился независимости Булгара уже после его завоевания татарами. Не этот ли персонаж подменил прежнего былинного Владимира в позднем пересказе?

Другой летописный Владимир загнал кочевников-половцев за «Железные ворота». Это всегда считалось гиперболой. Как мог он дотянуться столь далеко из Киева и Чернигова до прикаспийского Дербента, где и находились знаменитые ворота?

При этом никому не приходит в голову задать встречный вопрос: а как могла в таком случае дотянуться до Киева на современном Днепре та же Хазария, которая согласно известной записке его правителя имела относительно скромные географические размеры на востоке Северного Кавказа?

Ответ прост: лингвисты-слависты, согласно статусу, больше тяготеют к антинорманизму в геополитике и потому подспудно заметили географическую нестыковку, тогда как норманисты уже давно перестали считаться с исторической географией ради достижения своих геополитических целей.

Но если вспомнить, что по данным арабской географии Булгар находился в двадцати днях пути от Киева (в XVII веке турецкий путешественник Эвлия Челеби [1979] добрался от Тамани до развалин Кавказского Булгара за 70 дней), то до Дербентских ворот эти Киевские полки вполне могли бы и дойти!

Более того, историкам известно, что часть половцев обосновалась в Грузии, где беглецов приветливо встретили и определили на новое место жительства. Ведь грузинский царь тогда отчаянно нуждался в коннице для борьбы с внешними врагами. Известна даже тюркская легенда, как потом этих беглецов соплеменники пытались возвратить на прежние места обитания. Помог, согласно преданию, еще не забытый предводителем горький запах полыни родного половецкого поля.

Но если разместить этот Киев в верховьях Русской реки, за которую араб Идриси принимал явно реку Кубань, то тогда те же правители этого Киева вполне могли подпирать горы своими железными

полками. Образно? Да, несомненно. Лучше, пожалуй, и не скажешь. Но вот в современном Киеве на Украине поблизости от города вообще нет никаких крупных гор! Подписать и вовсе нечего.

Известно, что русские кузнецы из «болотной руды» изготавливали замечательные на взгляд соседей мечи. Но что это была за руда? Дело в том, что в античной географии «болотом» считалась Меотиды (современное Азовское море). Сегодня на его берегах известно Керченское месторождение железных руд. Сами эти руды относительно низкого качества и нуждаются в обогащении, чтобы служить сырьем для выплавки стали. Но вполне допустимо, что секрет их обогащения был ранее известен русским кузнецам, или они пользовались более богатыми тогда по содержанию железа рудами. Не отсюда ли ведет начало выражения «болотная руда»?

Иное размещение древнерусских городов на географической карте влечет за собой ошибки географов в определении климатических и иных физико-географических характеристик нашего прошлого по вине историков, исказивших историческую географию Древней Руси. А ведь еще дореволюционные астрономы заметили нестыковки астрономических затмений в Киеве на Днепре и Киеве летописном.

Впрочем, вопрос о возможном существовании этого иного Киева в нашей истории даже не поднимался. Ведь наши летописи во многом повторяли зарубежные источники, что астрономов в качестве ответа удовлетворило. А как тогда могло быть иначе?

Любопытно, что современное местное название Владикавказа как Дзауджикау в летописной трактовке явно выглядит как город Деяков. Не является ли – кау в данной трактовке (осетинское «деревня» по словарю В. И. Абаева [Абаев, 1970: 127] отголоском топонима Киев или наоборот?

Местоположение Киева в верховьях Кубани вблизи современной реки Кува на месте раскопанного Ильичевского городища (ср. Кува-Киев арабской географии) на Кавказе вполне совпадает с положением выделяемой историками Западной Алании. Последнюю вполне можно трактовать и как Белую, т. к. белый цвет обычно связывают именно с западной стороной горизонта [Мурзаев, 1995, Подосинов, 1999 и др.]. Это совпадает с теорией, объявляющей роксолан непосредственными предками русских.

Любопытно, что писатель Л. Прозоров [2009], исследуя как раз кавказские истоки нашей истории, умудрился изгнать русских с этой

территории на 500 лет. При этом он как-то не заметил, что один из потомков русского князя Андрея Боголюбского из Новгорода в этот период умудрился не только стать мужем царицы Тамары, но и едва не вытеснил ее с престола.

Кстати, Новгород этот явно не современный Великий Новгород. О. Н. Трубачев [2005] считал его Новгородом Русским, также известным как город Навар. В арабской географии он известен как остров русов (скандинавское Хольмгард, где «хольм» – остров, а Гарды – скандинавское название Руси). В нем, вероятно, и жил былинный Садко. Действительно получается, что северорусские былины отображают как раз южную географию Руси. В них встречается и Хвалынское (Каспийское) море. А вот варяги согласно арабу ал Хараки обитали по берегам Меотиды, которую он выделяет как море варанков, т. е. Варяжское море [Древняя Русь ..., 2009: 23].

Любопытно, что Святые горы, в которых в былинах жил русский богатырь Святогор оказались по нашим географическим прикидкам Рипейскими горами античности (Северо-Запад Большого Кавказа) [Харионов, 2017]. А ведь летописи подчеркивали большое количество землетрясений в Киеве, что не характерно для равнинного города! Не есть ли именно это отражение тяжелой богатырской поступи Святогора?

Таким образом, сопоставление данных по Древней Руси арабской географии со сведениями древнерусской исторической литературы приводит нас к совершенно иному восприятию географии Древней Руси. Ее центр оказывается на Северо-Западе Кавказа, где Русь действительно преграждала путь татарам в Западную Европу. Ведь кратчайший путь туда вел через Керченский пролив и степи Крыма.

Это место действительно было богато пушными зверями, до сих пор благоприятно для развития пчеловодства (водится кавказская пчела) и расположено на северном фасе Великого Шелкового пути. Татарское же нашествие вытеснило с Северного Кавказа местных степняков в неблагоприятные для кочевки территории степи Поволжья и Казахстана.

Литература

1. *Абаев В. И.* Русско-осетинский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 584 с.
2. *Багров Л.* История русской картографии. – М.: Центрполиграф, 2005. – 523 с.

3. Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. – М.: Вече, 2002. – 430 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.
5. Мурзаев Э. М. Топонимика и география. – М.: Наука, 1995. – 304 с.
6. Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архайических культурах Евразии. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 720 с.
7. Прозоров Л. Р. Кавказская Русь: Исконно русская земля. – М.: Эксмо, Яуза, 2009. – 288 с.
8. Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 286 с.
9. Харитонов А. М. Где бродил Святогор-Богатырь? (Мифологическая география в некоторых русских былинах, сказках и легендах) // VII Кирилло-Новоезерские чтения [Электронный ресурс]:– Белозерск: БУК ВО «Белозерский областной краеведческий музей», 2017. – С. 680–688. URL: belozermus.ru/sites/default/files/blog/2022/ (Дата обращения 4.03.2025)
10. Харитонов А. М. О вариантах поиска летописного Киева на современной географической карте // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: Десятые Максаковские чтения. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2024. – С. 326–330.
11. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). – Вып. 2 / Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1979. – 288 с.

УДК 81.111.25

А. Д. Хвостик

(Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко)

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ЭЛЛИПСИСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается понятие эллипсиса и проведён обзор некоторых эллиптических конструкций, обнаруженных в англоязычном художественном произведении. Особое внимание уделяется проблеме эквивалентности в переводе эллиптических конструкций с английского на русский язык.

Ключевые слова: эллипсис, эллиптическая конструкция, художественный текст, перевод, эквивалентность.

ON TRANSLATING ELLIPSIS IN LITERARY TEXTS

The article discusses the concept of ellipsis and provides an overview of some elliptical structures found in English literary texts. Particular attention is paid to the problem of equivalence in the translation of elliptical constructions from English into Russian.

Keywords: ellipsis, elliptical construction, literary text, translation, equivalence.

Цель данной статьи – рассмотреть явление эллипсиса в английском художественном тексте и способы эквивалентной передачи эллиптических конструкций при переводе с английского языка на русский язык.

Эллипсис (*ellipsis*) – опущение частей высказывания, которые легко восстанавливаются в контексте в зависимости от языковой ситуации [Гальперин, 1981: 33]. Отмечается, что эллипсис используется во избежание повторений, ради опущения уже известной информации или фокусировки внимания на новых или более важных деталях [Quirk, Greenbaum, 1973: 251]. Данное лингвистическое явление, такое характерное и естественное для устной речи, становится стилистическим приёмом и структурой экспрессивного синтаксиса, как только задействуется в письменном тексте [Гальперин, 1981: 209].

Ниже представлено обсуждение некоторых примеров эллиптических конструкций и способов их перевода, обнаруженных в произведении американского писателя Рика Риордана «Магнус Чейз и Меч Лета», первой части трилогии приключенческого фэнтези «Магнус Чейз и боги Асгарда», и его перевода А. Д. Иванова и А. В. Устиновой от издательства «Эксмо».

“Enough of that!” [Riordan, 2015:57].

– *Достаточно нитья!* [Риордан, 2016:59].

В вышеприведённом эллиптическом предложении переводчик верно уловил весь накал ситуации и в реплике разозлившегося персонажа, отбросившего все формальные нормы приличия и культуры, использует конкретизацию, заменяя указательное местоимение *“that”* на экспрессивно негативное существительное «нитьё».

“A brave death? Not so much” [Riordan, 2015:60].

– *Храбрая смерть? Ха-ха-ха* [Риордан, 2016:63].

В следующем примере переводчик передаёт смысл эллиптического предложения с помощью совершенно отличающегося от оригинала лексического состава. Прибегая к приёму компенсации, он переводит

выражение “*not so much*” звукоподражательным междометием, добавляя толику горького сарказма ответу на заданный вопрос.

“*So, I said, where are we going?*”

“*The bridge.*” [Riordan, 2015:25].

– Итак, – начал я, – куда мы едем?

– **На мост** [Риордан, 2016:23].

При переводе краткого ответа в эллиптическую конструкцию на русском языке добавляется непроизводный предлог места «на», который уточняет направление движения героев и приводит диалог в такой вид, который привычен для русскоговорящего человека.

“*Time to ruin this guy’s outfit*” [Riordan, 2015:36].

– **Самое время изуродовать его костюмчик.** [Риордан, 2016:34].

В вышеизложенном примере переводчики добавляют лексическую единицу «самое», тем самым указывая на то, что задуманное необходимо выполнить незамедлительно. Также, притяжательное существительное “*this guy’s*” в оригинале с помощью генерализации меняется на притяжательное местоимение «его» в переводе. Однако следует заметить, что в русском примере предложение уже не является эллиптическим ввиду различия грамматических структур английского и русского языков. Эту экспрессивную конструкцию в русском языке компенсирует дважды применённая эмфатизация. Благодаря данному преобразованию глагол “*ruin*” превращается в злонамеренное «изуродовать», а нейтральное существительное “*outfit*” (наряд) – в презрительное «костюмчик» благодаря уменьшительному суффиксу. В следующем же случае переводчик прибегает к приёму синтаксического уподобления.

“*An air raid?*”

“*Dinner.*” [Riordan, 2015:62].

– Воздушная атака?

– **Ужин** [Риордан, 2016:64].

Удачно использованная трансформация демонстрирует живость и стремительность диалога, так как в разговорной речи собеседники нередко используют неполные предложения и эллиптические конструкции ввиду полного понимания внеязыкового контекста с обеих сторон.

Подводя итог, справедливо отметить, что эллипсис играет немаловажную роль в английской художественной литературе, придавая прямой речи и мыслям персонажей лаконичность, динамичность и ре-

алистичность. Эллипсис, являясь важным лингвистическим явлением, способствует экономии языковых средств, повышает уровень выразительности в тексте и содействует расставлению смысловых акцентов. Вследствие различий в грамматико-синтаксических и стилистических возможностях языков, при переводе структур эллипсиса на другой язык, в частности на русский, перед переводчиком встаёт задача сохранить не только окраску и ритм повествования, но и остроту авторского стиля, для того чтобы адекватно передать смысловое содержание и стилистические эффекты, заложенные оригиналом.

Литература

1. Гальперин И. Р. Стилистика Английского Языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 319 с.
2. Риордан Р. Магнус Чейз и боги Асгарда. Меч Лета. – М.: Эксмо [пер. с англ. Иванова А. Д., Устиновой А. В.], 2016. – 449 с.
3. Riordan R. Magnus Chase and The gods of Asgard. The Sword of Summer. – USA: Hyperion Disney Book Group, 2015. – 383 p.
4. Quirk R., Greenbaum S. A University Grammar of English. – Longman, 1973. – 481p.

УДК 81'42

П. А. Хренова

(Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского)

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ 18-19 ВЕКОВ

В статье приводится анализ фитонимической лексики в произведениях английских поэтов-романтиков 18–19 веков. Изучается роль данных лексических единиц в произведениях, их значение, наиболее распространённые ассоциации и образы, связанные с данными лексемами.

Ключевые слова: фитонимическая лексика, лексема, английский романтизм, поэты-романтики, дендронимы, флоронимы.

PHYTONYMIC VOCABULARY IN THE WORKS OF ENGLISH ROMANTIC POETS OF THE 18TH-19TH CENTURIES

This article provides an analysis of phytonymic vocabulary in the works of English romantic poets of the 18th-19th centuries. The role of these lexical units in the works, their meaning, the most common associations and images are studied.

Keywords: phytonymic vocabulary, lexeme, English Romanticism, romantic poets, dendronyms, floronyms.

Фитонимы, то есть «собственные имена любых растений», по определению Н. В. Подольской, представляют интерес для гуманитарных наук, поскольку изучение фитонимической лексики в художественных произведениях – это инструмент исследования языковой картины мира той или иной лингвокультуры, что подчёркивает важность их рассмотрения и изучения [Подольская, 1978: 158].

Анализ фактического материала (120 стихотворений ведущих поэтов английского романтизма 18–19 вв. – У. Блейка [Blake, 1921], У. Вордсворта [Wordsworth, 1908] и П. Шелли [Shelley, 2004]) выявил две основные группы фитонимов, характеризующихся высокой частотностью в рассматриваемых текстах: дендронимы (названия деревьев / кустарников) и флоронимы (обозначения растений).

Согласно данным количественного анализа, наиболее распространённым дендронимом в проанализированных текстах является лексема «лес» (forest / wood) – 34 единицы (12,2 % от общего количества выявленных фитонимов (278)).

С одной стороны, лес в поэзии Уильяма Блейка находится на отрицательном полюсе оценочного континуума. Лес ассоциируется поэтом с таинственным и опасным местом. Во многих его стихотворениях лес – это мифический образ, который вселяет страх, пугает своей серостью и темнотой, например:

And then the lion glares through the dun forest... (“To the Evening Star”)

Или:

Tyger Tyger, burning bright,

In the forests of the night...

(“The Tyger” from “Songs of Experience”).

В то же время лес для У. Блейка – не только что-то серое и мрачное. Поэт также ассоциирует лес с живым существом, которое умеет смеяться, что формирует светлый и радостный образ в восприятии читателя:

When the green woods laugh with the voice of joy...
(“Laughing Song” from “Songs of Innocence”).

В творчестве Вордсворта дендроним «лес» (“woods”) символизирует убежище, райское место для человека. Кроме того, устойчивая ассоциация с образом леса возникает и в стихотворении “Influence of Natural Objects”, где автор представляет лес как место тишины, спокойствия (...among woods // At noon; and mid the calm of summer nights... I homeward went // In solitude).

В большинстве случаев за дендронимом «лес» в поэзии Перси Биши Шелли стоит ассоциация с местом необычайной красоты. Леса выглядят совершенными как по форме, так и по оттенку:

*In which the lovely forests grew,
As in the upper air,
More perfect both in shape and hue
Than any spreading there...* (“To Jane: The Recollection”).

Следующим по распространённости дендронимом является лексема «дерево» (tree) – 30 единиц (10,8 % от общего количества выявленных фитонимов (278)). Дендроним «дерево» в творчестве Блейка ассоциируется с защитой, спокойствием, возможностью укрыться от проблем:

*Sweet sleep come to me
Underneath this tree;
Do father, mother weep. –
Where can Lyca sleep...* (“The Little Girl Lost” from “Songs of Experience”).

Дендроним «дерево» в поэзии Уильяма Вордсворта воплощает образы защиты, надёжности, а также идею единения человека с миром природы, попытки укрыться в ней и избавиться от одиночества. В целом, можно констатировать, что ассоциация между деревьями и живописностью / красотой природы является одной из наиболее частотных в творчестве Вордсворта. Сравните:

*...A host, of golden daffodils;
Beside the lake, beneath the trees,
Fluttering and dancing in the breeze...* (“Daffodils”).

В творчестве П. Шелли дендроним «дерево» является одним из самых частотных. Дерево у Шелли по большей части символизирует жизненную силу. С помощью данного фитонима поэт подчёркивает благотворное влияние солнца на всё живое, когда деревья словно оживают под его лучами и становятся прочнее. В представлении поэта дендроним «дерево» ассоциируется с миром на земле, богатством и красотой, например:

*...Thou tree whose shadow o'er the Atlantic gave
Peace, wealth and beauty, to its friendly wave, its blossoms fade,
And blighted are the leaves that cast its shade... ("To Ireland").*

Следующей частотной группой фитонимов, выявленных в стихотворениях английских поэтов-романтиков, являются флоронимы (обозначения растений).

Согласно данным количественного анализа, наиболее распространённым флоронимом в проанализированных текстах является лексема «цветы» (flowers / blossoms) – 53 единицы (19,06 % от общего количества выявленных фитонимов – 278)). Данный флороним имеет различные коннотации в рассматриваемых произведениях. Так, в творчестве У. Блейка цветы ассоциируются со счастьем, воплощая в себе жизнерадостность, жизнеутверждение, а также защиту от злых сил. Например:

*Merry, merry sparrow!
Under leaves so green,
A happy blossom
Sees you, swift as arrow... ("The Blossom" from "Songs of Innocence").*

В творчестве Вордсворта флороним «цветы» ("flowers") символизирует мир природы, восхищающий поэта. Так, в стихотворении "Calm is the fragrant air, and loth to lose" лексема «цветы» используется для зарисовки вечернего пейзажа (*Warbled a while with faint and fainter powers, // But now are silent as the dim-seen flowers...*), а в стихотворении "A Wren's Nest" – подчёркивает восхищение природой и распускающимися цветами:

*The budding flowers, peeped forth the nest
The prettiest of the grove!*

Примечательно и то, что на первый взгляд прекрасный образ цветов часто символизирует у Шелли ложные и нереализованные надежды, которые не успевают полностью раскрыться, как уже «увядают»:

*...and the hopes that quicken
Under its chilling shade, though seeming fair,
Are flowers which die almost before they sicken.*
(“The False Laurel and the True”).

Как показывает анализ фактического материала, среди флоронимов-гипонимов в проанализированных текстах наибольшее распространение имеет флороним «роза» (rose).

Флороним «роза» (rose) наиболее частотен в творчестве У. Блейка и П. Шелли. Интересно заметить, что роза представлена не только как традиционный символ любви и страсти, но и ассоциируется в творчестве поэтов-романтиков с болью, неприятием, досадой и отвержением, как, например, в:

*But my rose turned away with jealousy,
And her thorns were my only delight...* (W. Blake. “My pretty rose tree”).

Увядшая роза символизирует разочарование в любви, когда чувства поэта не взаимны. Как безответная, «ложная» любовь разрушает розу, так и эта любовь разрушает сердце поэта, словно оно, как и роза, «увядает». Например:

*Such is my heart – roses are fair,
And that at best a withered blossom;
But thy false care did idly wear
Its withered leaves in a faithless bosom...* (P. Shelley. “To Constantia”).

Тем не менее традиционные ассоциации с фитонимом «роза» являются преобладающими в поэзии английских поэтов-романтиков. Примечательно и художественное сравнение между розой и красотой девушки. Розы представлены как красивые, но очень нежные цветы, что переносится на качества личности девушки:

*A damp cold came o’er her, her blushes all fled;
Her lilies and roses are blighted and shed...* (W. Blake. “Mary”).

Итак, дендронимы и флоронимы играют важную роль в произведениях ведущих английских поэтов-романтиков, являясь не только

элементами описания природы, но и символами человеческих чувств и состояний, способом познания определённой лингвокультуры. Несмотря на имеющиеся коннотативные различия, в большинстве случаев отмеченные дендронимы воплощают ассоциации с силой, мудростью, вечностью и единением человека с природой, а флоронимы чаще всего ассоциируются с красотой природы, возрождением, жизненной силой, любовью и невинностью.

Литература

1. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии [Электронный ресурс] / Н. В. Подольская. – Режим доступа: [file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/\[Podolskaya_Natalya_Vladimirovna\]_Slovar_russkoi_o\(Book-See.org\).pdf](file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/[Podolskaya_Natalya_Vladimirovna]_Slovar_russkoi_o(Book-See.org).pdf).
2. P. B. Shelley poems / Classic Poetry Series [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.poemhunter.com/percy-bysshe-shelley/ebooks/?e-book=0&filename=percy_bysshe_shelley_2004_9.pdf.
3. The poems of William Wordsworth [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/poemswilliamwor00smitgoog/page/n26/mode/2up>.
4. The poetical works of William Blake [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/poemsofwilliambl00blakuoft/page/254/mode/2up?ref=ol&view=theater>.

УДК 811.161.1:36

Н. П. Хрящёва

(Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники)

ВЫЯВЛЕНИЕ И ОПИСАНИЕ СТРАТЕГИЙ ОВЛАДЕНИЯ ГРАММАТИКОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье проанализировано влияние когнитивных стилей на освоение русской падежной системой. Описаны стратегии полезависимых и полене-зависимы студентов при изучении русской грамматики. Работа подчерки-вает необходимость дифференцированного подхода в преподавании РКИ и содержит практические рекомендации.

Ключевые слова: русский язык, падежная система, стратегии, когнитив-ные стили.

IDENTIFICATION AND DESCRIPTION OF STRATEGIES FOR MASTERING THE GRAMMAR OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article analyzes the influence of cognitive styles on mastering the Russian case system. It describes the strategies of pole-dependent and pole-independent students in learning Russian grammar. The paper emphasizes the necessity of differentiated approach in teaching Russian grammar and contains practical recommendations.

Keywords: Russian language, case system, strategies, cognitive styles.

При овладении русским языком иностранцы сталкиваются с определенными сложностями. Одной из первых трудностей на начальном этапе обучения является грамматика русского языка, а именно ее падежная система. Главной задачей обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ) общепризнанно считается формирование коммуникативной компетенции, то есть обучение общению на изучаемом языке [Глазунова, 2017: 8]. Традиционно компонентами коммуникативной компетенции в РКИ являются такие виды компетенций, как языковая, социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная и прагматическая. В составе языковой (лингвистической) компетенции принято выделять фонетическую, лексическую и грамматическую. В рамках нашего исследования обратим внимание на формирование грамматической компетенции иностранцев, изучающих русский язык. Под грамматической компетенцией мы понимаем знание грамматических элементов языка и умение использовать их в речи [Фисенко, 2021: 175].

Формирование грамматической компетенции у иностранцев, изучающих русский язык, – это сложный и многоэтапный процесс. Он требует систематического подхода и учета индивидуальных особенностей восприятия информации обучающимися. Основными этапами формирования грамматической компетенции являются: этап презентации грамматического материала, этап первичного анализа полученной информации, этап первичной автоматизации, этап выхода в речь; этап контроля и коррекции; этап использования грамматической конструкции в различных речевых ситуациях; этап повторения и систематизации.

Как видно из описанных этапов работы над грамматикой, обязательным аспектом обучения грамматике является индивидуализация

и дифференциация: учет когнитивного стиля обучающихся. Когнитивный стиль (далее – КС) – это индивидуальный способ восприятия, обработки и организации информации обучающихся [Холодная, 2004: 19]. В контексте изучения грамматики русского языка когнитивные стили обучающихся влияют на скорость усвоения материала, типы ошибок, эффективность методов обучения.

В научной литературе чаще всего выделяют не менее 10 параметров КС (полезависимость / полenezависимость, аналитичность / синтетичность (узкий / широкий диапазон эквивалентности), ригидность / гибкость познавательного контроля, узость / широта категории, толерантность / нетолерантность к нереалистическому опыту, конкретная / абстрактная концептуализация, высокая / низкая когнитивная сложность (заострение/сглаживание), фокусирующий / сканирующий контроль, импульсивность / рефлексивность, когнитивная простота / когнитивная сложность), оказывающих влияние на процесс овладения языком в целом и грамматикой в частности [Лебединский 2019: 21].

В рамках данной работы рассмотрим первый бинарный параметр КС полезависимость / полenezависимость, назовем особенности его проявления, а также выявим и опишем стратегии, используемые обучающимися на начальном этапе обучения при овладении падежной системой РКИ.

Опишем стратегии, которые используют обучающиеся при овладении падежной системой русского языка, выявленные нами в результате наблюдения над иностранными обучающимися курсов русского языка в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники в 2022–2025 годах.

Полезависимые студенты склонны воспринимать информацию целостно, опираясь на контекст, они лучше усваивают материал, когда он представлен в виде готовых речевых образцов, ситуаций или примеров. Следовательно, изучая грамматику они используют стратегии, основанные на своих когнитивных особенностях.

1. Использование контекста и визуальных опор

Грамматический материал должен быть представлен в виде речевых моделей и (или) быть визуально структурированным.

2. Использование вопросов и предложений

Полезависимые студенты при запоминании моделей также создают ассоциации с вопросами и предложениями. Так как они являются

неотъемлемой частью правильной грамматической конструкции, необходимо предъявлять каждый падеж с вопросом (грамматическим и логическим). Например, при работе с винительным падежом мы говорим о вопросах «Кого? Что? Куда? Когда?».

3. Практика через коммуникативные задания

Полезависимые студенты лучше усваивают грамматику в процессе общения и решения некоммуникативных задач. Для реализации этой цели возможно использование такого типа речевых заданий как ролевые игры. Для выполнения такого вида работы хорошей опорой станут памятки по составлению грамматической модели вопроса и грамматической модели ответа: «У кого + есть + кто?» и «У кого + нет + кого».

4. Использование мнемотехники и ассоциаций

Русская падежная система представляет собой большой объем форм, которые необходимо запомнить иностранцам и правильно использовать их в речи. Для запоминания форм дательного падежа мужского и среднего рода принято использовать ассоциацию по форме вопроса «Кому? Чему?» (брату, дому, окну), допустимо использование рифмовок по типу «Я даю книгу другу». Введение дательного падежа начинается со значения адресата и обычно сопровождается жестами и движениями, помогающими создать ассоциативную связь. Жест «передачи» предмета совместно с глаголом «давать», должен закрепиться в сознании обучающихся.

5. Повторение в разных контекстах

Полезависимым студентам важно многократно сталкиваться с падежами в разнообразных речевых ситуациях. Необходимо отбирать ситуации, актуальные для контингента обучающихся. Нельзя ограничиваться только учебной сферой, студентам необходима работа с текстами разных стилей и жанров: анализ употребления речевых моделей всех падежных форм в коротких рассказах, новостных заметках, рецептах способствует формированию всех компонентов коммуникативной компетенции (в частности, социокультурной).

6. Опора на родной язык

Полезависимые студенты зачастую успешно сопоставляют языковые системы родного и изучаемого языков. Допустимо использование аналогий с родным языком студента, если это возможно: например, для носителей английского языка объяснение значения родительного падежа «часть от целого» сопоставляется с «of»: *part of the group, slice of pizza*;

значение «приближение к адресату» дательного падежа сопоставляется с “to”: *go to a friend, fly to my parents*, значение совместного действия с предлогом сопоставляется с “with”: *live with my brother, argue with the teacher*.

7. Групповая работа

Полезависимые обучающиеся используют возможность объединяться в группы и это позволяет им оказываться более эффективными. Для таких студентов предлагаются совместные упражнения на составление предложений с опорой на речевые модели (памятки) и последующая презентация своей работы с объяснением хода мыслей при выборе правильной падежной формы.

1. Структурированные правила и алгоритмы

Полезависимые студенты эффективно запоминают падежные формы через четкие схемы и логичные записи. Создание детализированных таблиц для каждого падежа с примерами по родам и числам обеспечат наглядным материалом студентов такого КС.

Алгоритмы выбора падежа и его формы представляют собой порядок рассуждений, которые необходимо произвести иностранцу, чтобы принять правильное решение при построении грамматически верно-го высказывания. Алгоритм может быть представлен в виде задания на составление пошаговых инструкций при составлении предложения из предложенного набора слов в форме именительного падежа.

2. Анализ и систематизация

Полезависимые студенты лучше усваивают материал через декомпозицию и сравнение. В качестве задания можно предложить подобные упражнения на этапе закрепления, контроля и коррекции ошибок. Можно проводить сравнение форм (окончаний) и сравнение падежных вопросов. Например: завершите частично заполненную таблицу падежных окончаний.

Упражнения на анализ форм слова и распределение слов по падежам, а также сопоставление этих форм с таблицей.

3. Работа с исключениями и сложными случаями

Полезависимые студенты успешно запоминают исключения, если они логично предъявлены. Это могут быть списки исключений, сгруппированные на основании сходства по форме.

4. Выполнение упражнений на формализацию

Полезависимые студенты результативно выполняют задания, требующие четкого применения правил. Это упражнения трансформационного типа.

5. Использование родного языка для анализа

Полезнезависимые студенты анализируют грамматические конструкции, используя перевод в качестве объяснения русской речевой модели.

6. Самостоятельный анализ текстов

Полезнезависимые обучающиеся эффективнее работают с индивидуальными заданиями, чем в группах над общим проектом.

Таким образом принадлежность к полезнезависимому или к полезнезависимому КС оказывает влияние на процесс освоения грамматикой: полезнезависимость требует контекста, визуализации, коммуникативности. Полезнезависимость опирается на структуру, логику, анализ форм. Такое разделение обучающихся по типу восприятия, обработки и организации информации позволяет преподавателю адаптировать методы обучения под индивидуальные когнитивные особенности студентов, что приводит к индивидуализации и дифференциации в обучении, а также к осознанному и мотивированному изучению языка.

Литература

1. Глазунова О. И. Программа по русскому языку как иностранному. Уровни А1–С2. Основной курс. Фонетика. Лексика. Грамматика. Аудирование. Чтение. Говорение. Письмо / О. И. Глазунова, Д. В. Колесова, Т. И. Попова. – М.: Русский язык. Курсы, 2017. – 216 с.

2. Fisenko O. Developing grammatical competence at the stage of pre-higher education training // O. Fisenko, A. Belous, E. Vukolova, I. Sycheva // Propósitos Y Representaciones. 2021. – no. 9. – pp. 173–183.

3. Лебединский С. И. Стратегическая теория овладения русским языком как иностранным и стратегии обучения / С. И. Лебединский. – Минск: БГУ, 2019. – 424 с.

4. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.

Хэ Вэйсянь

(Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина)

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР
НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(на материале доклада XX Всекитайскому съезду КПК)**

Метафоры распространены в жизни, также широко используется в политике. В данной основываясь на теории Скопос, мы анализируем стратегии перевода политических метафор в докладе Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК и ее авторитетный перевод на русский язык и обобщим четыре метода перевода.

Ключевые слова: политическая метафора; метод перевода; Теория Скопос.

**STUDY OF THE TRANSLATION
OF CHINESE POLITICAL METAPHORS INTO RUSSIAN
(on material of the report to the XX National Congress of the CPC)**

Metaphors are common in life, also widely used in politics. In this paper, based on the theory Skopothoerie, we analyse the translation strategies of political metaphors in Xi Jinping's speech at the 20th CPC National Congress and its authoritative translation into Russian, and summarise four translation methods.

Keywords: political metaphor; translation method; the theory Skopothoerie.

Метафоры повсеместно распространены в жизни. Люди узнают, понимают и изображают объективный мир с помощью метафор. Метафора также широко используется в политике и является одним из важнейших объектов исследования в политической лингвистике как зарождающейся междисциплинарной науке. Политическая метафора – это речевое воздействие с целью формирования у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии) [Лакофф, 1990: 256]. В то же время использование политических метафор ограничено такими факторами, как культурный фон, политическая ситуация и социальные условия, и имеет определенный национальный характер. Как сказал Лакофф и Джонсон: «Политическая метафора, как исторически развивающееся явление, необычайно

динамична, она понятна и действенна только здесь и сейчас и одновременно соответственна с метафорической структурой основных понятий данной культуры, имеет национальные корни.» [Лакофф, 1990: 404] Поэтому из политических метафор мы можем понять языковую картину мира и культурные привычки нации, а также политическую среду в стране, политическую позицию политической партии и т. д. В связи с различием между культурами разных народов метафоры, созданные на основе их родных языков и культур, естественно, имеют кросс-культурные различия. Ключ к тому, как метафоры могут функционировать даже в межнациональной коммуникации, лежит в том, как справиться с кросс-культурными различиями в метафорах с помощью выбора правильных методов перевода.

В данном исследовании мы возьмем в качестве материала китайский пропагандистский текст «Доклада XX Всекитайскому съезду КПК» и его перевод на русский язык, изучим методы и стратегии перевода политических метафор, то есть как справиться с кросс-культурными различиями в политических метафорах на основе теории Скопос (Skopothoerie).

Теория Скопос (Skopothoerie), возникшая в 1970–1980-х годах, подчеркивает, что перевод должен анализироваться с помощью функционального и коммуникативного метода, а в основе лежит принцип цели, т. е. перевод должен удовлетворять потребности читателей. Теория также включает принципы связности и верности, которые требуют, чтобы переводной текст был значимым в культурном контексте и соответствовал оригиналу. Что касается стандарта перевода, Теория Скопос использует достаточность (adequacy) в качестве стандарта оценки переводов, а не эквивалентность (equivalence) [陈云会, 2014: 240]. Акцентирует на том, что при переводе необходимо выбирать подходящий метод перевода с учетом авторской цели и стремиться к воспроизведению метафорической функции (когнитивная функция, прагматическая функция, коммуникативная функция, и эстетическая функция).

Основываясь на теории Скопос, мы анализируем стратегии перевода политических метафор в тексте «Доклада XX Всекитайскому съезду КПК» и его перевод на русский язык и обобщим четыре метода перевода: буквальный перевод, метонимия, метод «передача сходства» и метод «передача цели автора».

Буквальный перевод заключается в прямом переводе метафоры (сферы-источника) в подлиннике, сохраняя метафору как стилисти-

ческий прием. Буквальный перевод требует, чтобы в китайском и русском языках понятие одной и той же метафоры было одинаковым. Например:

传承红色基因，赓续红色血脉。

...и тем самым наследовать **красный ген** и революционную кровь.

В прямом значении «ген» является структурной и функциональной единицей наследственности [Ожегов, 2013: 127]. В переносном значении, как метафора, слово «ген» означает революционные качества и великий духовный характер китайского народа, передающийся из поколения в поколение. Поскольку метафорическое понятие слова «ген» одинаково принимается в Китае и России, переводчик использовал буквальный перевод. Использование буквального перевода для сохранения метафоры как стилистического приема максимально обеспечивает функцию метафоры в переводе.

Метонимия относится к вольному переводу, то есть в случае, когда два языка по-разному понимают метафоры, в переведенном языке можно найти выражение, имеющее одинаковое значение с оригинальной метафорой, и заменить оригинальную метафору, сохранив метафору как стилистический прием. С помощью метонимии можно добиться аналогичного когнитивного эффекта. Например:

冲破思想观念束缚，突破利益固化藩篱，坚决破除各方面体制机制弊端。

*Мы освободились от идейных стереотипов, вырвались из **оков** затвердевших интересов, решительно устранили различные структурно- институциональные пороки.*

В прямом значении «藩篱» является живой изгородью или забором из бамбука или дерева. В переносном значении, как метафора, слово «藩篱» означает препятствия, мешающие развитию [中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2016: 356]. Однако, поскольку метафора «藩篱» существует только в китайском языке, переводчик использовал метонимию и выбрал «оков» в качестве альтернативной метафоры, сохранив метафору как стилистический прием. В прямом значении «оков» является кандалами. В переносном значении, как метафора, слово «оков» означает то, что сковывает, мешает кому-либо [Ожегов, 2013: 449].

Метод «передача сходства» в определенной степени отказывается от использования метафоры как стилистического прима для того, чтобы лучше передать цель автора. Указание на сходство между основным

субъектом и метафорой – первая задача метода «передача сходства». Например:

发展不平衡不充分问题仍然突出，推进高质量发展还有许多瓶颈。

Все еще остро стоит проблема неравномерности и неполноты развития, существует множество узких мест, тормозящих высококачественное развитие.

В прямом значении «**瓶颈**» является тонкой частью верха бутылки. В переносном значении, как метафора, слово «**瓶颈**» означает ключевые части процесса, которые могут быть легко нарушены [中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2016: 1011] Поскольку метафора «**瓶颈**» существует только в китайском языке, а в русском языке нет альтернативной метафоры, используя метод «передача сходства», переводчик указывает на сходство между словом «**瓶颈**» и его метафорическим значением – узкое, слабое и легко разрушаемое место, не только частично сохраняет метафору как стилистический прием, но и хорошо передает цель автора.

Метод «передача цели автора» прямо уточняет внутреннее значение и прямо выражает цель автора, отказываясь от метафоры как стилистического приема. Например:

既不能刻舟求剑、封闭僵化。

*Мы ни в коем случае не должны **действовать по мертвому шаблону** и изолировать себя от внешнего мира.*

«**刻舟求剑**» – это китайский метафорический фразеологизм, прямое значение которого – вырезать знаки на лодке, чтобы найти меч, который потерялся в воде. В качестве метафоры этот фразеологизм используется для сатирического описания косности мышления и использования стереотипных правил и норм для решения постоянно меняющихся проблем [中国社会科学院语言研究所词典编辑室, 2016: 400]. В русском языке не существует этого фразеологизма и альтернативной метафоры, поэтому переводчик использует метод «передача цели автора», переводит его как «**действовать по мертвому шаблону**» и прямо выражает внутреннее значение этой метафоры.

Мы провели статистику методов перевода метафор в данном пропагандистском тексте: буквальный перевод – 67,20 %, метонимия – 6,70 %, метод «передача сходства» – 8,20 % и метод «передача цели автора» – 17,90 %.

Согласно статистике, большинство политических метафор могут быть переведены на русский язык с помощью буквального перевода.

А если этот метод перевода не помогает, переводчики часто используют метод «передача цели автора», чтобы прямо указать на авторский замысел. Однако в то же время переводчики стараются использовать метонимия и метод «передача сходства», чтобы сохранить оригинальные метафоры как стилистические приемы.

Литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Теория метафоры, 1990. – С. 256.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М.: Издательство «Мир и Образование», 2013. – С. 127.
3. Venuti, Laurence (eds.). The Translation Studies Reader / Venuti. – М.: London & New York: Routledge, 2000. – 564 с.
4. 陈云会, 刘军平. 《西方翻译理论通史》/ 陈云会, 刘军平 // 华西语文学刊. 2014. – № 1. – С. 240–243+283.
5. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 编. 现代汉语词典 (第7版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. – Z.: 北京: 商务印书馆, 2016. – 1800 с.

УДК 81.373

Чжан Цзысин

(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ В КИТАЙСКОЙ МЕМОГРАФИИ

В статье рассматриваются языковые особенности китайских мемов. Отмечается, что ведущим способом формирования в них языковой игры является омофония, а иконическая часть креолизованного текста помогает понять смысл, заложенный в фонетической игре.

Ключевые слова: интернет-дискурс, мем, комический речевой жанр, креолизованный текст.

FEATURES OF PHRASEOLOGIZATION IN CHINESE MEMOGRAPHY

The article examines the linguistic features of Chinese memes. It is noted that the leading method of forming language play in them is homophony, and the iconic part of the creolized text helps to understand the meaning embedded in the phonetic play.

Keywords: Internet discourse, meme, comic speech genre, creolized text.

Интернет играет в современном обществе одну из главных ролей, а в современной коммуникации он начинает доминировать. В результате появления новой среды общения возник и новый вид дискурса – *интернет-дискурс*. Специфику языка виртуальной среды анализировали многие лингвисты, среди которых Л. Ф. Компанцева [Компанцева, 2007], Е. В. Горина [Горина, 2010], Н. В. Гладкая [Гладкая, 2018] и др. В виртуальной коммуникативной среде возникли специфические малые комические интернет-жанры (демотиваторы, мемы, веб-комиксы и др.). Наша статья посвящена китайским мемам, их языковым особенностям и культурной специфике. Мем – это комический речевой жанр, в котором присутствует информация в скрытой и открытой форме, причем в вербальном и визуальном видах [Шацкая, 2024: 33].

Использование омофонов в китайском языке стало сегодня популярной формой выражения различных мыслей, а также это один из способов поддразнивания и иронизации. «Современный китайский словарь» определяет *слоган* как «用简短文字写出的有宣传鼓动作用的口号。» (лозунг, написанный короткими словами, имеющий пропагандистский эффект) (здесь и далее перевод наш. – Ч.Ц.) [КРС, 2016: 85]. Китаеведы классифицируют выражения, созданные путем намеренного и целенаправленного использования омофонов или паронимов в языке, как «омофоническое выражение», их произношение всегда основано на мандаринском диалекте. Для китайского языка характерно многократное использование одного и того же слога, а также появление омофонов в разных иероглифах [Ван Пин, 2000: 8–10]. Это делается для замены исходного слова, чтобы усилить комизм юмористического языка, ввести в контекст эвфемизмы и т. д. Так, фонетическая фразеологизация в китайском языке основана на игре иероглифов, которые являются омофонами, и порождении каламбуров. Китайские ученые провели много исследований по теме «омофоническое выражение». Словари и монографии по риторике часто имеют специальные главы на эту тему (см.: [Чжан Цзина и Чжэн Юаньхэ, 1990], [Чэн Вэйцзунь, 1991], [Ван Сицзе, 2004], [Ван Жудуна, 2004], [ССКЯ, 2002] и др.). Многие научные работы фокусируются на том, что такое омофонические модели. Например, авторы «Современного китайского словаря (дополнение)» [2002, с. 1393] полагают, что омо-

фония как явление языкового выражения – это «语言存在的一种表达现象就是“字词的音相同或相近”» (*произношение слов одинаковое или похожее*) [2002, с. 1393]; Ван Сицзе считает, что это «对同音现象的积极利用和开发.....的一种修辞手段» (*риторический прием, который активно использует и развивает омофонические явления...*) [Ван Сицзе, 2004, с. 191]. Таким образом, термин *омофония* понимается и как языковое явление, и как приём, способствующий дальнейшему развитию языка в этом аспекте. В «Современном китайском словаре» дается только пояснение омофонии, в то время как «Китайская риторика», как теоретическая работа по искусству красноречия, отражает механизм применения явления омофонии. Кроме того, в словаре представлены необходимые элементы омофонического выражения: используемые слова должны иметь схожие звучания, то есть регулируются понятием аналогии; риторика вводит функциональный аспект, добавляя интенцию субъекта, согласованное с его прагматическим и риторическим поведением в ходе сознательного и преднамеренного использования такого выражения. Еще одно понятие – интернет-слово – это «通用语言和词汇的一种社会变体, 伴随着互联网的发展而发展» (*социальная вариация общепотребительной единицы языка, возникшей в интернете*) [Юй Гэньюань, 2001]. С быстрым развитием и применением Интернета появляется все больше новых сетевых слов и фраз. Большинство из них отражают текущие социальные проблемы. Как известно, развитие лексики и фонетики происходят быстрее, чем других уровней языковой системы [Хуан Божун, Ляо Сюдун, 2017], именно поэтому омофоны так распространились в сетевой среде, поскольку они служат не только способом экономии речевых усилий, но и юмористическим средством, которое нравится не только китайцам, но и иностранцам, изучающим китайский язык. Рассмотрим, как омофония используется в малых комических интернет-жанрах.

Интересен тот факт, когда в меме используются иероглифы, не сочетающиеся в нормативном китайском языке и порождающие абсурд, но совпадающие фонетически с известными фразами. На этом меме обыгрывается этикетная фраза «Извините!», в результате чего умело используются ресурсы китайского языка: абсурдное сочетание 豹一嘶 (*Бао и си*) и нормативное 不好意思 (*Бу хао и си*), означающая «Извините!». При быстром

проговаривании совпадают следующие фрагменты 不好意思 (*Бу хао и си*) и 豹一嘶 (*Бао и си*), первый иероглиф последней фразы совпадает по звучанию с 豹, что значит ‘леопард’. Кроме того, фонетически тождественно произношение следующих выделенных иероглифов: 豹一嘶 (*Бао и си*), 不好意思 (*Бу хао и си*) и 嘶 (‘звук, издаваемый змеей’).

Похожая ситуация наблюдается в приведенном выше меме. 抱一丝 (*Бао и си*) = 不好意思 (*Бу хао и си*) – первое сочетание ошибочно, второе означает *Извините*. Фонетически одинаково звучат части ненормативного сочетания 抱一丝 (*Бао и си*) и нормативного 不好意思 (*Бу хао и си*), причем 抱 обозначает ‘обнимать’. А также наблюдается фонетическое тождество 抱一丝 (*Бао и си*) и 不好意思 (*Бу хао и си*), где 一丝 значит ‘одна нитка’ (Примечание. Отдельное значение каждого иероглифа: 抱 ‘обнимает’, 一丝 ‘одна нитка’, (哈) ‘модальная частица’).

Таким образом, сочетание 抱一丝 не имеет никакого значения, но его произношение похоже с 不好意思 (*Извините*) и употребляется для языковой игры.

В китайском языке принято передавать этикетное «*Извините*» четырьмя иероглифами 不好意思, а теперь с появлением интернет-омофона 抱一丝 к абсурдному сочетанию 豹一嘶 (*Бао и си*) стало возможным использование трех иероглифов. Таким образом, абсурдные ранее сочетания в виртуальной среде обрели смысл. Омофоны возникли на основе языковой игры, причем в креолизированный текст были добавлены визуальные элементы, подчеркивающие необычность, ненормативность сочетаний, а также заинтересованность в процессе коммуникации как адресанта, так и адресата.

Намеренно ошибочное сочетание 鸭力, которое представлено на меме, одинаково звучит с 压力: 鸭 (*йа* – буквально ‘утка’) и 压 (*йа* – буквально ‘сжимать’) соединяется с 力 (*ли* – буквально ‘сила’). Причем сочетание иероглифов 压力, обозначающих ‘давление’, в китайском языке нормативно, а сочетание 鸭力 недопустимо, однако оно исполь-

Намеренно ошибочное сочетание 鸭力, которое представлено на меме, одинаково звучит с 压力: 鸭 (*йа* – буквально ‘утка’) и 压 (*йа* – буквально ‘сжимать’) соединяется с 力 (*ли* – буквально ‘сила’). Причем сочетание иероглифов 压力, обозначающих ‘давление’, в китайском языке нормативно, а сочетание 鸭力 недопустимо, однако оно исполь-

зуется ради фонетической игры и достижения комического эффекта. Буквально текст мема переводится так: *Утка сидит на голове кошки, значит у кошки (повышается) давление (то есть она испытывает стресс).*

Вариант мема, литературный перевод которого звучит так: *Много уток сидят на спине мамы, значит тоже у мамы огромное давление.* Иероглифы, которые входят в состав мема: 我 – ‘у меня’, 鸭力 (鸭 ‘утка’), 力 (‘сила’), 压力 – ‘давление’ (‘стресс’), 很大 – ‘очень огромное’, 我鸭力很大 – буквально у меня очень огромный стресс.

В интернете в 2016 году появилась фраза, состоящая из двух иероглифов: 吃 (Чи – ‘есть’) и 瓜 (гуа – ‘арбуз’) (chī guā), буквально обозначающая ‘есть арбуз’. Потом это популярное интернет-слово стало относиться к людям, поедающим арбуз. Его значение: используется для выражения состояния безразличия к вещам, которые вас не касаются, и удовлетворения вашего любопытства. Позже во фразеологизированных двух иероглифах произошло усечение: стал употребляться только один иероглиф-символ: 瓜 (гуа – ‘арбуз’), означающий новость-сплетню. Таким образом, люди не знают правды, они просто слушают, как какое-то известие распространяют другие, чтобы удовлетворить свое любопытство и скоротать скучное время. Далее появились следующие мемы: *Дамы и господа, несу вам арбуз* (то есть новость, сплетни, слухи) и *Какой арбуз?* (то есть интересуются новостями, сплетнями, слухами, подслушивая под дверью).

Люди нуждаются в удовлетворении своего любопытства, поэтому отсутствие сплетен о жизни других является тоже своеобразной психологической зависимостью, о чем свидетельствует следующий мем: 我的瓜吃完了, 谁能再给我一点瓜吃, 谢谢. Расшифровка фразы будет

先生/女士

我的瓜吃完了

谢谢

谁能再给我一点瓜吃

такая: *Мой арбуз (我的瓜); то есть новость, сплетни, слухи) кончился (吃完了), кто (谁) может (能) мне (我) еще (再) дать (给) немного (一点) поесть (吃) арбуза (瓜). Спасибо (谢谢).* По сути, имеет в виду следующее: *У меня пока нет интересных сплетней, которые мне могут доставить радость.*

Омофония включает юмористические элементы. Многие онлайн и оффлайн омофонические выражения сопровождаются визуальной частью и представляют собой креолизированный текст, что не требует слишком долгих размышлений и легко для понимания. Омофонические слова имеют свои особенности в производстве и применении. Погоня за модой и новизной заставляет людей осмеливаться на инновации и даже быть нетрадиционными при создании слоганов, тем самым привлекая внимание к необычному. В различных исторических контекстах, ситуациях жизни различные фонетические и культурные явления могут претерпевать изменения, также, как и омофонические слова. Они выполняют функцию эвфемистического выражения и обладают «эффектом неожиданности» уже внутри слов. Использование таких приемов для абстрагирования социальных явлений и формирования лозунгов может помочь читателям понять, какие проблемы поднимают создатели омофонических выражений.

В современных условиях бурного развития Интернета, с распространением электронных продуктов и интернет-коммуникаций, влияние сетевых омофонных новообразований имеет как положительные, так и отрицательные стороны. На них нужно смотреть диалектически. Омофонические выражения играют роль предупреждения или пропаганды в немного провокационном ключе, что оказывает влияние на положительную реакцию реципиентов. Однако развитие омофонических слов также принесло некоторые отрицательные эффекты [Сунь Синь, 2021: 22–23]. Большинство омофонических слов являются бездумно переписанными иероглифами, что может незаметно повлиять на правильное понимание людьми символов и даже привести к появлению неправильного написания символов и к неразличению омофонов. Кроме того, использование омофонов вносит некоторые трудности в знание семантики, произношения и письма у некоторых людей. В то же время это увеличит сложность изучения китайского языка для иностранцев, вызовет недопонимание в изучении лексики, что повлияет на последующее восприятие китайской культуры, а также создаст новые проблемы в межкультурной коммуникации.

Литература

1. Гладкая Н. В. Комические речевые жанры в интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Донецк, 2018. – 211 с.
2. Горина Е. В. Когнитивное взаимодействие как конституирующий признак Интернет-дискурса // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – 2010. – № 1 (71). – С. 58–66.
3. Компанцева Л. Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Луганск, 2007. – 444 с.
4. Шацкая А. Д. Человек в зеркале интернет-мемов // Новые горизонты русистики. – № 2 (24). – 2024. – С. 32–41.
5. 汪如东 《汉语方言修辞学》，学林出版社, 2004. (Ван Жудун. Риторика китайского диалекта. Издательство «Сюэлинь», 2004.)
6. 王苹.汉语谐音表达的客观基础 [J].修辞学习, 2000 (2): 8–10. (Ван Пин. Объективная основа китайского омофонического выражения. Риторическое обучение, 2000 (2): 8–10.)
7. 王希杰 《汉语修辞学》(修订本), 商务印书馆. 2004. (Ван Сицзе «Китайская риторика». Коммерческая пресса, 2004.)
8. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室.现代汉语词典 [M]. 7版.北京: 商务印书馆, 2016: 85. (Кабинет редактирования словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук. Современный китайский словарь. Пекин: Коммерческая пресса, 2016:85.) (КРС)
9. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 《现代汉语词典》(增补本), 商务印书馆, 2002. (Редакция словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук «Современный китайский словарь», Коммерческая пресса, 2002.) (ССКЯ)
10. 孙欣.探析互联网时代下谐音词的发展及其所产生的影响 [J].汉字文化, 2021: 22–23. (Сунь Синь. Изучение развития омофонических слов в эпоху Интернета и их влияния. Культура китайских иероглифов, 2021: 22–23.)
11. 黄伯荣,廖序东.现代汉语[M].增订六版.北京:高等教育出版社, 2017. (Хуан Божун, Ляо Сюдун. Современный китайский язык. Пекин: Издательство высшего образования, 2017.)
12. 张 静、郑远汉主编1989 《修辞学教程》，河南教育出版社;香港文化教育出版社. (Чжан Цзин и Чжэн Юаньхань (ред.), 1989, Курс риторики, Nenan Education Press; Hong Kong Cultural and Educational Press)
13. 成伟钧等主编 《修辞通鉴》，中国青年出版社, 1991. (Чэн Вэйцзюнь и др., ред., «Всеобъемлющее зеркало риторики», Китайское молодежное издательство, 1991.)

14. 于根元.中国网络语言词典[M].北京:中国经济出版社, 2001. (Юй Гэньюань. Китайский интернет-словарь языка. Пекин: Китайское экономическое издательство, 2001.)

УДК 82

В. П. Шель

(Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета)

ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОСТРАНСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Настоящая статья рассматривает художественную литературу как пространство межкультурного взаимодействия, где пересекаются национальные и универсальные смыслы, способствуя диалогу культур. В художественном тексте происходит трансформация и обогащение культурных кодов, формируя условия для взаимопонимания и обмена ценностями, что в диахроническом плане выражается в сформированных литературных течениях, а в синхронном плане – интертекстуальностью и появлением новых литературных стилей и жанров.

Ключевые слова: диалог культур, межкультурное взаимодействие, художественная литература, литературные течения, литературные направления.

LITERATURE AS A SPACE FOR ESTABLISHING INTERCULTURAL INTERACTION AND DIALOGUE OF CULTURES

This article considers fiction as a space of intercultural interaction, where national and universal meanings intersect, fostering a dialogue between cultures. In a literary text, cultural codes are transformed and enriched, creating conditions for mutual understanding and the exchange of values. This process is expressed diachronically through established literary trends and synchronously through intertextuality and the emergence of new literary styles and genres.

Keywords: dialogue of cultures, intercultural interaction, fiction, literary trends, literary movements.

Межкультурные связи прослеживаются практически на каждом человеческом поприще, будь то это архитектура, музыка, кинемато-

граф, и конечно же, литература. Они выражены посредством национальных реалий, заимствованных из разных культур, которые позволяют раскрыть межкультурные контакты в диахронии и синхронии, то есть понять какие социокультурные и исторические события повлияли или влияют на то или иное творение человеческих коллективов, в частности в настоящей работе речь будет идти о художественной литературе. Такой процесс взаимодействия, обмена ценностями, традициями, идеями между различными народностями в научной литературе определяется как «диалог культур».

Значительный вклад в теоретическое обоснование данного термина внес российский философ М. М. Бахтин, развивая идею принципа диалогичности, согласно которому современные культуры эволюционируют только при взаимодействии друг с другом. В отличие от монологической, замкнутой системы, диалогическая культура открыта к взаимодействию и обмену смыслами. Ни одно культурное явление не существует в изоляции: любой текст, высказывание или художественный образ возникает в контексте предшествующих и последующих смыслов [Бахтин, 1979: 46]. Так, французский писатель А. Дюма в своем произведении «Учитель фехтования» полностью погружается в русскую культуру и исторические события, описывая поездку главного героя в Санкт-Петербург, его ссылку в Сибирь и судьбы «жен декабристов», тем самым показывая межкультурные связи России и Франции.

Роман «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери хоть и написан в начале прошлого столетия, но олицетворяет современные тенденции глобализованного мира, ориентируя читателя на гетерогенную природу человеческих коллективов, на непохожесть культур и ценностей, при этом в произведении подчеркивается важность открытого и уважительного межкультурного взаимодействия с представителями других этносов.

Ю. М. Лотман, ориентируясь на учения М. М. Бахтина, сформировал целостную теоретическую систему, объясняющую механизмы взаимодействия различных культурных традиций. В центре его научных исследований находится идея о культуре как знаковой системе, функционирующей по законам семиотики, что позволило ему рассматривать культурное взаимодействие в рамках более широкого процесса смыслообразования [Лотман, 1984: 68]. Одним из ключевых понятий в его работах является семиосфера – пространство, в котором происходят процессы порождения, трансформации и обмена

смыслами. Культура в этом контексте не является статичной или замкнутой структурой, напротив, она существует за счет непрерывного диалога между различными языками, кодами и текстами, формируя сложную динамическую систему. В этом контексте художественное произведение становится не изолированным артефактом, а частью сложной сети смыслов, возникающих в результате взаимодействия различных традиций, жанров и стилистических форм. Художественный текст не просто передает информацию, но и участвует в процессе смыслового перевода, адаптируя и переосмысливая элементы разных культурных систем. Это особенно ярко проявляется в межтекстовом взаимодействии, когда один текст вступает в диалог с другими произведениями, цитируя, переосмысляя или полемизируя с ними. Ю. М. Лотман подчеркивает, что художественное произведение редко выражает лишь одну точку зрения, литература устроена таким образом, что в ней пересекаются различные дискурсы, ценности и идеологии, вступающие в сложные взаимоотношения [Лотман, 1984: 31]. Следовательно, литература оказывается пространством непрерывного семиотического обмена, в котором происходит осмысление, трансформация и передача смыслов между различными эпохами, традициями и мировоззрениями, формирующие уникальные художественные явления, выражающиеся в литературных направлениях, стилях и жанрах.

Так, классицизм ориентируется на античное искусство как высший образец красоты и гармонии. Классицизм основан на принципах, принятых в Древней Греции и Риме, делая упор на форме, простоте и пропорциональности, совершенстве и сдержанности эмоций. Яркими примерами данного направления являются такие произведения, как «Федра» Ж. Расина, «Ода на день восшествия...» М. В. Ломоносова. Данное литературное течение способствовало восприятию социумом общей идеи гуманизма, величия знаний и просвещения [Варакина, 2017: 12].

Такое художественное направление европейской и американской культуры конца XVIII и начала XIX века, как романтизм характеризуется ценностью человеческих чувств, их помыслов, страстей и целительным свойством природы, что определенным образом отражено в таких произведениях, как «Паломничество Чайльд Гарольда» Д. Г. Байрона, «Герой нашего времени», «Мцыри» М. Ю. Лермонтова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Цыганы» А. С. Пушкина и многих других. Роман-

тизм в художественной литературе способствовал переоценке самого человека, ценности природы, повлиял на формирование таких жанров, как исторический роман, фантастическая повесть, лирико-эпическая поэма. Романтики открыли глубину и антиномистичность духовного мира людей [Шикина, 2014: 32].

На смену романтизму в литературном направлении пришел реализм (в 30-х годах XIX века) с четким и правдивым изображением действительности без каких-либо идеализаций. К выдающимся произведениям данного течения относятся: романы О. де Бальзак «Отец Горио», Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», Г. Флобера «Мадам Бовари», Дж. Остин «Гордость и предубеждение», Э. Бронте «Грозовой перевал», Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и др. Данные произведения способствовали освещению важных социальных тем, как бедность, неравенство и несправедливость, что в конечном итоге привело к социальным реформам в странах Европы и России [Полубояринова, 2007: 23].

Модернизм (конец XIX – начало XX века) значительным образом отличается от классического романа, авторы данного направления постулируют о необходимости новых открытий, экспериментов, что соответствовало современным общественным тенденциями (техническому прогрессу, урбанизации, экономическим и политическим кризисам), что четко прослеживается в художественных произведениях того времени, например, в романе А. Белого «Петербург», В. В. Набокова «Приглашение на казнь», Д. Джойса «Уиилс», Ж. Гюисманса «Наоборот», Ф. Кафки «Процесс» [Ушакова, 2010: 12].

Постмодернизм представляет собой сложную и многослойную культурную парадигму, формировавшуюся во второй половине XX века и охватывающую философию, искусство, литературу и гуманитарные науки. Литературный постмодернизм демонстрирует разрыв с классическими сюжетными и жанровыми структурами, используя фрагментарность, игру смыслов, цитирование и метафикцию. Авторский голос теряет свою монолитность, уступая место множественным интерпретациям и коллажному принципу организации текста. Яркими литературными произведениями данного течения выступают романы «Золотая тетрадь» Д. Лессинга, «Мантисса» Д. Фаулза, «Имя Розы» У. Эко, «Очередь» В. Г. Сорокина. Постмодернизм служит творческой площадкой, которая расширяет границы привычного человеческого видения, экспериментируя и создавая неоднозначные и оригинальные

стили, однако это не приводит к коммодификации культуры, потере смысла и глубины культуры, которая создавалась тысячелетия [Ратников, 2002: 27].

Таким образом, межкультурное взаимодействие прослеживается в каждом литературном течении и способствует познанию лингвокультурологических особенностей различных стран. Литература, в свою очередь, играет ключевую роль в установлении межкультурного взаимодействия и формировании диалога культур. Анализ литературных течений показывает, что каждое из них, от классицизма до постмодернизма, вносит вклад в процесс культурной коммуникации, отражая как локальные традиции, так и универсальные ценности. Интертекстуальность, жанровая трансформация и художественная полифония создают условия для пересечения национальных и мировых нарративов, способствуя взаимопониманию и интеграции культурных кодов. Литературное произведение становится медиатором смыслов, позволяющим воспринимать «чужое» как часть общего культурного наследия. Таким образом, литература не только документирует культурное многообразие, но и активно формирует пространство диалога, в котором рождаются новые формы взаимодействия цивилизаций.

Литература

1. Ботавина Е. Б. Проблемы взаимодействия литературы и других искусств в контексте интермедийности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. № 3. С. 189–194.
2. Курбан Е. Н. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов // Социум и власть. 2013. № 1. С. 97–101.
3. Богомолова А. В. «Мировая литература» и коммуникация: литературные связи, читательские практики // Имагология и компаративистика. 2021. № 1. С. 8–28.
4. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Ю. М. Лотман. Избранные статьи в 3-х т. – Таллинн, «Александра» 1992. т. 1. С. 110–121.
5. Доманский В. А. Диалог культур и диалог в культуре при изучении литературы // Вестник Томского государственного университета. Искусствоведение. 1999.
6. Жирмунский В. М. Теория литературы, поэтика, стилистика. – Л.: Наука, 1977.

7. Варакина Г. В. Классика как современное явление // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7. № 6. С. 10–18.

8. Шикина А. Н. Культурфилософия романтизма // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. № 1, 2014.

9. Полубояринова Л. Н. Понятие реализма в истории литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета – Сер. 6. 2007. Вып. 3.

10. Ушакова О. М. Модернизм: о границах понятия // Вестник Пермского университета – 2010. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12).

11. Ратников В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002.

УДК: 81'25: 81'373.23

А. В. Шкапова

(Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ АНТРОПОНИМОВ В РОМАНЕ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «12 СТУЛЬЕВ» И ПРОБЛЕМА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье представлены результаты исследования функционирования антропонимов в сатирическом романе «12 стульев», что дает возможность не только глубже понять творческие идеи его авторов, но и проанализировать трудности передачи узуальных и индивидуально-авторских имен персонажей в немецком переводе.

Ключевые слова: антропоним, художественные функции, сатира, культурный код, прецедентные имена, фоновые знания, переводческие трансформации.

LITERARY FUNCTIONS OF ATHRONYMS IN THE NOVEL “THE TWELVE CHAIRS” BY I. ILF / Y. PETROV AND THE PROBLEM OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE GERMAN TRANSLATION

This article is concerned with the functioning of personal names in the Russian satirical novel *The Twelve Chairs*. It makes possible to understand better the creative ideas of its authors, as also to analyze the difficulties to translate the usual and individual author's names of characters in German.

Keywords: anthroponym, functions in literary texts, satire, cultural values, precedent names, background knowledge, translation transformations.

В рамках современного когнитивного подхода к изучению языка и культуры, в частности, в трудах Л. Ц. Санжеевой, имена собственные рассматриваются как часть языковой картины мира и имеют концептуальный потенциал. Онимы отражают пространственные, временные, стереотипные и поведенческие характеристики конкретного народа, в соответствии с социальным кодом определенного времени [Санжеева, 2009: 92].

С позиций лингвокультурологии онимы рассматриваются как языковые единицы, в определенной степени отражающие особенности национальной культуры. Так М. Б. Дюжева подчеркивает, что имена собственные как лингвокультуронимы играют важную роль в процессе идентификации и формировании национальной культуры, выступая средством разграничения ее от других культур [Дюжева, 2007: 59]. Ряд онимов, например, прецедентные имена, исследователи относят к культурному коду в качестве языковых средств хранения культурной информации.

Антропонимы в языковом узусе выполняют, прежде всего коммуникативную (знакомое имя как основа сообщения), аппелятивную (обращение к определенному лицу), указательную функции. Классик российской и советской ономастики А. В. Суперанская к этим общим функциям добавляет экстралингвистический компонент, а именно эстетический, аффективный, морально- и социально-оценочный [Суперанская, 2019: 266]. В русскоязычной картине мира особое значение придается экспрессивной функции антропонимов путем употребления разнообразных форм имени, напр., *Екатерина, Катя, Катюша, Катенька, Катька* и др. Антропоним может также указывать на культурную и социальную принадлежность, период жизни его обладателя, т. е. выступать особым культурно-историческим маркером, выполнять культурно-характеризующую и социально-маркирующую функции. Именно эти функции приобретают особое значение в художественном тексте, особенно в сатирических произведениях, выступая эффективными стилистическими средствами.

Ярким примером использования антропонимов как стилистического средства является повествование И. Ильфа и Е. Петрова об авантюрных похождениях охотника за чужими сокровищами –

Остапа Бендера. Ж. И. Дергилева, исследователь антропонимикона диалогии, подчеркивает: «Среди элементов, участвующих в реализации комического начала, антропонимы занимают особое место, так как с помощью самих именований персонажей создается обличающая гиперболизация, усиливаются комические эффекты, контрасты. С антропонимом связываются разнообразные сведения о его носителе, общее впечатление от персонажа, эмоции, вызванные его внешним видом или внутренним миром» [Дергилева, 2008: 4].

Проведенный анализ 120 примеров антропонимов романа «12 стульев» показал высокую частотность использования существующих в русской лингвокультуре имен (29 %), но чаще в комбинации с окказионализмами (21 %), что создает неповторимый юмор и колорит данного произведения. Имена и фамилии персонажей романа не только придают культурную окраску и атмосферу произведению, но и создают индивидуальные характеристики персонажей, содержат намеки на их характер, поведение или прошлое. Данную функцию выполняют многочисленные индивидуально-авторские антропонимы (*брандмейстер Насосов, зав. литмонтажом Антиохийский, Сибмиевич-Синдиевич*). Комический эффект достигается не только путем введения «говорящих» фамилий, но и неожиданным сочетанием русских и библейских, мифических или иностранных имен, например, *Авессалом Владимирович Изнурёнков* – сатирик, который всех изнурял своими остротами. В другом примере авторы иронизируют над тягой к заграничному как эталону моды и красоты и именуют «цирюльного мастера» соответственно его вывески «*парикмахер «Пьер и Константин»*», *охотно отзывавшийся, впрочем, на имя «Андрей Иванович»* [Ильф, Петров, 2015: 27]. На страницах романа не раз появляется *Паша Эмильевич*, имя которого представляет собой разговорную форму от имени Павел и придуманное отчество от женского имени Эмилия. Реалистичность поддерживают и другие многочисленные разговорные формы имен (17 % выборки): *Альхен, Сашхен, Мика, Киса, Кисуля, Ипа, Ося, Фимочка, Эрнестуля*), а также прозвища (7 % примеров), которые в русском языке стали прецедентными именами (*Эллочка-людоедка, Великий комбинатор, Отец русской демократии, Фельдмаршал*).

Авторы также подбирают существующие имена в соответствии с индивидуальными характеристиками персонажей: архивариус *Коробейников*, у которого хранилась картотека изъятой мебели, *Лиза*

и Коля *Калачевы* – молодая пара вынужденных вегетарианцев, а также многочисленные и прозвища, многие из которых сами стали прецедентными именами в советской культуре.

22 % примеров выборки составили имена известных личностей, включая эпонимы, которые в большинстве случаев выполняют функцию сатирической метафоры. Например, общежитие студентов-химиков, комнаты в котором напоминают узкие кельи, носит имя *Бертольда Шварца* – немецкого монаха-аскета XIV в. Новаторский театр назван в честь первооткрывателя новых земель *Колумба*. Примером аллюзии к литературным персонажам из пьесы «Ревизор» Н. В. Гоголя Добчинскому и Бобчинскому являются *Никеша* и *Владя* из старгородского «Союза меча и орала».

Проведенный анализ художественных функций примеров в выборке показал, что 38 % антропонимов используются для создания комического эффекта, 30 % – для создания реалистичности повествования. При помощи 15 % имен собственных авторы характеризуют своих персонажей, а 11 % – выражают свое отношение к ним. 6 % имен и фамилий указывает на социальное происхождение персонажей или их национальную принадлежность.

Таким образом, исследование семантики имен персонажей романа «12 стульев» требует анализа их языковых и неязыковых особенностей в сатирическом контексте с использованием фоновых знаний, что является одной из наиболее сложных предпереводческих задач для понимания художественных функций антропонимов в оригинальном тексте и подбора приемов их передачи для немецкоязычного читателя. Анализируя различные схемы предпереводческого анализа и последующего выбора стратегии перевода, М. А. Тетенова приходит к выводу, что переводчику необходимо не только определить речевой жанр исходного текста, но и уметь переключаться на мышление, манеру изложения и построения мыслей автора [Тетенова, 2024: 7]. Рассмотрим, какие методы использованы при переводе антропонимов в романе «12 стульев», выполненного Эрнстом фон Эком и опубликованного в 1978 г. В 63 % примеров выборки антропонимы переданы путем транскрибирования, что реализует не только их традиционную коммуникативную и указательную функции, но и создает колорит русского быта, в частности, с использованием отчеств и типично русских имен и окончаний фамилий. При этом учитываются нормы передачи русских звуков немецкими

буквами: *Tichon, Djadjew, Kissa, Foma Kotschura*. Имена реальных лиц переданы согласно норм написания в их родном языке: *José Raoul Capablanca* у *Granperra*, *Maroczy*, *Kolumbus*, *Isaac Newton*. Эпонимы передаются с учетом традиционного написания в языках оригинала и перевода: кружки Эсмарха – *Esmarchschne Becher*, цейсовский бинокль – *Zeißfeldstecher*.

В случае предполагаемой малой известности у немецкого читателя русских исторических имен или литературных персонажей, переводчик вводит уточнение (*Тарас Бульба* – *Gogols Romanheld Taras Bulba*, общежитие им. Семашко – *nach dem Sozialhygieniker Semaschko*) либо производит замену на более узнаваемую персону: *при Владимире Красное Солнышко* – в переводе *unter Iwan dem Schrecklichen* (букв. «при Иване Грозном»). Как показывает последний пример в случае, если в оригинальном тексте антропоним образован из нескольких слов, включая имя нарицательное, в немецком переводе использован прием калькирования (10 %). Это не только устоявшиеся имена с прозвищами, но и авторские *Великий комбинатор* – *Der große Kombinator*, *Элочка «людоедка»* – *Ellotschka, die Menschenfresserin*. Прием калькирования позволил передать иронию, содержащуюся в фамилии *Зловунов*. Э. Эк перевел ее как *Stinkowizki*, взяв за основу глагол *stinken* («вонять») с добавлением еще одного суффикса русских фамилий *-ицкий*. Для передачи идеи новаторского театра с поеданием яичницы в комедии Гоголя «Свадьба» говорящая фамилия жениха *Яичница* переведена как *Rührei*, при том, что в различных переводах гоголевской пьесы используются также прием транскрибирования (*Jaitschniza*).

Следует также обратить внимание на то, что большинство имен собственных одновременно выполняет две, а в некоторых случаях – три функции, например, комический эффект создается фамилией, которая одновременно характеризуют персонаж, а его имя поддерживает реалистичность повествования, как в примере антропонима *М. Шершеляфамов*. При транскрибировании оригинальный юмор утерян: фамилия *M. Scherscheljafatow* более не связана с крылатой французской фразой *Cherchez la femme* («ищите женщину»). В другом антропониме *Никифор Ляпис-Трубецкой* объединяется типичное русское имя Никифор, комический окказионализм Ляпис как аллюзия на понятие «ляпсус» и русское дворянское родовое имя Трубецкой. При переводе вторая часть фамилия опущена. Прием опущения зафиксирован в общей сложности в 6 % примеров выборки. В частности, *слушательница хореографиче-*

ских курсов имени Леонардо да Винчи в немецком переводе является просто *Choreografie-Schülerin*, фраза из письма отца Федора с диминутивом «Гуленьке напиши тоже» не переведена. В 3 % примерах антропоним заменен на имя нарицательное, в частности носильщики *Ермаки Тимофеевичи* встречаются в оригинальном тексте дважды, в переводе в одной главе заменены на *Gepäckträger*. При этом аллюзия на казачьего атамана, покорителя Сибири в переводе не передана. *Яков Менелавич* из театра Колумб, который сидел с Остапом в Таганской тюрьме, фигурирует в переводе как *Administrator*. Авторское отчество, образованное от имени троянского героя Менелая, с распространенным еврейским именем Яков характеризует сатирический идиостиль Ильфа и Петрова, что в данном случае отсутствует в переводе.

Особую сложность передачи в немецком языке представляют собой многочисленные деминутивы имен собственных. Морфологические возможности русского языка намного шире, чем немецкого, поэтому перевод данной группы антропонимов отличается разнообразием переводческих приемов. Преобладает транскрипция (*Kolja, Lisa, Mika, Wladja, Nikescha, Ellotschka*), замена на другую форму деминутива (*Феденька – Fedja, Эрнестуля – Ernestele, Мусик – Marusja*). При этом сохраняются авторские эмоциональные коннотации, но может быть утеряна характеристика персонажа, построенная на игре слов. Так «провизор Леопольд Григорьевич, которого домашние и друзья называли Липа» [Ильф, Петров, 2015: 42], в немецком переводе стал *Poldi*, что не указывает на его торговлю «липовым» товаром. В двух случаях переводчик заменяет уменьшительные формы имен девушек на словосочетания *Лиза – die kleine Lisa, Мурочка – die kleine Mura*, однако к имени Ипполита Матвеевича данный прием не уместен, и одно из имен, с которым к нему нежно обращается Остап «*Кисуля*» также выпущено из перевода. Особую сложность при переводе антропонимов представили два деминутива в русском языке, образованные по немецкой модели – *Альхен* и *Саихен*. Для Александра Яковлевича переводчик придумывает имя *Alifax*, для его жены, Александры Яковлевны – *Saschamarie*, что можно охарактеризовать как доместикацию, т. к. в немецкоязычном мире Саша – мужское имя.

Исследование показало, что изучение семантики реальных и придуманных имен раскрывает творческие идеи авторов романа «12 стульев», дает возможность глубже понять сатирическое начало произведения, а также раскрывает трудности, возникающие в художественном переводе.

Литература

1. Дергилева Ж. И. Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении (на материале дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): дис. ... канд. филолог. наук / Ж. И. Дергилева. – Белгород, 2008. – 242 с.
2. Дюжева М. Б. Лингвокультурологические аспекты англоязычных названий музыкальных групп: дис. ... канд. филолог. наук / М. Б. Дюжева. – Владивосток, 2007. – 211 с.
3. Санжеева Л. Ц. Когнитивный подход в изучении имен собственных / Л. Ц. Санжеева // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2009. – № 11. – С. 92–96.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Изд. стереотип. – М.: URSS, 2019. – 368 с.
5. Тетенова М. А. Предпереводческий анализ и переводческая стратегия как составляющие процесса перевода / М. А. Тетенова // Litera. – 2024. – № 1. – С. 1–14.
6. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров // Собрание сочинений в 2 тт. – Т. 1. – М.: Флюид ФриФлай, 2015. – 464 с.
7. Ilf I., Petrow J. Zwölf Stühle / Übersetzt von E. v. Eck. – Berlin: Volk u. Welt, 1978. – 498 S.

УДК 413.11 (518)

О. С. Шобокшанова

(Забайкальский государственный университет)

РУССКОЕ ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ХАРБИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются особенности адаптации микротопонимов в условиях межязыковых контактов, что позволяет выявить интерференцию урбанонимов типологически разных языков.

Ключевые слова: топонимы, микротопонимы, адаптация топонимов, модели номинации, языковая номинация, переименование.

HARBIN'S RUSSIAN TOPONYMIC SPACE

The article discusses the features of adaptation of microtoponyms in the conditions of interlingual contacts, which makes it possible to identify the

mechanisms of adaptation of geographical names in typologically different languages.

Keywords: toponyms, adaptation of toponyms, classification of toponyms, features, features, models, language nomination, renaming.

Русскоязычные топонимы эпохи российского влияния на Дальнем Востоке сохранились в виде лингвистических реликвий на картах Северного Китая. Выделяют сферы, где появились русскоязычные топонимы: приграничные территории Трехречья, КВЖД, станции вдоль железной дороги, отдельные районы Маньчжурии, г. Харбин, в период строительства КВЖД, русской миграции на север Китая. В топонимике главного «русского» города Китая – Харбине, отразилась вся история взаимодействия России и Китая в XX в. Русскоязычным топонимам Харбина посвящены исследования дальневосточных ученых – Л. М. Шипановской (2008) [4], Е. А. Оглезневой (2009) [2], И. Ю. Зуенко (2018) [1] и др., но говорить о всеобъемлющем исследовании этого вопроса еще рано.

В статье рассматриваются особенности адаптации микротопонимов в условиях межязыковых контактов, что позволяет выявить интерференцию урбанонимов типологически разных языков.

Был использован картографический метод как способ классификации, номинации микротопонимов, языковые модели, используемые при адаптации топонимов.

Материалы исследования: электронные карты Харбина – Карта Baidu. <https://map.baidu.com/>, Карта Китая <http://www.tianditu.cn/>, Карта Китая <http://www.zhongguoditu.net/>; электронный план города Харбина [3].

Весь массив русскоязычных топонимов Харбина фиксировался на картах прошлого столетия. Для носителей русского языка эти топонимы имели историко-культурный смысл, так поселок Яблони в Харбине ассоциировались с «Яблоневым садом», сейчас это горнолыжный курорт 亚布力 Yabuli Ябули. Топоним Маньчжурия имел значение «Ворота в Маньчжурию» и называли по аналогии со станцией Даурия, адаптированной версией стало Маньчжоули 满洲里 Manzhouli или «Маньчжурская миля», образованное по принципу звукоподражания. Культурно-исторический код теряется после такой адаптации.

Религиозная составляющая как часть русской культуры играла неотъемлемую часть в жизни русских жителей в Харбине. Названия

микротопонимов, на которых находились архитектурные объекты Православной Церкви переименованы, адаптированы под китайский язык и китайскую культуру, а сами православные храмы и часовни утрачены, например: церковь Николая Чудотворца в Затоне (сейчас это район Солнечного острова 太阳岛 Taiyangdao).

На перекрестке улиц *Гоголевская* и *Церковная* располагалась Свято-Алексеевская церковь (阿列克謝耶夫教堂 Aliekexieyefu jiaotang), первоначально была деревянной, спустя пару десятилетий стала каменной с новым иконостасом, вместительной, радовавшей прихожан. В период культурной революции Храм закрыли и к 1980 годам предали представителям Католической церкви.

Благовещенская церковь на *Пристани*, построенная в 1930–1940 гг. в неовизантийском стиле, взорвана в 1970-х годах, располагалась на улице *Полицейской*. Сейчас эта улица называется 斯大林街道 Sidalin jiedao (улица Сталина)

Храм Ильи Пророка находился на улице *Промышленная* (工程街道 Gongcheng jiedao), прежнее название улицы *Диагональная*.

Собор Святой Софии сейчас представляет собой Музей Истории города Харбина. После ухода русских оставался в запустении многие годы, лишь в 1990-е года власти реконструировали храм, службы в нем не ведутся.

Церковь Иверской иконы Божьей Матери (伊维尔教堂 Yiweier jiaotang), Николая Чудотворца и Серафима Соровского, прежнее название Гарнизонная церковь, построена в 1907 гг., в честь воинов, павших в русско-японской войне, располагается на Церковной площади (教堂广场 Jiaotang guangchang Храмовая площадь), сейчас недействующий, но отреставрированный храм, многие годы использовался как склад и место для китайских офисов.

Храм св. Благоверного князя Бориса. Сейчас этот район называется 河松小区 Hesong xiaoqu *Речная сосна*, ранее это была ул. *Причальная*, построен в 20-х годах. Храм утрачен.

Храм во имя пророка Иоанна Предтечи на Московских казарма, сейчас микротопонимы имеют другое значение и название улиц имеют другое значение: 大民兴街 Daminxing «Радость великого народа», 民和街 Minheping «Народный мир», 福胜街 Fusheng jie «Счастья и Победы», 民丰 Minfeng «Народная стойкость», 民康街 Minkang jie «Народного здоровья». Храм построен в 20-х годах, в 60-х годах ее перенесли на новое место, храм утрачен.

Церковь Преображения Господня в Корпусном и Саманном городке (сейчас это район улиц 汉广街 Hanguang jie Китайский проспект, 木兰街 Mulan jie ул. Мулан, 汉样街 Hanyang jie ул. Китайская), построена в 1921 году на средства жителей.

Богородице-Владимирская женская обитель, изначально располагалась по улице *Церковной, Ажихейской, Почтовой*. Сейчас название улиц: 阿什河街 Ashehe ул. Ажихейская (прежнее название сохранилось), 邮政街 Youzheng jie (ул. Почтовая), 吉林街 Jilin jie (ул. Цзилинская). Построена в 1927 году, разрушена.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, до сих пор действующий православный храм в Китае, построен в 1930 г. С 1986 года службы вел китайский священник отец Григорий Чжу.

Храм Петра и Павла или Петропавловская – старообрядческая церковь в Новом городе, на Ляоянской улице, построен в 1924 году.

Каменная Николаевская церковь в Старом Харбине в районе ул. *Обозной, Армейской, Офицерской*, раньше ее называли Церковь Николая Чудотворца. В 50-х, 60-х годах из-за оттока русского населения из Китая, богослужения прекратились, а затем церковь была разрушена.

Церковь Николая Чудотворца (старая) или Святая Николаевская церковь – самый старый храм во всей Маньчжурии. Его открыли в 1898 году [2].

Используя картографический метод, рассмотрим улицы Харбина на карте 1938 года и современных интерактивных картах. Русские названия улиц в настоящее время имеют китайские названия.

Район Харбина Чэнхэ: *Магистральная, Отливная, Прибойная, Причальная, Чехова, Толстого, Пристанская, Насыпная, Спускная, Низкая, Озерная, Гондатти, Некрасова, Ломоносова, Шевченко.*

Московские казармы: (莫斯科宾营 Mosikebinying): *Соболевская, Хо-дынская, Ладожская, Главная, Онежская, Белозерская, Чудская, Ильменская.*

Саманный город (沙曼屯 Shamantun): *Владивостокская, Срепенская, Нерчинская, Хабаровская, Благовещенская, Читинская, Иркутская, Красноярская, Ангарская, Ононская, Амурская.*

Корпусной городок: *Сибирская, Донская, с 1-й по 16-ю улицы.*

Госпитальный городок: *Сигнальная, Траншейная, Штурмовая, Корпусная.*

Пос. Алексеевка (小北屯 Xiaobeitun): *Продольная, Продовольственная, Пограничная, Оружейная, Гужева, Гренадерская, Саперная, Ла-*

герная, Ветеринарная, Солдатская, Штабная, Армейская, Поперечная, Закаспийская, Румынская, Военная, Офицерская.

Славянский городок (司拉夫 Silafu): Канатная, Славянская, Искровой бульвар, Новоселовская, Разносная, Крутая, Радиальная, Балканская, Церковная, Двинская, Батальонная, Бородинская, Кубанская, Вершинина, Новая, Дачная, Черногорская, Брусиловская, Бельгийская, Надеждинская, Воронежская, Митрофановская, Ильинский Бульвар, Административный бульвар, с 1-ю по 6-ю Круговая, Максимовская, Татьянинская, Крестовоздвиженская, Борисовская, Глебовская.

Гондатьяевка: Пенсионная, Антоновская, Инвалидный переулок, Килловская, Увечный переулок.

Деревня Лахантэн: Речная, Гарнизонная, Батальонная, Большой проспект.

Новый город: Дровяная, Кирпичная, Бригадная, Кузнечная, Столярная, Думская, Инженерная, Соборная, Товарная, Маньчжурский проспект, Конторская, Правленская, Железнодорожный проспект, Техническая, Пекинская, Центральная, Хорватский проспект, Больничная, Стрелковая, Новоторговая, Ажихейская, Гириная, Цицикарская, Мукденская, Телинская, Ляоянская, Хайларская, Сансинская, Нингудинская, Дальняя, Куанченская, Нагорный проспект, ул. Садовая, Сунгарийский проспект, Штабная, Институтская, Глазная, Техническая, Разъезжая, Мещанская, Речная, Николаевский переулок.

Сунгарийский городок: 1-я Дёповская, 2-я Дёповская, Севастопольская, Трактовая, Королевская, Харьковская, Электрическая, Киевская, Сергеевская, Албазинская, Линейная, Тверская, Варшавская, Аргунская, Тибетская, Житомирская, Пастеровская, Михайловская, Заборная, Владимировская, Хинганская, Бурятская, Зоринская, Болотная, Егерская, Псковская, Зеяско-Атамановская, Офицерская, Трамвайная, Заводская, Полевая, Школьная, Сквозная, Участковая, Торговая, Путевая, Водопроводная, Новогородная, Китайская, Механическая, Аптекарская, Пекарная, Вагонная, Диагональная, Биржевая, Конная, Ямская, Короткая, Артиллерийская, Полицейская, Продовольственная, Колодезный пер, Лесная, Полевая, Русская.

Все названия можно номинировать по этническому составу: Славянская, Балканская, Черногорская, Бельгийская, Китайская, Русская, Румынская.

Принадлежности к коллективу, профессиональному сообществу: Саперная, Ветеринарная, Солдатская, Армейская, Военная, Офицерская,

Пограничная, Пенсионная, Инвалидный пер, Увечный пер, Бригадная, Кузнечная, Столярная, Думская, Инженерная, Стрелковая, Егерская.

Торгово-транспортному признаку: Магистральная, Пристанская, Продовольственная, Гужевая, Канатная, Речная, Товарная, Конторская, Железнодорожный пер, Трамвайная, Путевая, Вагонная, Продовольственная.

Религиозным признакам: Церковная, Крестовоздвиженская, Соборная, Сергиевская.

Гидронимам и оронимам: Озерная, Болотная, Закаспийская, Хинганская, Онежская, Белозерская, Чудская, Ильменская.

Административным: Главная, Думская, Правленская, Королевская, Административный бульвар.

Особенностям объекта, сюда входит возраст, внешний вид, размер, расположение: Отливная, Прибойная, Причальная, Пристанская, Насыпная, Спускная, Низкая, Главная, Поперечная, Крутая, Разносная, Радиальная, Новая, Большой проспект, Дровяная, Кирпичная, Заборная, Сквозная, Косая.

Мемориальным признакам: Чехова, Толстого, Некрасова, Ломоносова, Шевченко, Брусиловская,

Наименование по объекту: Дачная, Заводская.

Патронимическим признакам, то есть по имени и фамилии людей Гондатти, Соболевская, Бородинская, Митрофановская, Ильинский бульвар, Максимовская, Татьянинская, Николаевский переулок, Михайловская, Владимирская, Бодунезская, Мергенская.

Ряд названий, связанных с городами, реками и районами России на Дальнем Востоке, среди них: Владивостокская, Сретенская, Нерчинская, Хабаровская, Благовещенская, Читинская, Иркутская, Красноярская, Ангарская, Ононская, Амурская, Сибирская, Кубанская, Воронежская, Албазинская, Аргунская, Псковская, Московская, Сахалинская.

По названию провинций, городов и рек Китая, где наблюдается русскоязычное топообразование по продуктивной словообразовательной модели урбанонимов: Ажихейская, Гириная, Цицикарская, Мукденская, Телинская, Ляоянская, Хайларская, Сансинская, Нингудинская, Дальняя, Куанченская, Сунгарийский проспект.

Названия, связанные с расположением военных частей, армейской терминологией: Штурмовая, Корпусная, Оружейная, Пограничная, Гренадская, Саперная Солдатская, Штабная, Армейская, Офицерская, Военная, Батальонная, Гарнизонная, Штабная, Артиллерийская.

Таким образом, перед нами наименования улиц Харбина, которые образованы по определенным моделям, а именно **корень + суффикс -ск, -н, ов/ев + флексия женского рода**: *Гренадская, Саперная, Солдатская, Штабная, Армейская, Офицерская, Военная, Бородинская, Штурмовая*.

В Харбине некоторые китайские топонимы жили по законам русского языка, в них заложены принципы языковой номинации, при этом меняется только внешняя оболочка, смысл остается прежним – *Пекарная* (面包街), а иноязычный корень лег в основу улицы *Айгуньская*.

Итак, номинация русскоязычных топонимов связана с принадлежностью к коллективу, торгово-транспортному признаку, по наличию выдающихся характеристик, социальным признакам, особенностям флоры, религиозным признакам, гидронимам, оронимам, административным, особенностям объекта, трудовым признакам, наименование по объекту, патронимическим признакам, роду деятельности, ряд названий связанных с городами России на Дальнем Востоке, по названию провинций и городов, рек Китая, но с русскими топообразованиями. Названия, связаны с историей, армейской терминологией.

В настоящее время все топонимы имеющие русские названия переименованы в китайские, сохранились лишь несколько улиц, связанные с русской литературой, например: *Гоголя* и *Сталина*. Православные храмы не адаптировались в эпоху исторических изменений, они были разрушены. На карте Харбина стало наименование лишь одного действующего храма, своего священника в нем до сих пор нет.

Литература

1. Зуенко И. Ю. Исчезнувший образ: топонимика русского происхождения в провинции Хэйлунцзян и Автономном районе Внутренняя Монголия КНР // Известия Восточного института – 2018/2 (38) – С. 85–98 – doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-2/85-98
2. Оглезнева Е. А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). – Благовещенск: АмГУ, 2009. – 352 с.
3. План города Харбина [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://kehilalinks.jewishgen.org/harbin/Russian_Map_Large.htm. – (дата обращения 12.09.23)
4. Шипановская Л. М., Краснощека О. Г. Названия улиц старого русского Харбина: особенности номинации // Слово: Фольклорно-диалектологи-

ческий альманах. Материалы научных экспедиций. – Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье / Сост. и ред. Е. А. Оглезнева. – Благовещенск: АмГУ, 2008. – 200 с.

УДК 37.013.43

О. В. Щербакова

(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье говорится о влиянии искусства и художественной литературы на человека в различных периодах его жизни, о формировании профессиональной компетентности благодаря книгам.

Ключевые слова: художественная литература, характер персонажа, «массовая культура», полноценное чтение, навыки общения.

THE INFLUENCE OF ART AND FICTION ON THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE

The article talks about the influence of art and fiction on a person in various periods of his life, about the formation of professional competence through books.

Keywords: fiction, character of a character, “mass culture”, full-fledged reading, communication skills.

Профессиональная компетентность человека формируется не только благодаря профессиональным знаниям, полученным во время обучения, но и благодаря знаниям, которые они черпают из жизни. В процессе прочтения художественной литературы человек погружается в другой мир, и проникается проблемами литературного героя.

Чтение книг оказывает особенно большое влияние в детстве. Пережитое и усвоенное в эту пору отличается большой психологической устойчивостью. Не случайно общение с книгой в детстве является атрибутом автобиографий большинства известными личностями. Нет почти ни одной автобиографии, где не указаны книги, прочитанные до наступления совершеннолетия. Этим авторы показывают, что повлияло на формирование их мировоззрения.

Воспитание книгой чаще всего происходит через имитирование в детстве каждого человека. Совершать поступки, похожие на действия главного героя – это реакция ребенка на литературное произведение, в котором изображён колоритный, положительный характер персонажа.

Однако книги не всегда (как и персонажи) наполняют читателя правильными и полезными впечатлениями. Такой способностью может обладать только **подлинное искусство**, которое неизменно устремлено на совершенствование человека. Бездуховная книга будет забыта быстро, но книга, оставившая след в душе, способна напоминать о себе целую жизнь.

В современном мире на почве бездуховности развивается «массовая культура», очень часто несущая в себе пропаганду насилия, принижения традиционных духовных ценностей. Такая литература в силу ее нравственной облегченности имеет в своём распоряжении способы обезчеловечивать сознание читателя и порождать в сознании подозрительность, а как итог – поклонение потребительству и эгоцентризм. Вследствие ограничения своего репертуара только чтением такой литературы человек незаметно для себя начинает считать нормой аморальность, бесчеловечность, индифферентность.

Сила книги и ее воспитательное воздействие на человека не всегда зависит только от нее самой. Объяснить это можно тем, что многое зависит и от читателя, в связи с его способностью к полноценному чтению. Духовная литература неизменно закладывает в себе педагогический аспект. При всём том не каждый человек самостоятельно данной силой способен воспользоваться. Она оказывает влияние исключительно на мыслящего читателя. А большинство читателей нуждаются в проводнике в мир книги, который обратит внимание на мысли и чувства персонажей в конкретных жизненных ситуациях, поможет ощутить заложенную автором интонацию.

Необходимо учитывать, что в каждом возрастном периоде (детство, юность, зрелость) – своя специфика восприятия. Так, по-разному, в зависимости от возрастного развития читателей, осуществляется педагогическое посредничество между писателем и его произведением с читателем, цель которого в максимальном соединении этих творческих «полюсов».

Художественная литература и искусство играют важную роль в воспитании, просвещении и формировании профессиональной

компетенции, оказывая комплексное и многогранное влияние на развитие человека. Влияние художественной литературы на воспитание выражается в:

- оказании влияния на развитие эмоционального интеллекта читателя. Художественные произведения позволяют сопереживать героям, понимать их мотивы и чувства, что способствует развитию эмпатии, сочувствия и самосознания. Это крайне важно для формирования нравственных ценностей и ответственного поведения;

- в формировании ценностей и мировоззрения. Литература и искусство представляют различные социальные, культурные и моральные ценности, позволяя читателям и зрителям сопоставлять их со своими убеждениями и формировать личное отношение к миру. Это помогает в понимании истории, культуры и разнообразных социальных норм;

- в развитии коммуникативных навыков. Чтение и обсуждение художественных произведений способствует развитию навыков общения, умения выражать свои мысли и идеи, а также критически оценивать позиции других;

- в формировании эстетического вкуса. Искусство развивает чувство прекрасного, восприятие красоты в различных ее проявлениях, что способствует формированию культурной компетентности и более глубокому пониманию окружающего мира.

Влияние на формирование профессиональной компетенции всегда выражается в:

- развитии аналитических навыков. Анализ художественных текстов развивает критическое мышление, способность к анализу, синтезу и интерпретации информации, что полезно во многих профессиях;

- формировании креативного мышления. Искусство развивает способность генерировать новые идеи, находить нестандартные решения и взгляды на проблемы;

- развитию способности к самовыражению: Искусство дает возможность выражать свои собственные эмоции, чувства и идеи, что способствует развитию самопознания и профессиональному росту;

- понимании культурных различий. Искусство разных культур помогает развивать толерантность и понимание разнообразия человеческого опыта, что очень важно в современной среде.

Совсем недавно мы черпали знания из бумажных источников. С появлением интернета современные читатели все реже посещают

библиотеки. Современный профессионал – это динамично развивающаяся личность, которой присущ поиск смысла жизни, раздумья о своем предназначении. Ему очень важно всесторонне развиваться, в том числе с помощью художественной литературы. При создании общезначимых для человечества образов, в дальнейшем становящихся символами, художественная литература формулирует значение всего исторического развития.

Искусство и литература должны быть доступны для всех, а вот глубину понимания усвоит только желающий этого. Читатель сам выбирает, что ему ближе и необходимее – например, так называемое «чтиво» или по-настоящему духовное искусство.

Вследствие изложенного выше можно сделать вывод, что художественная литература и искусство всегда будут являться действенными инструментами для воспитания человека и формирования его профессиональной компетенции. То воздействие на личность человека и профессиональное развитие, что они проявляют, сложно умалить.

Каждый человек обязан уделять время в своей насыщенной жизни чтению художественной литературы. Это доставит немало радости, поможет просветлить умственные способности, обогатит духовный мир, окажет положительное влияние на характер. Воспитание художественной литературой и искусством – это увлекательная умственная деятельность, которая принесёт удовлетворение в итоговом результате и является своеобразной летописью социума и сильным оружием мировой культуры.

Литература

1. Балатукова З. И. Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения / З. И. Балатукова. – Молодой ученый. – 2015. – № 15 (95). – С. 661–663.
2. Муравьёва Е. И. Роль литературы в воспитании молодежи // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 3. – С. 189–193.
3. Науменко Н. М. Методика воспитательной работы: учебно-методическое пособие / О. С. Шаврыгина, Н. М. Науменко. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Оренбург: ОренПечать, 2019. – 88 с.

Г. Р. Юлдошева

(Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики)

СИМВОЛИКА КОСМОНИМОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена исследованию символики космонимов (названий небесных тел) в таджикском языке. Космонимы являются неотъемлемой частью культурного и языкового наследия, отражая мировоззрение, мифологию и научные представления народа. В статье рассматривается происхождение и семантика основных космонимов в таджикском языке, их использование в фольклоре, литературе и повседневной речи. Особое внимание уделено символическому значению небесных тел, таких как Солнце, Луна, звезды и планеты, а также их роли в формировании национальной идентичности и мировоззрения. Работа подчеркивает важность сохранения и изучения космонимов как части культурного наследия и средства передачи духовных ценностей из поколения в поколение.

Ключевые слова: Земля, космос и звезды, Солнце, Луна, Млечный путь, историческое наследие.

SYMBOLISM OF COSMONYMS IN THE TAJIK LANGUAGE

This work is devoted to the study of the symbolism of cosmonyms (names of celestial bodies) in the Tajik language. Cosmonyms are an integral part of the cultural and linguistic heritage, reflecting the worldview, mythology and scientific ideas of the people. The article examines the origin and semantics of the main cosmonyms in the Tajik language, their use in folklore, literature and everyday speech. Particular attention is paid to the symbolic meaning of celestial bodies such as the Sun, Moon, stars and planets, as well as their role in the formation of national identity and worldview. The work emphasizes the importance of preserving and studying cosmonyms as part of the cultural heritage and a means of transmitting spiritual values from generation to generation.

Keywords: Earth, space and stars, the Sun, the Moon, the Milky Way, historical heritage.

Таджикский язык богат символикой космоса, которая проявляется в названиях различных объектов и понятий. **Космос и звезды** игра-

ют важную роль в культуре таджикского народа, отражая их взгляды на мир и окружающую среду.

Названия планет. Например, Меркурий называется «Уторид» в таджикском языке, что переводится как «вестник утра». Это отражает мифологическое значение планеты в качестве божества, связанного с началом нового дня.

Венера в таджикском языке называется «Зӯхро», что может быть переведено как «красавица-королева». Это отражает ее яркость на небосводе и ее связь с любовью и красотой.

Планета **Земля** называется «Замин», что просто означает «Земля», отражая наше родное место жительства. Марс называется «Миррих», что переводится как «пламенный», подчеркивая его яркость и цвет на небесах.

Созвездие Ориона называется «Фирдавс», что в исламской культуре обозначает раем, высшим блаженством. Это символизирует возвышенность и прекрасность этого созвездия на ночном небе.

Символика космоса также воплощается в традиционных именах и фамилиях в Таджикистане. Например, имя Зухра (Юпитер) может носить женщина, также имя Ситора (звезда) встречается среди таджиков. Эти имена отражают поклонение космосу и звездам [Бертельс, 1960: 60–79].

В таджикской литературе также часто используется символика космоса. Например, поэма «Шах-наме» великого поэта Фирдоуси рассказывает о героях и богах, чьи имена часто взяты из мифологии и космоса. Фирдоуси символизировал космос как место, где происходят великие события и борьба за справедливость [Бертельс, 1960: 104–122].

Изобразительное искусство в Таджикистане также часто вдохновлено космической символикой. Картины с изображением звездного неба, галактик и планет могут служить источником вдохновения для местных художников.

Таким образом, символика космоса в таджикском языке пронизывает различные аспекты культуры этого народа – от названий планет до имен и изобразительного искусства. Космос для таджиков – это не только величественное явление на небесах, но и символ гармонии, красоты и духовности, который вдохновляет их в повседневной жизни и в творческом творчестве.

Символика космических названий имеет особое значение в таджикском языке, так как она отражает богатую историю и культуру

этой страны. В таджикском языке есть много слов и выражений, которые связаны с космосом и астрономией.

Например, в таджикском языке существует много слов, которые связаны с небесными телами, такими как «Моҳ» (*Луна*), «ситора» (звезда), «Шарқ» (Восток), «кишти кайҳонӣ» (космический корабль) и др. Эти слова отражают интерес таджикского народа к космосу и небесным явлениям [Бертельс, 1960: 55–72].

Кроме того, в таджикской культуре космическая символика имеет глубокие религиозные и философские корни. Например, в исламской традиции небеса и звезды считаются символами божественного присутствия и мудрости. Таким образом, космические названия в таджикском языке могут нести в себе духовное значение и символизировать связь человека с высшими силами.

Использование символики космических названий также может быть связано с научным и технологическим прогрессом. Таджикистан, как страна с богатым научным наследием, активно участвует в космических исследованиях и программе. Поэтому космическая символика может отражать интерес и уважение к науке и технологиям.

В целом, использование космической символики в таджикском языке отражает разнообразие и культурное наследие этой страны. Эти названия не только являются частью естественного языка жителей Таджикистана, но и символизируют их историю, веру, науку и технологии.

Символика космонимов в таджикском языке имеет глубокие семантические аспекты, отражающие мировоззрение и культуру этого народа. Космонимы, или слова, относящиеся к космосу и небесным явлениям, играют важную роль в языке и мышлении таджиков.

Один из семантических аспектов символики космонимов в таджикском языке связан с духовностью и религией. Для многих таджиков космос и небеса символизируют божественное присутствие и мудрость. Такие слова, как «ситора» (звезда) или «Моҳ» (*Луна*), могут вызывать ассоциации с высшими силами и духовным миром. Эти космонимы часто используются в поэзии и литературе для выражения глубоких чувств и эмоций [Бертельс, 1960: 55–72].

Еще одним семантическим аспектом символики космонимов в таджикском языке является философия и метафизика. Космонимы могут быть использованы для обозначения абстрактных понятий и идей, таких как «Шарқ» (Восток), что может символизировать

начало нового дня или новый этап в жизни. Эти слова могут нести в себе глубокий смысл и помогать людям выразить сложные идеи и концепции.

Космонимы также могут иметь научные и технологические семантические аспекты. Таджикистан активно участвует в космических исследованиях и программе, поэтому слова, связанные с космосом, могут отражать интерес к науке и технологиям. Например, слово «киштии кайҳонӣ» (космический корабль) может быть связано с современными космическими достижениями и технологиями.

Наконец, символика космонимов в таджикском языке может быть связана с культурными и историческими аспектами. Например, названия звезд и созвездий часто имеют свои корни в древних мифах и легендах, которые передаются из поколения в поколение. Такие космонимы, как «Ситора» (**Звезда**) или «Роҳи Каҳкашон» (**Млечный Путь**), могут быть связаны с богатой культурной и исторической традицией таджикского народа.

Символика космонимов в таджикском языке отражает множество семантических аспектов, включая духовные, философские, научные, технологические, культурные и исторические значения. Эти слова не только обозначают небесные объекты и явления, но и являются ключом к пониманию мировоззрения и культуры таджикского народа.

Вот несколько примеров:

1. Офтоб (**Солнце**)

Солнце символизирует свет, тепло, жизнь и источник энергии. В поэзии и устной традиции таджикского народа Солнце часто ассоциируется с красотой, божественным светом и истинным знанием. Например, фраза «дили мисли офтоб» (сердце, подобное **Солнцу**) обозначает человека с чистым и добрым сердцем.

2. Моҳ (**Луна**)

Луна символизирует красоту, романтику и тайну. В классической таджикской литературе Луна часто используется для описания лица любимого человека. Например, в выражении «руи моҳтоб» (лицо, как Луна) Луна ассоциируется с нежностью и привлекательностью.

3. Ситора (**Звезда**)

Звезды в таджикском языке олицетворяют надежду, судьбу и руководство. Фраза «бахти ситора» (счастливая звезда) используется для описания удачи или судьбы человека. Звезда также символизирует что-то далекое, прекрасное и вечное.

4. Кӯҳкоса (Млечный Путь)

В традиционном мировоззрении таджиков Млечный Путь ассоциировался с дорогой к небесам, проводником душ и местом, связанным с небесными тайнами. В народной мифологии и сказаниях он часто упоминается как символ бесконечности и пути.

5. Зухра (Венера)

Венера в таджикской культуре носит имя Зухра и символизирует любовь и утонченность. В некоторых легендах Зухра представляется как воплощение красоты и музыки.

6 Шабнам (роса ночи)

Хотя это больше связано с Землей, слово «шабнам» (ночная роса) имеет космический подтекст, так как ассоциируется с ночью и звездами. Оно символизирует чистоту и нежность, часто используется в поэтических произведениях [Бертельс, 1960: 71–95].

Эти космические образы глубоко проникли в таджикскую литературу, устные традиции и повседневную речь, создавая богатую символику, которая передает как эмоциональные, так и философские смыслы.

Этнические аспекты символики космических названий в таджикском языке могут быть рассмотрены через призму культурных, исторических и языковых факторов. В таджикской культуре космос и астрономия имеют глубокие корни, и многие названия объектов, связанных с космосом, могут отражать традиционные представления и мифологию.

1. Историческое наследие: Таджикистан имеет богатую историю, включая влияние персидской и арабской культур. Это наследие может быть заметно в названиях звезд, планет и других астрономических объектов, которые могут иметь персидские или арабские корни.

2. Языковая символика: В таджикском языке названия астрономических объектов могут обладать не только прямым, но и метафорическим значением. Например, звезды могут ассоциироваться с надеждой, мечтой или судьбой.

3. Культурное значение: Некоторые космические названия могут быть связаны с мифами и легендами таджикского народа. Например, определенные звезды или созвездия могут быть связаны с героями народных сказаний.

4. Современные аспекты: С развитием науки и технологий в Таджикистане, особенно в контексте астрономии, появляются новые тер-

мины и названия, которые могут соединять традиционные представления с современными научными знаниями [Бертельс, 1960: 71–95].

Понимание этих аспектов позволяет оценить, как язык отражает культурные идентичности и мировоззрение таджикского народа в контексте космоса и астрономии.

Литература

1. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. Избранные труды. М., 1960. – С. 104–122.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. Пер. с нем. М., 1996. – С. 58–80.
3. Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов в сравнительно-сопоставительном аспекте. Д., 2001. – С. 116–138.
4. Мухаммадиев Ш. Астрономические знания в культуре таджиков. – Душанбе: Ирфон, 1985. – С. 71–95.
5. Насир ад-Дин ат-Туси. Трактат о небесных телах. – Тегеран, 1960. – С. 55–72.
6. Новиков Е. П. Космос и язык: семантика астрономических названий. Журнал лингвистических исследований. Т. 5, № 1. 2018. – С. 10–22.
7. Расторгуева В. С. Среднеперсидский язык и его роль в формировании таджикского языка. – М.: Наука, 1980. – С. 60–79.
8. Саидова М. Г. Астрономическая лексика в английском и таджикском языках.

УДК 81'42:004.8

Е. А. Юрова

(Кубанский государственный университет)

ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ КАК ОДИН ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТОВОГО КОНТЕНТА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются тексты, созданные с помощью нейросетей и опубликованные в различных видах медиадискурса. Некоторый сгенерированный контент подвергается сомнению и нуждается в фактчекинге, в связи с этим фактические ошибки определяются как один из лингвистических признаков генерации текста.

Ключевые слова: нейросеть, искусственный интеллект (ИИ), медиадискурс, сгенерированный текст, признаки сгенерированного текста, фактические ошибки.

FACTUAL ERRORS AS ONE OF THE LINGUISTIC FEATURES OF THE GENERATED TEXT CONTENT IN THE MEDIA SPACE

The article examines the texts created with the help of neural networks and published in various types of media discourse. Some generated content is questioned and needs fact-checking, and therefore factual errors are defined as one of the linguistic features of text generation.

Keywords: neural network, artificial intelligence (AI), media discourse, generated text, linguistic features of the generated text, factual errors.

Изучение сгенерированного текстового контента представляет собой актуальную тему в период последнего десятилетия, особенно с 2022 года, когда произошел «IT-бум» в связи с релизом генеративной текстовой нейросети ChatGPT [Оломская, Юрова, 2025: 221].

Стремительное развития современного мира обеспечило также и развитие роботизации, постепенно поглощающей все сферы жизнедеятельности человечества. Многие действия уже не представляются возможными без помощи искусственного интеллекта. Например, представители различных профессий, среди которых филологи, лингвисты, журналисты, специалисты по рекламе и PR-менеджеры, так или иначе работающие с текстом, находят всевозможное применение нейросетям в своей работе. С помощью них создаются обучающие материалы, новости, журнальные статьи, реклама, тексты на сайтах, посты в социальных сетях, тексты для выступления политиков, новости в газетах и даже их телевизионные выпуски [Newman, 2019: 33]. Также возможно делегировать нейросетям отдельные задачи, такие как генерация идей, заголовков к статьям, и систематизация данных. Например, Телеграм-сообщество Neural Meduza (независимое издание Meduza признано Генпрокуратурой Российской Федерации нежелательной организацией) публикует заголовки новостей, сгенерированных нейросетевой моделью GPT-3 [Neural Meduza]. Предполагается, что по заголовку можно также сгенерировать и текст новости, что демонстрируют пользователи сообщества в комментариях к постам.

Нейросеть – это технология искусственного интеллекта, компьютерная модель, имитирующая работу нейронов в человеческом головном мозге, чем обосновано ее название [Мельникова, Лопаткин, Кожева, 2023: 43].

Нейросети могут обучаться на основе своего опыта (запросов, собственных ответов, взаимодействия с пользователем, обращения к сети Интернет).

Применительно к медиадискурсу автор выделяет следующие некоторые виды нейросетей по формату сгенерированного контента:

- генерирующие текст (ChatGPT, LeChat, Turbo Text, Порфирьевич и т. д.);
- генерирующие изображения (Midjourney, Stable Diffusion, DALL-E, Kandinsky, Шедеврум и т. д.);
- генерирующие аудио (Маэстро, Media.io и т. д.)
- генерирующие видео (Stable Video Diffusion, Kandinsky, Шедеврум и т. д.) [Большой список].

Нейросети способны анализировать речь человека, а затем имитировать ее, обрабатывать изображения и видео для создания альтернативной версии любого объекта и субъекта («дипфейка» – “deep fake”) [Оломская, Юрова, 2024: 111].

Сгенерированный контент быстро распространяется на различных платформах и сервисах. Генерация текста, изображений, видео и аудио стала доступна каждому пользователю сети Интернет. Намерения создания синтетического контента регулируются этическими нормами каждого человека, потому что отследить некачественный и фейковый материал на данном этапе не представляется возможным. Однако, в связи с тем, что медиаиндустрия обеспечила сгенерированному контенту скорость распространения [Оломская, Юрова, 2025: 221], так как его разработка не требует интеллектуальных усилий, оплаты штата сотрудников и временных затрат [Оломская, Юрова, 2024: 73], специалисты ищут способы фильтрации и выявления сгенерированных фейков. Отличить синтетический контент практически невозможно для стандартного, рядового пользователя Интернета, но для филолога и лингвиста становятся очевидными языковые ошибки и неточности.

Наиболее явными для распознавания сгенерированных текстов становятся фактические ошибки. Они могут быть доступными для понимания сразу или скрытыми и требующими изучения дополнительных источников.

Автор статьи предпринял попытку классифицировать типы фактических ошибок в текстах, сгенерированных нейросетью и опубликованных в различных жанрах медиадискурса:

- неверные источники и ссылки на несуществующие материалы (статьи в Интернет-энциклопедиях);
- частично неправильные данные, например, ошибки в числовых показателях или неверный хронотоп, то есть, отсылка к месту и времени (любой жанр медиадискурса);
- неверные, перефразированные цитаты (любой жанр медиадискурса);
- полностью ошибочные и придуманные факты, то есть, весь текст описывает несуществующие явления (любой жанр медиадискурса);
- намеренно запущенная дезинформация, фейки, то есть, информация, созданная с манипулятивной целью (политические посты в социальных сетях или политические новости).

Неверные источники и ссылки на несуществующие материалы. В IT-сфере появилось понятие «галлюцинация» (false information that is produced by an artificial intelligence) [Hallucination] или «семантический дефект» [Гусаренко, Гусаренко, 2024: 369], применимое к нейросетям и обозначающее «выдумывание» не существующего, но правдоподобного материала ввиду невозможности ответа на запрос пользователя. Наиболее часто встречающийся вариант нейросетевой галлюцинации – неверный список источников к Интернет-статьям, например, в Википедии находится список страниц, материал которых подозревается в наличии признаков генерации. Ни один из источников к любой из представленных в разделе статей не существует [Wikipedia: List of Hoaxes]. Наличие подобных фейковых ссылок послужило основанием для подозрения данных статей в сгенерированности и изъятии их из общего доступа.

Частично неправильные данные, например, ошибки в числовых показателях или неверный хронотоп. Например, в Телеграм-посте Ильи Померанцева, кандидата на пост Губернатора Нижегородской области в 2023 году, предвыборная кампания которого открыто проходила с использованием искусственного интеллекта, есть пост от 22 августа 2023 года, в котором приведены неточные числовые данные: выборы губернатора Нижегородской области происходили в период с 8 по 10 сентября 2023 года, в тексте поста сказано только о 10 сен-

тября: «10 сентября в Нижегородской области пройдут выборы губернатора» [Пост Ильи Померанцева].

Неверные, перефразированные цитаты. Нейросеть не может генерировать цитаты достоверно. Также в одном из постов Ильи Померанцева имеется отсылка к Кириллу Быканину, лидеру партии «Гражданская сила», чья цитата приводится как прямая речь: «Законотворцы предлагают увеличить зарплату на 10–15 %». Однако, в оригинальном источнике, на личной странице Кирилла Быканина в Вконтакте опубликован иной вариант высказывания: «Депутаты предлагают с 1 сентября увеличить зарплаты бюджетникам на 10–15 %» [Пост Кирилла Быканина]. То есть, нейросеть сохранила смысл высказывания, но изменила цитату [Пост Ильи Померанцева].

Полностью ошибочные и придуманные факты. Нейросеть может «сочинять» информацию, которой нет на самом деле, так как главная функция этой системы – сгенерировать текст, похожий на текст в авторстве человека. Например, фейковая статья «На дне океана обнаружили медузу с человеческими глазами и ртом» на сайте Лапша. медиа. Название сайта является «говорящим», так как данный сервис разоблачает фейки.

Намеренно запущенная дезинформация, фейки. В английском языке есть два понятия: “disinformation” (false information spread in order to deceive people – ложная информация, распространенная с целью обмана людей) [Disinformation] и “misinformation” (wrong information, or the fact that people are misinformed – неверная информация или факт того, что люди неправильно проинформированы) [Misinformation]. Следует отличать фейк или дезинформацию от просто ошибочных фактов, так как в первом случае материал создан с целью намеренного манипулирования и введения в заблуждение кого-либо, а во втором – просто ложная информация. Такой вариант использования нейросетей (дезинформация) на мировом уровне замечен у политиков, например, многочисленные дипфейки, созданные штабом Дональда Трампа с целью дискредитировать Джо Байдена во время предвыборной президентской кампании 2024 [Beat Biden; A. I. Joe Biden].

Любая информация требует особой ответственности и контроля, поэтому в лингвистике должна появиться новая дисциплина по фактчекингу сгенерированной информации. Также должны быть разработаны принципы и критерии ее проверки на подлинность.

Вопрос, действительно ли нейросети облегчают труд человека и экономят время на создание материала, остается открытым, так как медиаконтент, созданный с помощью нейросетей, является сомнительным творчеством, нуждающимся в фактчекинге и корректировке ошибок.

Литература

1. Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Композиционно-структурные, семантические и пресуппозиционно-прагматические параметры и дефекты сгенерированных коротких текстов в языковой нейросети Gigachat / С. В. Гусаренко, М. К. Гусаренко // Филологические науки / *Philological Sciences*. 2024. – Т. 11. – № 2. – С. 368–379.

2. Мельникова Д. А., Лопаткин Д. С., Кожева А. А. Искусственный интеллект как способ создания нового контента / Д. А. Мельникова, Д. С. Лопаткин, А. А. Кожева // *Успехи в химии и химической технологии*. 2023. – Т. 37. – № 1. – С. 43–47.

3. Оломская Н. Н., Юрова Е. А. Лингвистические маркеры сгенерированных новостей (на материале президентских выборов 2024 в США) / Н. Н. Оломская, Е. А. Юрова // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов*. 2025. – С. 220–229.

4. Оломская Н. Н., Юрова Е. А. Манипулирование мнением электората с помощью дипфейков в период новой избирательной кампании 2024 в США / Н. Н. Оломская, Е. А. Юрова // *Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов*. 2024. – С. 109–115.

5. Оломская Н. Н., Юрова Е. А. Манипулятивный аспект сгенерированных нейросетью фейковых новостей о выборах / Н. Н. Оломская, Е. А. Юрова // *Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития*. 2024. – С. 72–77.

6. Newman N. Journalism, Media and Technology Trends and Predictions / N. Newman. – Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2019. – 46 p.

7. Большой список генеративных нейросетевых сервисов: 99 причин подружиться с ИИ // *habr.com*. 2023. URL: <https://habr.com/ru/companies/first/articles/753922/> (дата обращения: 05.03.2025).

8. На дне океана обнаружили медузу с человеческими глазами и ртом // *lapsha.media*. 2025. URL: <https://lapsha.media/feiky/meduza-chelovecheskoe-li-co/> (дата обращения: 07.03.2025).

9. Пост Ильи Померанцева от 20 августа 2023 года // *telegram.org*. 2023. URL: https://t.me/Pomerantsev_Ilya/92 (дата обращения: 05.03.2025).

10. Пост Ильи Померанцева от 22 августа 2023 года // telegram.org. 2023. URL: https://t.me/Pomerantsev_Ilya/96 (дата обращения: 05.03.2025).
11. Пост Кирилла Быканина от 17 августа 2023 года // vk.com. 2023. URL: https://vk.com/wall329250628_3159 (дата обращения: 05.03.2025).
12. A.I. Joe Biden is NOT Holding Back in This Ad | The Daily Show // youtube.com. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JONzK-AUzro> (дата обращения 05.03.2025).
13. 'Beat Biden': GOP's AI-generated ad paints San Francisco as dystopia // sfstandard.com. 2023. URL: <https://sfstandard.com/2023/04/25/beat-biden-gops-ai-generated-ad-paints-san-francisco-as-dystopia/> (дата обращения: 06.03.2025).
14. Disinformation// cambridge.org. 2025. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/disinformation> (дата обращения: 07.03.2025).
15. Hallucination// cambridge.org. 2025. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hallucination> (дата обращения: 07.03.2025).
16. Misinformation// cambridge.org. 2025. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/misinformation> (дата обращения: 07.03.2025).
17. Neural Meduza// telegram.org. 2025. URL: <https://t.me/neuralmeduza> (дата обращения: 06.03.2025).
18. Wikipedia: List of hoaxes on Wikipedia / Amberlisihar // wikipedia.org. 2024. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wikipedia:List_of_hoaxes_on_Wikipedia/Amberlihisar (дата обращения: 07.03.2025).

УДК 811.161.1

Ю. Языкова

(Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ В ВЕТЕРИНАРНОМ ВУЗЕ

Статья посвящена исследованию возможностей искусственного интеллекта в обучении русскому языку и культуре речи студентов ветеринарного вуза. Рассматриваются методы применения искусственного интеллекта для развития коммуникативных навыков, включая моделирование ситуаций общения «ветврач–клиент» и адаптацию профессиональной терминологии для клиентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, русский язык, культура речи, ветеринария, профессиональная терминология, моделирование коммуникативных ситуаций.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE AT A VETERINARY UNIVERSITY

The article explores the potential of artificial intelligence in teaching the Russian language and speech culture to students at a veterinary university. It examines methods of applying artificial intelligence to develop communication skills, including modeling “veterinarian-client” communicative situations and adapting professional terminology for clients.

Keywords: artificial intelligence, Russian language, speech culture, veterinary medicine, professional terminology, modeling of communicative situations.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) активно внедряется в образование, становясь его неотъемлемой частью на фоне глобального процесса цифровизации. В частности, в аграрных вузах России технологии на основе ИИ уже находят применение и получают широкое признание, что только подчеркивает стремительное внедрение цифровых технологий в образование [Котова, 2020: 98]. Однако не всеми тотальная цифровизация образования рассматривается как положительный процесс. Так, существует критика технологий на основе ИИ, утверждающая ошибочное отождествление знания и информации: ИИ транслирует информацию, но она не становится знанием, так как не получает должного осмысления [Маковецкая, 2022: 365]. Следовательно, при применении ИИ в образовании нужно учитывать, что ИИ способен передавать информацию, но не может обеспечить ее превращение в знание.

В данном исследовании мы рассмотрим, как ИИ может помочь в обучении русскому языку и культуре речи в ветеринарном вузе. Целью исследования является изучение возможностей и эффективного применения технологий ИИ для улучшения процесса обучения русскому языку и культуре речи студентов ветеринарного вуза. Это включает в себя разработку и внедрение инновационных методов, которые помогут студентам лучше усваивать языковые нормы, развивать навыки устной и письменной речи, а также адаптировать учебный процесс к индивидуальным потребностям каждого учащегося.

Профессиональная деятельность ветеринарного врача в основном реализуется в двух областях: в ветеринарных клиниках и в сельском хозяйстве. При этом, как отмечают исследователи, в ветеринарных клиниках ветврач вступает в большее коммуникативное взаимодействие, чем в области сельского хозяйства [Короткова, 2022: 253]. Соответственно, коммуникативных сложностей и коммуникативных неудач у ветврача в клиниках будет намного больше. В этой связи нам представляется эффективным рассмотрение коммуникации по линии «ветврач–клиент» в обучении русскому языку и культуре речи в ветеринарном вузе.

Опираясь на линию общения «ветврач–клиент», мы можем сказать, что данный тип общения во многом схож с гуманной медициной и линией общения «врач–пациент»: ветеринарному врачу так же, как и человеческому, необходимо проявлять эмпатию, соблюдать нормы речевого этикета, соблюдать нормы невербальной коммуникации, уметь адаптировать информацию под клиента и нек. др. [Матвеева, 2014]. Тем не менее здесь будет одно существенное отличие: в ветеринарной практике выделяется животное, которое не может самостоятельно вербализировать собственные потребности, поэтому их передает владелец животного, или клиент, и именно от клиента будет зависеть здоровье и благополучие животного. Отметим, что для ветеринарного врача главным ценностным ориентиром является благополучие животного [Севастьянова, 2023: 108]. Соответственно, ветеринарный врач должен действовать в первую очередь в интересах животного.

Рассмотрим ситуации, с помощью которых ИИ может развивать коммуникативные навыки ветврача с опорой на ситуацию общения «ветврач–клиент». Прежде всего, ИИ может моделировать коммуникативные ситуации общения ветеринарного врача и клиента. ИИ-платформы могут создавать симуляции реальных ситуаций, с которыми сталкиваются ветеринарные врачи. Например, студенты могут отрабатывать диалоги с виртуальными клиентами, объясняя диагнозы или давая рекомендации по уходу за животными. Или ИИ может предложить сложную этическую ситуацию, например ситуацию, где клиент отказывается оплачивать дорогостоящее лечение, тогда как животному для выздоровления необходимо именно это лечение. ИИ таким образом может анализировать речь студента, дать обратную связь и предложить лучший вариант.

Также ИИ может адаптировать профессиональную терминологию для понимания ее клиентом. Студенты, обучаясь в вузе, овладевают терминологией на специальных дисциплинах. На занятиях по русскому языку и культуре речи внимание студентов обращено к научному и официально-деловому стилям. Научный стиль обсуживает нужды учебные, а официально-деловой – нужды профессиональные [Загороднюк, 2024: 118]. Углубив свои знания в научном и официально-деловом стилях и овладев терминологией на специальных дисциплинах, студенты не всегда могут адаптировать информацию для устной передачи человеку, не разбирающемуся в ветеринарии. Соответственно, одной из сложностей для студентов является переход от научного и официально-делового стилей с использованием профессиональной терминологии к простому и понятному изложению для клиента. ИИ-платформы могут помочь студентам, автоматически переформулировав тексты, делая их доступными для непрофессиональной аудитории, т. е. для клиентов. Это может помочь студентам научиться адаптировать свою речь под разные коммуникативные ситуации.

На основе вышеизложенного мы можем сделать вывод, что ИИ может быть хорошим помощником в обучении студентов-ветеринаров русскому языку и культуре речи. Использование технологий на основе ИИ открывает много новых возможностей для улучшения коммуникативных навыков будущих ветеринарных врачей, что особенно важно в профессиональном общении по линии «ветврач–клиент». ИИ позволяет моделировать реальные коммуникативные ситуации, адаптировать профессиональную терминологию для понимания клиентами, а также предоставлять обратную связь.

Однако важно учитывать, что ИИ, хотя и эффективен в передаче информации, не способен самостоятельно превратить ее в знание. Это требует активного участия студентов и преподавателей в процессе обучения.

Таким образом, применение ИИ в обучении русскому языку и культуре речи в ветеринарном вузе может значительно повысить качество подготовки будущих ветеринарных врачей. Однако успешное внедрение технологий требует тщательного подхода, учитывающего преимущества ИИ и его недостатки.

Литература

1. *Загороднюк А. А.* Обучение студентов-ветеринаров книжно-письменным структурам официально-делового стиля: анализ текста договора об оказании ветеринарных услуг / А. А. Загороднюк // Ветеринарная лабораторная практика, Санкт-Петербург, 18–22 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2024. – С. 118–120.
2. *Короткова Н. Л.* Роль коммуникативной компетенции в профессиональной подготовке будущего ветеринарного врача / Н. Л. Короткова // Проблемы и пути развития профессионального образования: Сборник статей Всероссийской научно-методической конференции, Иркутск, 10–11 ноября 2022 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 253–255.
3. *Котова А. В.* Цифровое образование в аграрном секторе / А. В. Котова // Цифровые трансформации в образовании (E-Digital Siberia'2020): Материалы IV Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 23 апреля 2020 года. – Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2020. – С. 97–101.
4. *Маковецкая М. В.* Философская рефлексия о процессе цифровизации образования / М. В. Маковецкая // Философия и культура информационного общества: Десятая международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2022. – С. 364–366.
5. *Матвеева Т. Ф.* Этический аспект речевого общения «врач-пациент» как ключевая тема курса «Культура речи врача» / Т. Ф. Матвеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 4. – С. 118–123.
6. *Севастьянова А. Д.* К вопросу об этике отношений человека с животными-компаньонами / А. Д. Севастьянова // XV Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2023. Разумность. Практичность. Человечность»: Материалы конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. – Санкт-Петербург: ООО «Сборка», 2023. – С. 108–109.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. С. Маджар, Л. Л. Костаи.</i> Особенности англоязычных терминов в сфере архитектуры	3
<i>И. О. Мамедова.</i> Multiculturalismus im Rahmen des aserbajdschanischen Modells.....	9
<i>Д. С. Мараховский, Л. Л. Костаи.</i> К вопросу об особенностях перевода библеизмов	15
<i>М. С. Медведева.</i> Лексические особенности перевода эпистолярных текстов	21
<i>Н. Т. Мирзоева.</i> Разночтения в понятии патриотизма и пацифизма в военной публицистике К. Симонова и Э. Хемингуэя	27
<i>Е. И. Михалева.</i> Развитие фонетической компетенции студентов с помощью техники теневого чтения	33
<i>И. Ю. Моисеева, Д. А. Калдыбаева.</i> Реализация концепта «Еда» в медийном дискурсе Казахстана.....	38
<i>И. В. Мунина, С. А. Дерябин.</i> Влияние социальных сетей на стиль и тон коммуникации	44
<i>И. В. Мунина, Ю. С. Рязанова.</i> Влияние климата на межкультурную коммуникацию	47
<i>И. В. Мунина, С. Е. Салмина.</i> Инновационные образовательные технологии обучения родному и иностранным языкам в школе и в вузе	52
<i>И. В. Мунина, К. М. Хозяинов.</i> Проблемы перевода некоторых лингвистических единиц в аспекте межкультурной коммуникации.....	58
<i>И. В. Мунина, А. С. Щетинина.</i> Интерактивные технологии в обучении иностранным языкам: как виртуальная реальность меняет подходы к изучению иностранного языка в вузах России	62
<i>М. Э. Мухтарова.</i> Влияние гендерных метафор в англоязычном газетном дискурсе на азербайджанский и турецкий медиадискурсы	67
<i>Д. В. Мырза, В. А. Юзифович.</i> Феномен мема в интернет-пространстве	73
<i>Ю. И. Назарчук.</i> Цифровое образование: технологии будущего в современном мире	82
<i>М. С. Никитина.</i> Ценностная детерминация венесуэльского варианта испанского языка	86
<i>Л. В. Николаева, А. М. Кирилина.</i> Гендерные стереотипы и феминистские тенденции в англоязычной литературе	89
<i>А. В. Норманская.</i> Межкультурное взаимодействие современной молодежи: глобальные тренды и локальные практики.....	96
<i>О. Н. Обухова, С. Ю. Огородникова.</i> Немецкоязычный фронтовой документ: модели и типы сложных слов.....	99
<i>Г. А. Ораев, М. Н. Гарядыев, Д. Ш. Шохрадова.</i> Инновационные технологии в преподавании родного и иностранных языков в средних и высших учебных заведениях.....	104
<i>А. И. Павленко.</i> Когнитивные прототипы понимания перевода.....	107

<i>И. Н. Пинегина. Лексические особенности речи персонажа-мафиози в англоязычном кинодискурсе и их роль в создании кинообраза (на материале сериала «Клан Сопрано»)</i>	<i>115</i>
<i>Н. Г. Пирогова. Асинхронные курсы английского языка в высшем образовании: реализация, проблемы и результаты обучения студентов</i>	<i>120</i>
<i>Е. А. Погорелая. Современная цифровая культура и языковая личность... 123</i>	<i>123</i>
<i>С. С. Полежаева. Контент учебного материала по русскому языку и литературе как фактор формирования межкультурных связей в многоязычном социуме</i>	<i>130</i>
<i>В. Ф. Попова. Типурь де екзерчиций утилизате ын предаря, евалуаря нумералулуй.....</i>	<i>137</i>
<i>В. Ф. Попова. Елемементе де експресивитате але текстулуй поетик Александрин</i>	<i>142</i>
<i>А. Н. Поян. Ролул интелиженцей артифициале ын дезволтаря компетенцелор лингвистиче ын кадрул орелор де лимбэ молдовеняскэ пентру студенций алолингвь</i>	<i>149</i>
<i>И. В. Привалова. Методологические подходы и принципы обучения иностранному языку как средству межкультурного взаимодействия</i>	<i>153</i>
<i>Ч. Прукасит. Virtual classrooms in foreign language instruction: challenges, innovations and future prospects</i>	<i>158</i>
<i>С. К. Пышкина, Л. Г. Ратушная. Влияние англоязычного сленга на формирование языковой картины мира поколения альфа в контексте русскоязычной коммуникации</i>	<i>163</i>
<i>Ж. И. Рахимов. Развитие значений заимствованных слов и тенденции в их употреблении</i>	<i>168</i>
<i>Т. А. Романова, А. С. Суханова. Автоперевод как интерпретативная деятельность (на примере романа В.В. Набокова «Лолита»)</i>	<i>172</i>
<i>А. Р. Рябова. Неологизмы, образованные от антропонима «Дональд Трамп» в англоязычных СМИ.....</i>	<i>178</i>
<i>А. С. Саврацкая. Информационные технологии в переводческой деятельности.....</i>	<i>182</i>
<i>А. С. Саврацкая, А. П. Кока. Особенности перевода терминологии в сфере дизайна интерьера.....</i>	<i>185</i>
<i>А. А. Салихова, П. Ю. Ерепова. Language as a means of preserving cultural identity in the context of globalization</i>	<i>190</i>
<i>А. В. Самарин, К. К. Охрименко. Роль переводчика как медиатора между культурами</i>	<i>194</i>
<i>А. В. Самарин, Е. В. Плассина. Интерактивные уроки Varwin как пример инновации в преподавании английского языка.....</i>	<i>197</i>
<i>М. В. Седых. Нейтральные английские композиты с глагольно-дизъюнктивной словообразовательной моделью</i>	<i>201</i>
<i>А. А. Скомаровская. Структурные особенности олицетворения в женской поэзии приднестровского региона</i>	<i>205</i>

О. Д. Сыроватко. Скрайбинг как техника визуализации на уроке английского языка	210
Ю. Г. Ткачева. Роль адаптивной стратегии в транспонировании дифференциальных смыслов оригинального текста	214
Я. А. Ткаченко. How modern technologies help in the development of authentic materials	219
А. А. Ткачёва. Le vocabulaire obsolète en Anglais et an Français	224
М. В. Фокша. Бессоюзные предложения с глаголом побуждения в современной французской речи	226
Г. Халджанов, А. Нарбаева, Я. Ягшымаммедов, Д. Душимова. Современные подходы к изучению языков в Туркменистане	233
А. М. Харитонов. Об отображении исторической географии Древней Руси в произведениях древнерусской литературы.....	238
А. Д. Хвостик. К вопросу о переводе эллипсиса в художественном тексте	243
П. А. Хренова. Фитонимическая лексика в произведениях английских поэтов-романтиков 18–19 веков	246
Н. П. Хрящёва. Выявление и описание стратегий овладения грамматикой русского языка как иностранного	251
Хэ Вэйсянь. Исследование перевода китайских политических метафор на русский язык (на материале доклада XX Всекитайскому съезду КПК)	257
Чжан Цзысин. Особенности фразеологизации в китайской мемуграфии	261
В. П. Шель. Литература как пространство установления межкультурного взаимодействия и диалога культур	268
А. В. Шкапова. Художественные функции антропонимов в романе И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и проблема их реализации в немецком переводе	273
О. С. Шобокшанова. Русское топонимическое пространство Харбина как отражение русской культуры	279
О. В. Щербакова. Влияние искусства и художественной литературы на формирование профессиональной компетенции.....	286
Г. Р. Юлдошева. Символика космонимов в таджикском языке	290
Е. А. Юрова. Фактические ошибки как один из лингвистических признаков сгенерированного текстового контента в медиапространстве	295
Ю. Языкова. Искусственный интеллект в обучении русскому языку и культуре речи в ветеринарном вузе	301